

Яков Кротов

**ХРИСТИАНСТВО
ПО
ЕВАНГЕЛИЮ
ОТ МАРКА**

Электронная публикация от 1 августа 2024 года. 69 700 слов, 465 898 знаков с пробелами (11,5 авторских листов). Верстка автора. Сайт автора krotov.info.

1. ЧТО ТАКОЕ «ДУХОВНЫЙ РОСТ»

В Евангелии от Марка вере посвящена притча о сеятеле, начинающаяся фразой:

«И опять начал учить при море; и собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сидел на море, а весь народ был на земле, у моря» (Мк 4:1).

Чтобы к чему-то прийти, надо идти. Духовная жизнь это путь. К Иисусу приходят — и получается толпа. В греческом тексте Евангелия именно «большая толпа», «охлос». В синодальном смягчено — «множество народа». Духовный путь изначально — именно путь. Человек думает, что он первый идёт по этому пути, а ведь путь кто-то протапывал. От кого-то он услышал, что, мол, вот такое дело... стоит сходить... Интимнейшее «верую», глубина души начинается с другого, который подсказал, сформулировал, протоптал.

У духовной жизни есть один принцип — рост. Не растёшь, значит, увядаешь. Рост бесконечный, этим духовный рост отличается от физического. Один принцип и четыре правила, встречающиеся во всех религиях. Идешь по дороге — молись, помогай, читай, объединяйся. Все четыре правила невозможны, если человек один.

«Молиться» — это ведь не только дома, под одеялом. Это и с другим человеком. Как говорить — не только себе под нос. Не научишься говорить, замкнувшись от других. Трудно молиться, когда озлоблен на других, видишь во всех жестокую глупую толпу. Поэтому Иисус и скажет, что сперва простить, потом молиться.

«Помогать» — дела милосердия — это ведь главный принцип в походе. Ориентируйся на слабейшего, не бросай, поделись тем, что у тебя припасено.

«Читай» — конечно, это прежде всего об Откровении в букве и слове, грозе и буре, так ведь и тут невозможно быть одиночкой. Откровение пришло через других, откровение не может быть понято без других. Себя, любимого, читает тот, кто, по английской поговорке «читает свою Библию», не обращающая внимания на другого.

Так что правило «объединяйся», спародированное в «пролетарии всех стран», это даже не правило, это суть духовного роста. Боязнь объединения — проявление духовного роста, самой первой его фазы, когда человек элементарно боится, что его обманут, грязными ботинками заляпают ему сердце... Конечно, обманут и заляпают, но это не повод скукоживаться в своей берлоге. Просто объединяться надо — перед Богом. Если Его нет — вопросов нет, каждый гниёт в одиночку. Но если есть вера — вперёд, к нему, с толпой — тут ведь и двое, и трое уже толпа, уже могут задавить. Причём задавить могут не верующих, а Того, в Кого веруют. Собственно, на Голгофе это и произошло. Вот чтобы дойти до Голгофы, Иисус благо-разумно дистанцируется от толпы. Но после Голгофы уже совсем другая история...

Одно из самых удачных (и знаменитых) сравнений психического состояния с материальным, веры с зерном, рождается на стыке не менее контрастных миров: воды и суши, личности и коллектива.

Сколько воды, неважно. Тивериадское озеро две тысячи лет назад величали Галилейским морем. Критерий вроде бы простой: если маленькая лужа соединена с мировым океаном, то она море. Если огромное море от океана изолировано, то оно озеро, хотя в быту, конечно, и Каспий называют морем, и Байкал.

А как быть с душой? Может ли большая душа (великодушная) не соединиться с человечеством как целым или даже с какою-нибудь «мировой душой»? А если изолирована, то — мелкая душонка, эгоистическая?

Как бы не так. Никакой мировой души, никакого человечества не существует. Люди не суммируются, в отличие от денег. Великодушные тем и поразительно, что оно знает: все души одного размера. Про «мелкие душонки» придумали мелкие душонки.

При этом «человек не остров». Связи есть. Наивные древние (и не очень) евреи полагали, что можно выпустить из организма «всю кровь». Безусловно, нельзя — во всяком случае, доступными в быту средствами. Кровь не только в артериях и венах, заметных даже снаружи, она пронизывает весь организм мельчайшими капиллярами. Связи наши с другими людьми незаметные, но реальные, и порвать их не выйдет, даже

если бы хотелось. Почему иногда хочется? Потому что кажется, что нельзя быть собой, нельзя найти Высшего, не отделившись от людей.

Вот один еврей услышал о «сыне человеческом». В единственном числе. Все — «сыновья человеческие» (кроме женщин, но женщин не исключали намеренно, а просто как-то так... само собой... ну, грешные же люди, в том-то и проблема!). Но сын человеческий — если в единственном числе — один. Придет и всё будет ОК. Бессмертный, огромный, сияющий, всемогущий...

Услышал еврей и пришёл посмотреть — может, в самом деле сын человеческий? Конечно, теоретически он должен быть размером с десять гор, но, может, просто он ещё в процессе созревания?

Пришёл — и прежде всего увидел, что он не один такой. На греческом (а евангелия сохранились только на греческом, а некоторые прямо на греческом и писались) — «толпу», «охлос». В русских переводах обычно застенчиво дают «множество людей». Однако, в греческом есть и собирательное «люди» («лаос»), есть «этнос», есть «демос», но тут именно «охлос». Древние греки не видели ничего плохого в толпе. Это лет двести назад, при романтиках, стали противопоставлять благородного одиночку стадам. Даже Пушкин этим грешил. К чему, грит, стадам дары свободы! Ну что делать, это он так с коллективизмом боролся в самом себе!

Состоит толпа из последовательных эгоистов, которые думают лишь о себе. Каждый настолько поглощен собственным спасением, что не заботится о Спасителе, теряет способность соображать: задавишь ведь Того Самого, Которым восторгался. Можно сказать, что виноват Иисус: почему не нашел места попросторнее. Так ведь эгоизму везде будет тесно! Поставь его на облаках перед троном Создателя, так он на трон заберется и попросит Создателя подвинуться. Бог сотворил мир достаточно большим, чтобы всегда человеку виделось впереди пусть маленькое, но все же свободное пространство. Что свобода эта не для меня припасена, а для другого, — такое понять можно, только если уже спасен от эгоизма. Получается замкнутый круг, который Иисус и разрывает, пересаживаясь в лодку. Или возносясь на небо.

Человек и толпа, народ, человечество — как суша и моря. Если не будет моря, то суша будет безжизненна, хотя если море затопит сушу, то человечество тоже немножечко погибнет, все вместе и каждый в отдельности. Да, толпа дело такое... Чтобы толпа не устраивала давку, каждый отдельный человек в толпе должен быть очень высоко развитой личностью. Тут этого нет — высокое развитие не условие спасения, а результат. Да и результат — это сильно сказано... условно... Что ж, Бог — педагог. Поэтому Он не кричит — «стройся!» «тихо!» — а находит чудный компромиссный вариант: садится в лодку и разговаривает с людьми, отделённый от них узкой полоской воды, которая как ров между осаждающими врагами и замком. Просто бывают осаждающие враги, а бывают осаждающие друзья.

Толпа, конечно, небольшая, иначе просто не было бы слышно. Но ведь и двое и трое — толпа, при определённых условиях. Адам и Ева — были люди, а стали толпа. Иисус хочет повернуть противоположную процедуру. Но для этого нужна одна малость — вера. Штука странная и, скорее, невозможная. Так ведь и зерно, если вдуматься, штука странная и, скорее, невозможная, а ведь зерно случается. Собственно, и сеятеля не нужно — растения превосходно размножились семенами, спорами и зёрнами задолго до появления людей. Так что сравнение веры с зерном не так оригинально, как сравнение Бога — с сеятелем.

Вера не то чтобы не растёт сама по себе... Растёт, конечно... Только это несъедобная, а часто и ядовитая вера, суеверие. Чтобы стать сеятелем, сперва надо стать одомашнивателем — одомашнить дикие растения. Чем Бог и занимался несколько тысячелетий, дольше, чем люди занимались одомашниванием растений. Так что откровение о вере, откровение о человеке как носителе веры — вторично по отношению к откровению о Боге как о Том, кто одомашнивает человека, возвращая его потихоньку из дикого состояния в естественное. Дикое состояние — это когда человек у себя дома, естественно же для человека быть дома у Бога, даже если при этом Бог всё равно наособицу, словно ты на суше, а он в лодке. Но если Бог не наособицу, то разве это Бог?

2. ВЕРА И ВЕРОВАНИЯ, ФАРИСЕИ И ФАРИСЕЙСТВО, ЗАКОН И КРЮЧКОТВОРЧЕСТВО, БИБЛИЯ И БУКВОЕДСТВО

«Собрались к Нему фарисеи и некоторые из книжников, пришедшие из Иерусалима,» (Мк 7:1).

Вера не может не сопровождаться сомнениями в себе, в существовании Бога, в том, что Бог таков, каким Он открывается вере. Слава Богу за такие сомнения! Вот сомнениями в других людях вера не должна сопровождаться — иначе она превращается в фарисейство. Более того, на любые сомнения в вере лекарство — вера, а не закон. Иначе вера превращается в законничество.

Именно об этом слова Бердяева: «Хороший писатель превращает слова в плоть, плохой превращает плоть в слова». Фарисейство и законничество не случайно идут рука об руку с буквализмом, причём самым скверным буквализмом, когда из Святого Духа изготавливают святейшее бездушие.

Неверующие — современные неверующие — любят обвинять верующих — современных верующих — в таком бездушии, и неверующие говорят правду, только не всю правду. Всю правду говорит Христос, когда к нему из Иерусалима приходят фарисеи и грамотеи (Мк 7, 1). Буквально, «грамотеи» — так по-гречески назвали толкователей Закона, тех, кто помогал древнему обычному праву оставаться правом. Юристы, правоведы, иногда и законодатели, — в те времена это были достаточно смежные специальности.

Фраза звучит угрожающе, если помнить о Голгофе. Вполне возможно, что евангелисты как раз и хотели дать предупредительный сигнал: вот, мол, когда начинался крестный путь... Фарисеи наступают... Однако, так: либо это литература — и тогда к реальной жизни это всё не имеет отношения. Либо это Слово Божие и адекватный исторический источник — тогда кто сказал, что к Иисусу пришли именно те фарисеи, которые потом стали плести заговор? Вообще жизнь обычно нелогична, и распинают обычно не те, с кем спорили и ругались до хрипоты. Распинают те, кто никуда не ходит — к распинающим

приводят под конвоем. Фарисеи пришли — это одно их положительно характеризует. Им — интересно. Они говорят с Иисусом на одном языке. С Каиафой, Анной или Пилатом разговор абсолютно не шёл. Можно предположить, что фарисеи не пришли и сразу набросились с упрёками, а пришли и сели с Иисусом чай с блинами гонять — а почему они вдруг стали пенять ученикам, что те руки перед едой не моют? Увидели! Вдоволь поругались, а потом Иисус пошёл и с несчастной язычницей разговаривал совершенно по-фарисейски. Разница между Иисусом и фарисеями не в словах, а в делах.

Спор, впрочем, разгорается нешуточный: как мыть руки. Любопытно, что фарисеи не обвинили самого Иисуса в том, что Он неправильно моет руки — обвинения адресовались только ученикам. Вряд ли ревизионная комиссия проявила деликатность, скорее, манеры Иисуса её удовлетворили. Не исключено, впрочем, что пришедшие просто боялись — они ведь пришли в совершенно особую часть страны, ещё точнее — пришли посмотреть на Иисуса, а смотреть можно было только в окружении тех, кто Иисусу симпатизирует.

Так и тянется этот спор по сей день. Самый простор способ разрешить этот спор — попросту заявить, что руки мыть вообще не надо (так поступают атеисты) или заявить, что каждый может мыть руки, как ему нравится. Последнее — очень недурная позиция, при условии, что человек не будет никому пожимать руки. А если будет, то мыть руки надо тщательно. Речь ведь идёт не только о собственном, но и о чужом здоровье.

К счастью, сравнение религии с гигиеной всего лишь сравнение. Все попытки приравнять религию к лекарству, которое непременно нужно принимать, или хотя бы к чистке зубов, стоят на негодном фундаменте — предполагают, что можно пожертвовать свободой ради Бога. Между тем, свобода настолько важна, что Бог предпочитает пожертвовать Иисусом, но не свободой.

Свобода верить и не верить, мыть руки и не мыть руки, соблюдать заповеди и не соблюдать, читать Библию с умом или читать Библию без толку — святое дело! Даже свобода убивать — ну, не святое дело, но всё-таки пусть будет! Что не означает, конечно, у окружающих нет свободы убить тебя, убившего. Но ведь и у окружающих есть свобода убить тебя

даже, если ты не убивал. Только свобода убить, помноженная на свободу убить, даёт не двойную свободу, не абсолютную свободу, а даёт рабство, страх и небытие. Нужно умножать свободу не убить, свободу любить, свободу творить на аналогичные свободы у других.

Фарисейство не случайно ходит рука об руку с буквенодством. Проблема не в том, что «каждый читает свою Библию» — есть такая протестантская поговорка, осуждающая эгоцентризм в тени Священного Писания. Проблема в как раз в том, что трудно читать именно «свою Библию». Боговдохновенность Библии не в том, что Бог сумел создать текст, одинаково понятный для всех, а в том, что Бог говорит с каждым читателем Библии. Библия без Бога — балет без музыки. Так ведь не слушать Бога, забивать Бога своим речитативом может не только отдельной взятый эгоист, но и коллектив. У коллектива это даже лучше получается, как и танец маленьких лебедей у одиночек плохо выходит. Одиночка умрёт, а коллектив танцует и танцует. Правда, одиночка воскрес, а коллективу это не дано, вот коллектив и отыгрывается здесь и сейчас. Только, конечно, не всякий одиночка воскресает... Вот и стоит человек перед выбором — в кого и кому верить, перед едой с кем мыть руки и в каком направлении читать Библию — от Бога к людям или от людей к Богу.

3. ПУТЬ: МИСТИКА, ДУХОВНОСТЬ, ЧУДЕСА

«Как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Мк 1:2).

Эта фраза в евангелии от Марка — вторая по счёту, у Матфея и Луки — почти что в середине текста. Точнее, у Марка многие историки считают эту фразу слитной с самой первой: «Евангелие прозвучало как написано у Исайи: вот, я посылаю». Кстати, у Марка именно «Исайи», хотя цитата из другого пророка. Ошибка из тех, которые подтверждают подлинность древнего текста — фальсификатор бы удосужился проверить. А тут вдохновение, главное бы успеть сказать, проверять недосуг, подумаешь, имя перепутано...

Слово «путь» в тогдашнем языке такое же важное, как «вероучение», «догмат», «религия», «вера» в языке современном. Только в европейской культуре слово «путь» ещё в древности стусебалось, оказалось погребено под более сложной и разветвлённой системой описания религиозной жизни. В XX веке европейцы радостно восторгались тому, как у китайских древних мудрецов хорошо — «путь Неба»! Не какое-то тяжеловесное «ве-ро-у-че-ни-е». Так ведь «путь Неба» это совершенно в духе Иисуса — «Я — путь». «Царство небесное» — это равно то же, что «воздушный замок».

Есть в русском языке неопрятная калька с английского: «дорожная карта». Этот оборот сменил наскучившее «подробный план». Неуклюжее выражение — грамотнее было бы сказать «карта маршрута». Но слово «дорога», видимо, языку дороже. «Путевой лист». Если это выражение помогает продвигаться к миру — ну и ладушки.

Этот путь — отнюдь не радиус, ведущий к центру. Такое сравнение очень популярно у многих людей, для которых вера начинается с духовности и духовностью заканчивается. Ещё, может, немножко мистики — или множко. Путь, каким его видел Иисус, это, скорее, центр, движущийся к окружности. Не люди к Богу, Бог к людям. Путь загаженный, путь в завалах и ухабах. «Духовность», «мистика» при таком взгляде — это

не что-то неосязаемое, это бульдозер. Таков Иоанн Предтеча — он расчищает путь Иисусу, сметая всё, что перед ним. Кто не спрятался — Иоанн не виноват.

В отличие от бульдозериста, Иоанн не кричит «расступись!», он кричит «покайтесь!» Это, скорее, призыв лечь под бульдозер, чтобы потом встать новым человеком. Путь Иисуса состоит из покаявшихся людей, как мощёная дорога — из бульжников. Что общего у покаяния с мистикой и духовностью? А что между ними разного? Если мистика и духовность не ведут к покаянию, то они и не мистика, и не духовность, а пустая трата времени. Если покаяние не ведёт к мистике и духовности, то это просто комплекс неполноценности.

Что такое мистика и духовность? К догматам и религии они относятся как содержание к форме, а вот к вере — как форма к содержанию. Страшная проблема Средних веков — что мистика и духовность считались уделом немногих, что было нормально веровать, никогда в жизни не пережив таинственной («мистика» — от греческого «тайна») встречи с Богом не как с Творцом, а как с Тем, Кто Рядом, Кто движется в твою жизнь, заполняет её. Духовность — ответ на мистику, послевкусие (а иногда похмелье) мистического опыта, попытка его осмыслить и законсервировать. Законсервировать в лучшем смысле слова.

Явления очень похожие, но достаточно указать одно различие, чтобы стала ясна несводимость их друг ко другу: мистика не читает книг, разве что пишет, духовность предпочитает именно читать. В этом смысле мистика и духовность соотносятся как своё и чужое, внутреннее и внешнее. Иоанн Предтеча — безусловный мистик, а вот его слушатели — люди духовности. Он говорит, они вслушиваются (духовность вслушивается, душевность слушает, дьявольская разница). Мистик вошёл в темную тишину и оттуда гудит как колокол — словно Царь-колокол установили на царь-паровоз — а духовность вслушивается и соображает, куда едет поезд.

Мистика — вдохновлена Богом, духовность — вдохновляется мистикой. Библия боговдохновенна, всевозможные набожные книги в лучшем случае — духовны, и в сравнении с Библией самые великие мистики всего лишь передовики духовности. Только надо понимать, что «Библия» — эта не буквы Библии, как «дух» — это не воздух.

Иоанн Предтеча готовит будущее, но не знает его. Это вообще характерно для настоящих пророков, библейских пророков. Они не предвещают будущего, они предвещают Того, Кто в будущем. Они не описывают Его, они тормозят тех, кто с Ним должен встретиться. Это и есть «приготовить путь Богу». Сам Иоанн не знает, кому готовит путь — он ждёт. Он знает, что Тот будет неопишем — но, когда Иисус приходит, он узнает Его. Не потому, что они родственники, кузены, ровесники — вопреки этому. Только мистик способен узнать в брате («братом» в ту эпоху, да и позже, называли и двоюродных братьев) кого-то великого, кому недостоин ботинки чистить.

Когда Иоанн описывает Машиаха как обладателя этих самых ботинок — это хороший пример того, что называется «апофатическое богословие». Описание Бога через отрицание: не такой, не такой, не такой. Не что-то, а ничто, не кто-то, а никто, не свет, а отсутствие света, и так далее. Есть и «катафатическое богословие», описание Бога по Его свойствам — для Иоанна это, прежде всего, описание Машиаха как грозного судьи. Общего у двух богословий то, что они оперируют символами и аллегориями. Что делать — ведь Бог иной. Так что, когда Иоанн говорит, что у Мессии в руке лопата — это не столько богословие, сколько бого-аллегория.

Когда современный человек читает Евангелие, его могут утомить чудеса. Неужели было нельзя обойтись без них? Как бы Воскресение Христово переварить, а тут ещё надо переварить короба с умноженным хлебом и жутко пахнущими вялеными рыбами?

Евангелисты не называют чудеса чудесами, они называют их «знаки». Дорожные знаки, понятное дело. Понятно, почему чудеса такие разные? Путь один, да пешеходы разные, каждому своё чудо. Одному воскресение брата из мёртвых знак, другому знак — невозможность воскресить брата. Какие-то чудеса для всех — которые описаны в Евангелии уж точно, но абсолютное большинство чудес совершаются лично, персонально для тебя, любимого, и не смей никому о них рассказывать — как не смей переставлять дорожный указатель. Тебе был поворот направо, а другому решительно в другую сторону. В конце концов, главное чудо — это сам человек, для всех указатель, а для Бога — путь.

4. БОГ — ОТЕЦ ВИНОГРАДНОЙ КОСТОЧКИ

«И начал говорить им притчами: некоторый человек насадил виноградник и обнес оградой, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился» (Мк 12:1).

Кому Бог не создатель того, что нас кормит, тому Бог и не Отец. Примечательно, что в евангелии от Марка нету и молитвы «Отче наш», и длинной беседы о Боге Отце, как у евангелиста Иоанна. О Боге как об Отце довольно странное заявление — мол, если вы не будете прощать людей, то и Отец Небесный вас не простит. Однако, позвольте, какой же Он тогда всемогущий?! Пущай простит меня по-любому, Он же Бог! Ага, щас... простить, и отпустить, и догнать, и ещё раз простить и вручить тебе автомат с пистолетом...

Символ веры не случайно первым ставит слово «единый». Вот притча о винограднике — это ведь кажется, что притча об одном из виноградников, а на самом деле мир этой притчи похож на планету у Сент-Экзюпери в «Маленьком принце». Никаких других виноградников нет во вселенной, вот этот один-единственный. Между прочим, далеко не все, кто веками повторяли слова Второзакония «слушай, Израиль, Господь Бог — единственный Господь», считали, что Бог один. Бог — первый, а не единственный, боги окружающих народов тоже вполне боги, только не для нас. В том-то и соблазн — поклониться не Богу Авраама, а Богу Саргона или богу Маркса-Ленина-Сталина...

«Верую, ибо это абсурдно» — именно о единстве Божиим. Ну зачем нужен виноградник, если более никого нет? Зачем обносить стеной, если за стеной ничего и никого, а это именно так? Живи и жуй виноград, вот и всё. Один Бог! Откуда только филоксера берётся... Так начинается проблема «оправдания Бога» — когда виноградники преуспевают в искусстве объяснения, почему урожай вышел плохой. Или, что ещё хуже, не преуспевают, а попросту валяются и ничего не делают.

Притча о винограднике — не о винограднике. На это указывает упоминание башни. Никаких башен в виноградниках

не ставили, хотя особо набожные персоны умудрялись что-то такое придумать. «Точило» — это да, это довольно дорогое устройство, его можно видеть и на египетских фресках, и на римской мозаике в Франции, мозаике II века после рождества автора притчи. А вот башен не было, да и ограды не всегда были нужны. Тут притча повинуется богословию — башня это символ Храма, и ограда — символ заповедей, чьё выполнение защищает верующих от смерти. Сколько же людей считают, что они спасены от смерти, чтобы сеять смерть!

В современном мире наименование Бога отцом кажется немножечко агрессией против женщин. Почему не мать? Вон, и Дух Святой в Библии женского рода, и про «утробу Божию» пророки говорят, а «утроба» это «матка», так что ж, значит, Бог и мать? Да не мать, и не отец, мать вашу, но надо же выбирать выражения! Приходится выбирать, чтобы что-то сказать, и выбрать «отец», а не «мать» — вовсе не мачизм, не гордыня мужская.

У психологов есть выражение «достаточно хорошая мать» — которая не давит в себе материнский инстинкт, обеспечивает ребёнку базовый опыт любви. А «достаточно хороших» отцов не бывает, и отцовского инстинкта не бывает, а вот извращений отцовства — сколько угодно. Да, эти извращения могут, как верно заметил Фрейд, проецироваться на Бога. Фрейд в этом смысле истинный иудей — отчаянно боролся с идолопоклонством, самой страшной разновидностью его, когда кумира делают из истинного Бога. Бога могут представлять идеальным отцом в обоих смыслах — и идеального хорошим отцом, и идеально плохим. Отцы-то всегда недостаточно хороши...

Что ж, пожалуйста — владелец виноградника. Между прочим, как и в других притчах о царях и богачах, образ даже не двусмысленный, а однозначно саркастический. Только идиот доверяет виноградник таким работничкам, а потом ещё жертвует сыном в надежде, что те не такие плохие, как кажется. А раздавать таланты балбесам — нормально? А звать на свадьбу божжей?

Учёные отмечают, что такие притчи рисуют ситуации, характерные не для евреев, а для греческих и римских оккупантов Израиля. Живёт человек в Риме или в Афинах, а денежки-то от

виноградника в Палестине, за который он кровь проливал (не свою) — капают, капают... Процентики с талантиков сыпятся...

Что ж, значит, притча точна. Бог, действительно, иностранец. «Сами мы не местные». Иностранцы смешны — и Бог смешон. Это называется «трансцендентность». Ну смешно нам всё, что выходит за пределы нашего ежедневного опыта! Провинциалы-с! На том месте, где человек встречается с Богом, словно встречаются для исполинских материковых плиты, из которых состоит земная кора. Где встретятся — там землетрясения и вулканы, там горные складки километровой высоты. Таковы и все слова, описывающие Бога — они беканье и меканье, описание неопишуемого, картографирование цунами и рисование землетрясений. А что делать — надо! Иначе не выжить с Богом, а лучше выживать с Богом, чем жить без Него. Что работники из притчи решительно отрицали.

5. К ТВОРЦУ НАДО ПОДХОДИТЬ ТВОРЧЕСКИ

**«Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону»
(Мк 4:35).**

Рассказ о том, как ветер и волны повинуются Иисусу, следует за рассказом о том, как Иисусу не повинуются люди. Бог распоряжается стихией, но не людьми. Природа равнодушна к Иисусу, ветер просто по морю гуляет и апостолов потопляет. Люди же ломаются к нему, да не за поучениями, а за исцелениями. Ради своего блага каждый рискует затоптать не только соседа, но и ту самую золотую курицу, которая несёт исцеления. Море человеческое... Приходится Иисусу спасаться в обычном море, разговаривать с людьми через ров, в который Он превратил Галилейское озеро.

Что Бог — Творец мира, то ли разные верующие люди по-разному воспринимают, то ли один и тот же человек по-разному воспринимает в зависимости от настроения, но можно говорить о дневной вере в Творца и о ночной. Дневная вера восхваляет Бога за гармонию творения, ночная отчаянно кричит Богу в ухо, чтобы просыпался, всё пропало, нечего храпеть, словно ничего не происходит! Или, наоборот: пока не попал человек в Освенцим, он не верует в Бога, потому что заводик по производству мармелада у него и без Бога работает, нажил своим трудом, и очень непосильным трудом, а когда попал человек в Освенцим, то он не верует в Бога, потому что заводик пропал, семья погибла, завтра газовая камера...

Бог — творец видимого и невидимого, неба и земли, говорит Символ веры. Эти пары слов — попытка в понятиях своего времени обозначить «всё». «Невидимое» вовсе не о нейтринно, а об ангелах. «Небо» — аналогично, а вовсе не про хрустальный свод небес. Только все эти обозначения быстро устаревают. На сегодняшний день наука говорит, странным образом, приближаясь к этому эпизоду Евангелия, что нету никакого неба, нету никакой земли, видимого и невидимого, а есть различные волны. Волны различного диапазона. И человек — волна, и волна — волна, и Авраам с Исааком, и Ленин с Гитлером,

и даже Освенцим с евреями и нацистами тоже волны! Разной длины, однако именно волны.

Понятно, что в мире, который весь состоит из волн, абсолютно неуместна старая байка про Робинзона Крузо, который увидел на песке отпечаток ноги и понял, что есть Пятница, так не подобает ли и нам уверовать в Бога, увидев Его отпечаток на творении! На волне отпечаток ноги не увидишь — волна только набежит и смоеет и отпечаток Пятницы, и Робинзона смоеет, всё смоеет, благо у неё впереди вечность, в отличие от нас.

Скорее уж, уместнее другое расхожее выражение — «не раскачивай лодку». Когда Иисус «запрещает» ветру (которые воздушные волны) и волнам как таковым, Он, наверное, именно это говорит. Впрочем, евангелист этих слов не воспроизводит, он воспроизводит то, что несравненно важнее — слова, обращённые к ученикам, обвинение в маловерии. Бог, оказывается, измеряет веру не количеством и качеством молитв, а количеством и качеством сна. Веруешь, что Бог — Творец? Тогда спи спокойно, дорогой апостол. Покойся, милый прах, до радостного утра! Аааа, не хочется покоиться в мире посреди бури? Боишься, как бы лодка не стала подводной? Хочется штиля, а ещё лучше штиля плюс броненосец, для надёжности?

Бог не умер, Бог спит. Бог спит у руля, пока мы нервничаем, спит всё тем же сладким сном хорошо поработавшего творца, каким заснул в субботу. Вот что значит быть Творцом — почитать в уверенности, что творение не подведёт, что оно таково, каково задумано. Единственное исключение — это человек. На нас Бог положиться не может, и поэтому посреди бури — спит, а в Гефсиманском саду — не спит сам и других будит.

Человек не Творца считает творцом, а себя, любимого. Если я не переkreшусь, гром не грянет. Если я не ударю по мячу, он не покатится. Да мяч и так катится, он и так плывёт по волнам гравитации, будучи барашком на одной из этих волн. Вся жизнь человеческая, всё человеческое творчество — это капелька на барашке на волне на океане.

Вот почему нет ничего более противоречащего креативной способности Творца, чем креационизм. Креационисты подобны ученикам, которые бы требовали от Иисуса не только повелевать ветром, но и быть ветром — дуть, наполнять паруса, попутно комментируя все свои действия. Креационист

отождествляет ветер с флюгером (а время с будильником — сказано «шесть дней», значит 8 640 минут). Креационисту неинтересен рассказ о творении, ему интересны буквы, из которых состоят слова этого рассказа. Есть ли на этих буквах засечки, какого они размера, запаха, вкуса... Страшно Творцу оказаться в руках у людей анти-творческих...

Бог — Творец, потому что поднял волну творения и остаётся на этой волне, не будучи ею. Все описания процесса творения в Библии — это описания не волны и не творения, а воли Творца. Не того, что и как Он делал (это неопишуемо), а того, ради чего. Уж точно не для того, чтобы огорчить Дарвина! Чтобы создать Дарвина — это да. А остальное — дело самого Дарвина.

К Творцу надо подходить творчески. Совершенно не случайно среди креационистов — людей, подходящих к Творцу и Его Откровению совершенно механически — так много сторонников того, что можно назвать хард-религией, религиозностью, которая поднимает бурю в стакане святой воды и старается расширить эту бурю на всю вселенную, религиозностью воинственной, ищущей, чью бы лодку потопить, чтобы потом, конечно, спасти, загрузить на свой борт и командовать, командовать... Эта религиозность на корабле жизни мыслит себя исключительно командиром — то есть, Богом. Однако, поскольку командовать ветром это агрессивное ханжество не может, то она делает ветер оправданием своей агрессии. Результаты печальны...

Почему же Творец не остановит Своё творение, как остановил ветер? Да потому, что остановленное творение это уже не творение, а только труп творения. Если Бог остановит ханжу, крестоносца, религиозного фанатика, этих титанов маловерия, помогающих Богу мечом и бомбами, то не будет и обычной веры. Не буди лиха, пока оно тихо, не буди Бога, чтоб не быть судимым строго. Сам наладь отношения и с ханжами, и с фанатиками... Ну а если тебя бросят за борт, то что ж — там не только персидская княжна, там и Бог. Он идёт Своим путём, только, в отличие от бегущей по волнам, Он идёт не к далёким островам, Он идёт ко всем, кому грозит смерть, оставляя за спиной тех, кто грозит смертью.

6. ЧЕТЫРЕ ЭТАЖА ТВОРЕНИЯ

«И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаной, и был со зверями; и Ангелы служили Ему» (Мк 1:13).

Только в евангелии от Марка есть эта фраза, причём она заменяет более популярный рассказ о трёх искушениях. Не дополняет, а именно заменяет. Марк полагает, что всё понятно — типично для неумелого, начинающего писателя, у которого в тексте каждое второе звено — недостающее, проглоченное. Тем не менее, догадаться, что Марк хотел сказать, нетрудно: что Иисус — Царь, Спаситель, Машиах, Сын Божий и прочие хорошие слова. Всё это следует из перечисления триады «сатана/звери/ангелы». Сатана не может вселиться в Иисуса — в отличие от разнообразных бесноватых, которых Иисус будет лечить, в отличие от любого человека, как того же Петра, которого Иисус легко называет «сатаной». Звери не боятся Иисуса и в Его присутствии лев и ягнёнок лежат рядом. Ангелы служат Иисусу — а поскольку ангелы по определению служат Богу, то...

Для человека того времени всё предельно ясно. Ангелы падшие, животные, человеки, ангелы не падшие — вот жильцы четырёх этажей творения. Современному человеку иногда легче поверить в Бога — а как не поверить, если Бог возьмёт и коснётся — чем поверить в ангелов, хоть хороших, хоть плохих. Даже трудно сказать, чему больше противоречит идея ангелов — религии или науке. Ведь ангел соблазнительно похож на Бога. Кто-то невидимый, могущественный, вечный... Надо понимать, что в истории религии вера в духов явление куда более важное и более распространённое, чем вера в Бога, и ангелы слишком похожи на духов — духов умерших предков, духов природы. В древнейших частях Библии «ангел» — просто псевдоним Бога, хотя это иногда лишь запутывает дело. Ну вот Иаков боролся, оказывается, непосредственно с Творцом — как это может быть? А с другой стороны, искуситель — вовсе не падший гордый Люцифер, а просто варан, в наказание лишившийся ног... Боже, нельзя ли всё-таки вписать про Люцифера, так понятнее? На него спишем всё зло мира...

Вот потому-то вера в ангелов всегда граничит с неверием в Бога, и в иудаизме, и в христианстве. Списать на падшего ангела всё, что не хочется вешать на Бога. Кстати, в книге Иова не падший ангел искушает и насылает, а лично Бог. Иов не на сатану в претензии — на Бога, в том-то и цимес, извините, если это древнееврейский и тем более, если это не древнееврейский.

Превратить ангела в анти-Бога соблазнительно интеллектуально, но есть и противоположный соблазн — превратить ангела в полу-Бога, в четверть-Бога и так далее. Соблазн в том, что при этом пропасть между Творцом и творением, между Богом и человеком затушёвывается. Бог Богом, но ангелы — это вроде Бога разбавленного. Чуть-чуть, ещё чуть-чуть... Разрабатывается иерархия ангелов, и вроде бы даже самые высшие не боги, но, как бы сказать... ну они так высоко-высоко!...

Между прочим, Иисуса очень часто считали именно ангелом. И современники, и в последующие эпохи. Да и ждали Машиаха именно как посланца Божия — а «посланец» это и есть «ангел», «вестник». Не случайно из библейских пророков христиане взяли для рождественских гимнов про то, что Иисус — «великого совета ангел». Тем не менее, вера в Иисуса начинается там, где заканчиваются ангелы.

Принципиально, что верить в ангелов не обязательно. Российская вера в ангелов-хранителей, причём спутанная с верой в святого, покровительствующего человеку, названного по имени святого, чья память приходится на день рождения или день крестин, — это суеверие. Не потому, что ангелы не помогают людям — хотя «помогать» и «хранить» не совсем одно и то же, а потому, что вера в ангелов сплошь и рядом заменяет веру в Бога. Так что вера развивается от убеждённости, что ангелов невероятно много и все разные, до вопроса, есть ли хоть один ангел, хотя бы такого маленького размера, чтобы уместился на острие иглы.

Лучше понять веру в ангелов можно, если сравнить её с верой в человека. Ангелы в таком же отношении к людям, в каком люди — к животным. Верить в ангела значительно легче, чем верить в существование людей. Нету людей! Есть животное, примат, которое почему-то противопоставляет себя своим сородичам по биологии, считает себя умнее обезьян, хотя

ничем принципиально от них не отличается. Вопрос уже давно не в том, сотворил человека Бог или человек произошёл от обезьяны, а в том, с какой стати мы вообще называем один вид обезьян человеком. Иногда это суеверие, иногда — у гуманистов — вера, но в любом случае это недоказуемая условность.

Так вот — есть люди! И ангелы есть! Причём ангелы не какие-то черновые, неполноценные боги, вроде как обезьяны по отношению к людям, ангелы — это те самые сверхчеловеки, о которых мы иногда мечтаем. Ангел — воплощение всех мечтаний человечества, если не считать пары мелочей, которые у нас есть, а у ангелов нет. Во-первых, секс — ну, это можно пережить, что ни говори. Во-вторых — свобода. Печально, но отсутствие свободы люди тоже спокойно переживают. Точнее, думают, что переживают, хотя все наши неврозы, включая последний невроз — смерть, есть прямой результат дефицита свободы в нашей жизни. Однако, у человека в жизни свобода в дефиците, но сколько-то всё же есть, хотя бы в теории. У ангелов же — по нулям. По определению, ангелы — слуги. Когда верующий называет себя рабом Божиим, это всегда кокетство, поэзия, психотерапевтический приём, а для ангела — реальность. Не печальная, что любопытно, как не быть человеком — вовсе не печаль и для животного, хотя по совершенно другим причинам, конечно.

Иисус ушёл в пустыню — точнее, в безлюдное место, настоящих-то пустынь около Галилейского озера нет — и позднее несколько раз уходил опять в пустынное какое-нибудь место, и там, скорее всего, тоже крутился и сатана, и звери были, и ангелы, только вот людей не было. А был Он — и значит, один человек и всё человечество, в чистом виде.

Если материя состоит — вся! — из волн, то живая материя состоит тоже из волн, из разного уровня жизни, которые объединены одним — Творцом, создателем жизни, который при этом выше жизни. Животные, люди и ангелы — не три «разряда», не три «ступени», а три, если угодно, «агрегатных состояния живого вещества», как лёд, вода и пар. Тогда и можно определить жизнь как такую материю, которая не переходит из одного состояния в другое, никогда не переходит, какие бы ни были внешние факторы. Человек, сколько его ни морозь, ни мори, ни опускай, не станет животным, и не станет ангелом,

сколько его не согревай, возноси и превозноси. Человек может стать лишь дурной пародией на животного — скотиной, и дурной пародией на ангела — ханжой.

Ангелы, которых люди склонны воспринимать как слуг Божиих, служат человеку — как служат человеку и животные. Служат не как в цирке, а служат самим своим существованием. Животных человек ест, ангелы человека кормят — светом, силой, да просто самим своим существованием. Как воздух, ангелы — среда, благодаря которой Бог может докричаться до человека. Не Бог, а именно среда, вполне тварная, пусть и проходящая не по ведомству физики, а по ведомству метафизики.

Вера в ангелов — как и вера в человека — не обязательна. Вот вера в Бога... Без неё очень плохо. Однако, когда к человеку приходит опыт ангелов, это так же замечательно, как когда к человеку приходит опыт животных. Ведь животные — это не только кошечки и куриные крылышки. Животные — как и ангелы — это как птицы над морем, показывающие человеку неведомые берега неведомой, иной, полноценной жизни. Какой она будет — и какой она была — невозможно себе представить. Но сосуществовать с этой жизнью уже здесь и сейчас — вполне возможно, если ты верующий, то есть слепой, вооружённый сознанием своей правоты и поводом Духа.

7. СМЫСЛ ЖИЗНИ АДАМА И ЕВЫ

«В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их» (Мк 10:6).

Адам не выходил замуж, Ева не женилась. Не было влюблённости, ухаживания, выбора.

Легче всего понять и принять отсутствие выбора. Любимого человека не выбирают, чего не сказать о самом любимом политике, которого выбрать обязательно надо.

Что в раю нет брака в привычном для нас понимании, повторено Иисус в споре о воскресении. Неверующие в воскресение предлагают вообразить весьма странную ситуацию: бездетную вдову выдают замуж за брата покойника. Родившийся от такого союза ребёнок (причём вдова может оказаться и второй женой собственного шурина) будет считаться сыном и наследником покойника, его «продолжателем». Но чьей женой будет несчастная в раю?

Иисус отвечает, что после воскресения не будет браков, люди будут как ангелы. Это часто понимают как отрицание того, что после воскресения будет любовь между мужчиной и женщиной. Однако, вопрос-то не о любви, вопрос о хозяйстве.

Вопрос изначально заключает в себе отрицание воскресения. Если вдова и её родственники веруют в воскресение, то им безразлично, остался ребёнок у покойника или нет. Ребёнок — клон отца, суррогат его воскресения, подмена воскресения. Что уж говорить о том, что это сугубо мужской суррогат — никого не волнует, если бездетна женщина.

Иисус, впрочем, борется не с клонированием (которое в патриархальном обществе зовут размножением), а с разводами. Он говорит не о том, что в раю нет брака, а о том, что брак мужчины и женщины — уникальный союз. Это даже не брак в земном смысле слова — ведь на земле «браком» называют и такие вот дикие эскапады, когда женщину передают как пробирку от одного мужика другому. Союз хозяйствующих субъектов. Какое уж тут «мужчину и женщину сотворил их».

«Дрожащего от страха исчезнуть в небытии, если не будет ребёнка, и двуногий инкубатор сотворил их».

Иисус сказал, что бездетный муж воскреснет сам, а не в своём ребёнке, тем более, не в своём племяннике, пусть даже рождённым от его вдовы. Не надо суетиться! Умерший и вдова — всё равно тот самый человек, который сотворён для вечной жизни. Никуда он не денется!

Муж и жена — одно существо, одна плоть, созданная Богом. Так что, когда Апокалипсис говорит о 144 000 обитателях рая, речь идёт либо о 288 тысячах мужчин и женщин, либо о 72 000 супружеских пар.

Если всерьёз, вопрос не в том, сколько людей будет в раю, не в том, есть ли кто-нибудь в аду, а о том, кого мы понимаем под «людьми». Каков он — идеальный человек?

Ответ библейской веры прост. Нет никакого идеального человека, и человека нет. Есть мужчина и женщина.

Трудно поверить в то, что есть Бог, да не двое — добрый следовательно, злой следовательно — а всего лишь один. Но поверить в то, что человечество непременно есть чётное число вообще невозможно.

Другое дело, что вера в Бога не от возможности допустить, что Бог есть, а от столкновения с Богом. Вера в то, что человек есть мужчина и женщина — от столкновения не с человечеством, а с тем самым мужчиной, с той самой женщиной.

В вопросе о смысле жизни вера говорит ровно то же, что говорит неверие — если, конечно, неверие, как и вера, настоящее, упитанное, мускулистое, додуманное до конца. Никакого смысла жизни нет. «Смысл» означает достижение цели. Для неверующего цель — ничто, для верующего всё — цель. Нельзя достичь всего, даже если живёшь вечно, особенно если живёшь вечно. Достижение — это не детская бегодня, догнал, осалил и кончил играть. Достижение — это творение.

Чтобы достичь высот музыки, надо творить музыку, и чем более человек творит музыки, тем более вздымается её вершина. Чтобы достичь вершины любви, надо любить — а любовь это не траты, это творение, выдумывание, образование чего-то нового, так что, когда достигается то, что казалось вершиной в начале любви, впереди больше, чем позади. Это и есть вечность.

В этом смысле, распространённое среди верующих убеждение, что христианство отличается от других религий осмысленностью, это некоторая игра словами, а то и недоразумение, даже кощунство, когда воскресение считают целью. Хуже того — иногда целью считают смерть или даже ад. В любом случае, за конечную остановку принимают ухаб в самом начале пути.

Ни в чём так не проявляется неспособность человека быть собой как неспособность вообразить рай. Чего стоит выражение «райское блаженство», не говоря уж о попытках его описать. Блаженство это долгожданная встреча счастья со смыслом, которые в нашей земной жизни разлучены, разведены, заперты в разных камерах. Отлично, в раю они соединены как мужчина и женщина и составляет целое как мужчина и женщина, но разве можно это соединение описать? Музыку не описывают, музыку исполняют.

Ответа на вопрос о смысле жизни быть не может, потому что смыслом жизни может быть лишь жизнь другого человека. Ханжа или неофит скажет, что смысл жизни — Бог, жизнь с Богом, но не будем обманывать себя — Бог уступил Своё место другому человеку. В этом неправда всякого ханжества, «теоцентризма», «христоцентризма». Бог, конечно, нуждается в человеке, ведь Бог есть любовь, а любовь есть нужда. Нужда Бога в человеке есть единственно оправданный, святой антропоцентризм. Однако, именно Бог сделал так, чтобы не было ответной нужды. «Нехорошо человеку быть одному», — говорит Бог в книге Бытия, но не предлагает человеку Себя, Любимого, в вечные спутники, а творит человека, в сущности, заново — как мужчину и женщину. Только что Адам был богоподобен в своей единственности и вот он уже всего лишь черновик. Так гарантируется свобода любви. Не думаем же мы, что «нехорошо быть одному» это про отсутствие в раю интернета, что Ева вроде игровой приставки?

Нехорошо одно — быть несвободным. Во всяком случае, для человека. Животным это нормально, ангелам это нормально, а человеку — ненормально, вот в чём наше богоподобие. Свобода гарантируется тем, что человек может любить не только Бога. Это не долг, это возможность. Тогда и любовь к Богу превращается из долга в возможность, а «долг»,

«право», — всё это понятия, которые хороши до самой смерти, не далее.

Свобода любить Бога — в невозможности любить Бога, если не любишь людей. Сам Бог, сотворив человека Адамом и Евой, поставил их на Своё место, и с тех пор всякий антропоцентризм есть и теоцентризм, хотя не всякий теоцентризм есть антропоцентризм. Бог отвергает тех, кто пытается прийти к Нему, минуя человека, а тех, кто идёт к людям, не зная, что тем самым идёт к Богу, Бог не отвергает — они же ведь идут к Нему. Рано или поздно познакомятся. Да и какое может быть «поздно», когда речь идёт о вечности.

Даже в вечности, именно в вечности нехорошо человеку быть одному, потому что вагон свободен, если в нём ни души, а душа свободна, если в ней есть место для всех и каждого. Однако быть одному — жизненно важно для человека. Развод, самоубийство, да любой грех — это попытка человека быть одному вопреки обстоятельствам. Первое условие свободы — мочь любить всех, а не Одного, второе — не любить никого, чтобы любовь ко всем была не вынужденной. Выполнить второе условие, конечно, трудно, невозможно, неприлично и бесчеловечно, ведь отсутствие любви это ненависть. Выход — в обращении к Богу поверх людей. Да, Бог скрывается в людях, чтобы Его нельзя было полюбить, не полюбив людей, но всё равно Бог остаётся Единственным, Одним, Единым Богом. Любовь к людям естественна для человека (хотя мы умудряемся жить противоестественно), любовь к Богу сверхъестественна. Общего лишь то, что и любовь к Богу не есть вера в Бога, и любовь к человеку не есть вера в человека. Любовь к Богу делает веру в Бога лишней, любовь к человеку делает веру в человека невозможной. Так достигается то, что называют райским блаженством и что есть вообще-то просто нормальная человеческая жизнь — бесконечно любить, бесконечно быть, бесконечно благодарить.

8. ГРЕХОПАДЕНИЕ

«Ибо какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?» (Мк 8:36)

Всё грехопадение в одной фразе. Рассказ об Адаме и Еве и есть ответ на вопрос «почему у меня на душе муторно?» Только в рассказе о грехопадении «весь мир» обозначен как «добро и зло».

Эта фраза даже в каком-то смысле лучше рассказа о грехопадении. Тут нет гендера. Какая разница, мужчина или женщина приобретёт весь мир! Гендера нет, но секс вполне — очень многие люди понимают под «приобретением» изнасилование всего, на что упадёт их взгляд. К женщинам, кстати, это тоже относится. Мужчины не любят даже думать о том, что их может изнасиловать женщина, но такое бывает, ох, как бывает...

Впрочем, не будем о грустном, будем о греховном. В этом описании грехопадения нет религии, Бога, шмога. Это, если угодно, Библия для агностика. Никто свыше не запрещает приобретать весь мир, никто не искушает. Вопрос о предопределении решается просто — всё сами, всё сами. Никто дурацкими запретами не наводит нас на мысль, что мир стоит того, чтобы его приобретать. Сами решаем, что это было бы недурно.

Этот рассказ о грехопадении очень современный, прямо для метросексуалов или инвеститов. Никакой флоры и фауны, конкретные деньги. Заверните мне вселенную, плииз. Вопрос о происхождении зла получает такой чёткий ответ, как у Достоевского в «Преступлении и наказании»: «Так кто ж убил старуху-то?» — «Да вы ж и убили, Родинроманыч!» Откуда в мире зло, откуда в мире зло... Да от тебя всё зло, паскуда! Никакого другого зла, кроме твоего желания быть владельцем мира, не существует!!

Зло, конечно, не в самом желании, а в том, что это желание осуществляется. Да-да, каждый человек владеет всем миром, не будучи главой транснациональной корпорации или президентом США. Бездомный пьяница и пьяница домовитый, трезвенник с трезвенницею, лауреты нобелевских премий и лауреты премий шнобелевских... Грузчики и кассиры,

программисты и полицейские, богатые и бедные, средний класс и деклассированные...

Рассказ о грехопадении был ответом на вопрос, который задавали не цари или богачи, а «обычные люди». Пастухи и купцы, кузнецы и каменщики, а так же их жёны, дети, соседи и знакомые. Не александры какие-нибудь македонские. Люди, которые принципиально против больших денег, которым нужно всего ничего — здоровье себе и близким, жить долго и счастливо, никого не обижая, чужого не надо, своего отдадим, потому что отдавать полезно и даже приятно... В общем, немного тёплого овечьего помёта, бестолкового овечьего тепла и спичку, можно без девочки, хотя с девочкой лучше.

Вот это и есть самый страшный — нет, не обман, никого мы обмануть не можем — а самообман. Не в силах реально купить весь мир, мы делаем «всем миром» то, что смогли купить. Из космоса — в греческом оригинале Евангелия именно «космос» — мы изгоняем себя в планетарий, которые сами и строим, и уверяем себя, что потолок нашей квартиры — это и есть кантовское звёздное небо, а кухня с микроволновкой — наша совесть. Но это ведь тех же адамовых щей да пожиже влей. Просто наличное выдают за желаемое, зелёную виноградину — за галактику. Но ведь хочется-то галактики! И правильно хочется, потому что — человек, а не таракан!

Можно (ну, будем надеяться) установить на планете вечный мир, обеспечить каждому недурной прожиточный минимум и чтобы каждый умирал в триста лет абсолютно здоровым, но нельзя изъять из человека проклятой перепутаницы личного с космическим. А как её изымешь, когда личность действительно космична. Человек — это звучит гордо! Не то что «Бог», Который совершенно не космичен. Бог по отношению к космосу даже не как художник по отношению к картине. Бог потому и Бог, что в отношениях не состоит вообще. Если художник не создал картину, так он вообще не художник, а если бы Бог не создал космос, то всё равно был бы Богом.

Бог не может не быть Богом, человек может не быть человеком. Именно расчеловечивание и есть суть грехопадения. Бог не космичен, человек космичен, но человек теряет свою космичность, когда пытается присвоить себе то, что ему подарено. Проблема зла — это проблема скряги, который тащит

в свой дом то, что должно быть в саду, и не всегда в своём. Не в силах овладеть космосом, мы создаём свой личный маленький космос, как для туристов создают модельки Венеции, Парижа, Иерусалима. Только туристы не пытаются жить в этих моделях, а мы — пытаемся. Смоделированная вселенная обозрима и подконтрольна. Человек меняет подлинное на управляемое. Потому что боится, что неуправляемая вселенная погубит его? Да его губит стремление всё контролировать — именно об этом Иисусово «кто будет всё контролировать, погубит себя». Даже смерть не так ужасна, как контроль над тем, что не должно быть контролируемо. Почему? Потому что контроль — это рабовладение, это антисвобода.

Грехопадение не в том, что человек захотел быть богом. Прямо наоборот — человек захотел перестать быть богом. Потому что образ и подобие Божие в человеке в том, что человек может быть свободным сам и быть в мире со свободой мира. Бог ведь не контролирует мир. Его всемогущество не в кукловодстве, а в любви, свободе, творчестве. Свободный творит свободных. А определяется свобода просто — свобода есть возможность не быть свободным. Несвободный человек прост и предсказуем — он занимается уничтожением и самоуничтожением. Свободный человек непредсказуем никем, даже Богом, это и есть рай, вечная жизнь и блаженство, а не арфы с крылышками и не обжирание за столом от Альфы до Центавры.

Свобода не есть что-то самостоятельно существующее. Как и любовь, свобода есть лишь функция, производное, характеристика отношения двух живых существ. Это не всегда заметно, потому что в языке есть ещё слово «свобода», обозначающее пустоту, отсутствие. «Свободное сиденье». Это, конечно, всего лишь метафора. Свободное сиденье вовсе не свободно, оно мертво. Свободным оно становится, когда не него садится свободный человек. Тогда оно будет свободно, хотя и занято. А если сядет несвободный, то оно станет несвободным (и занятым тоже, конечно).

Грехопадение в том, что человек уходит от занятости свободой к занятости рабством. Не путать с властью. Бог не всемогущ (поскольку свободен), но Бог всевластен. Грехопадение не лишает человека власти. Как лишить — человек

без власти обречён на быструю и мучительную гибель. Однако, человек, который внутренне или внешне несвободен, с трудом справляется со своей способностью властвовать. Его вновь и вновь заносит в господство — реальное или мнимое. Вот и весь ответ на вопрос, откуда в мире зло: от власти, из которой вынута обратная связь и творческое начало, так что власть превратилась в господство. «Творческое начало» не слишком часто упоминается, а зря. Без него легко скатиться в мазохистское «служение», слепое, манипулятивное прислуживание другому, развращающее и того, кто выслуживается, и того, кому прислуживают.

Космосу, конечно, наплевать на желание человека над ним господствовать. Не потому, что космос большой и сильный — он никакой — а потому что он бесчувственный. Зато другим людям приходится кисло, да и самому манипулятору несладко. Бог приходит на помощь — изгоняет из рая. Единственный способ помочь человеку, вставшему на путь господства — дать ему двойную, тройную дозу свободы, творчества и любви. А как увеличить бесконечное? Только уменьшив то, в чём бесконечное совершается. Любовь будет и в раю, но здесь, в конечном пространстве земной жизни, любовь из заурядного райского явления становится чем-то исключительным. Творчество и в раю творчество, но тут, на земле, оно есть ещё и условие выживания, сохранения себя как человека. Свобода, которая в раю вообще вряд ли осознаётся как нечто особенное, в мире борьбы за господство становится мощным лекарством от жажды этого самого господства, грызёт человека изнутри и мешает до конца оскотиниться.

Проклятье человека — что каждый человек владеет всем миром. Мысленно владеет, но владеет. Благословение человека — что реальный мир стучится в его душу, стучится через существование другого, через нужду, через болезнь, через смерть. Стучится, чтобы человек очнулся и от борьбы за победу, от делёжки пирога вернулся в пекарню и вышел оттуда в жизнь вечную — пусть не с чистыми руками, зато в руках кусок свежееиспечённого хлеба, книга, мысль, чувство, которых не было никогда и которые появились из того ничего, которое рвётся к жизни через душу человеческую.

9. ОТ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДО МИЛОСЕРДИЯ — ОДИН ХРИСТОС

«И сказал им: замечайте, что слышите: какую мерою мерите, такую отмерено будет вам и прибавлено будет вам, слушающим» (Мк 4:24).

Религия и наука смыкаются в предположении, что мир измерим в принципе, что измерения необходимы, что есть некое единое поле взаимодействий. Брось камень в воду, кобыла махнёт хвостом. Убьёшь комара, в следующей жизни будешь комарихой. Е равняется эмце квадрат, око равняется оку, отливаются волку овечьи слёзы. Мне отмщение и Аз воздам, глаголет Господь, глаголет, глаголет, только уже от этой глаголицы тошно, потому что никакого чего-то с отмщением и кармой нестыковочка какая-то получается. Лошадки дохнут, а травка всё никак не вырастает.

Известное человеку существование есть существование вне рая, существование как наказание, помещение человека в мир, где причинно-следственные связи это святое. То ли дело в раю! В раю человек определял бытие, теперь бытие определяет человека. Остались только чудеса Божии, когда среда вдруг расступается и происходит нечто беспричинное и при этом куда более осмысленное, чем всё, что по необходимости вытекает из совокупности обстоятельств. Конечно, доказать беспричинность невозможно — это означало бы доказать Бога, но радоваться беспричинности и благодарить за неё и можно, и нужно. Больше всего этому мешает не рациональное начало в человеке, а эмоциональное — многие чудеса человек не замечает, потому что принимает их за естественные события. Надо быть очень рациональным, скептическим, знающим человеком, чтобы опознать в чуде — чудо. Ханжеское, истероидное сознание видит чудо во всём, то есть принимает за чудо то, что является вообще-то наказанием Божиим — жизнь вне рая.

Учёные, конечно, тоже люди, склонны выдавать желаемое за действительное, поэтому они — если неверующие — периодически начинают доказывать небытие. В наши дни — учёные уже не Бога небытие доказывают, а небытие человеческое.

Нету человека! Есть некоторый диапазон в огромном спектре мироздания, который очень условно именуется человечеством. С этим, конечно, верующие согласны — ну какие мы люди! Козлы!! Грешники великие со грешниками!!! Так ведь учёные — не все, а особо антирелигиозно настроенные — пытаются доказать, что и смысла в человеческом бытии никакого нет. То есть, сама идея причинно-следственных связей есть пережиток детства в человеке. На ранней стадии развития человеческого детёнышу кажется, что мир создан ради него, что мир реагирует на него, но это вздор. Мир реагирует на человека так же, как вода на камень. Если в воду бросят человека, круги тоже пойдут, но не потому, что воде интересен человек, а просто по физике. Пойдут-пойдут, да и перестанут.

Так что нету никакой кармы и никакого воздаяния, а есть бином Ньютона, сероватый дождь за окном и развивающаяся где-то в лёгких саркома, не имеющая ни малейшей связи с тем, добрый человек или дурной.

Христос согласен. «Мир лежит во зле» и «мир бессмыслен» — это про одно и то же. Если бы существовала карма, Христос был бы не нужен и даже вреден. Мы живём в глупом мире, где в лотерею выигрывают миллионеры, а у бедняков крадут последние деньги, потому что деньги бедняка легко доступны, не то что деньги богача. Сказанное о деньгах относится и к справедливости. Мало того, что её нет и не предвидится, так она ещё была бы смертельно опасной. Нет, не для злодеев — для тех, ради кого мы хотим справедливости. Справедливость опасна для несправедливо обиженных, для ограбленных, для изнасилованных, для ущемлённых, в общем, для большинства людей, начиная, конечно, с любимого себя.

Справедливость опасна тем, что вместе с несправедливостью гибнет свобода. Это куда опаснее, чем гибель свободного человека. Если погибнет один человек, идеал свободы остаётся, если свобода гибнет, тогда... А справедливость исключает свободу. Либо — либо. Хуже того, справедливость исключает и всё то, что создано из свободы — любовь, творчество, саму человечность. Последовательно осуществляемая справедливость превращает человека в механизм, а человечество в компьютер, причём компьютер с единственной программой — обеспечить своё, компьютерово, существование.

Представляете себе рулетку, которая решительно борется за то, чтобы ею никогда не пользовались? От пользования ведь пользы никакой — тому, кем пользуются. Сплошная амортизация, которая есть та же агония.

Многие тысячи лет люди жили благодаря справедливости, учились справедливости и учились ей, учились вносить в мир ответственность, смысл, упорядоченность. Зуб за зуб, зубра за зубра, зарубежную поездку за зубрёжку. Справедливость и право, закон и порядок есть наш ответ страданию. Совсем изъять страдание из жизни невозможно, но можно постараться компенсировать, минимизировать страдание и справедливость тут — как очки для компенсации плохого зрения, как для смягчения смерти — лекарства, одежда, питьё и еда.

Быть справедливым огромный труд, не допускающий перерывов, требующий постоянного расширения поля деятельности, единственный труд, который обязателен для каждого человека. Без этого творчества справедливости человечество никогда бы не вышло из своей биологической ниши, так и бы оставалось разбросанными по земле крохотными группками, никак не связанных между собою, да и внутри себя. И вот, когда этот труд кое-как, через пень-колоду, с невероятными усилиями налаживался, появляется Этот и устраивает клоунаду: меряйте, пол, пустотой.

«Какой мерою меряете» — это ведь не про око за око, это анти-око за око. Подставь щёку, вырви глаз, дай зуб, взойди на крест и все имение своё раздай палачам. Мера Иисуса — безмерность, прощение, освобождение. Только поэтому Он и может добавить, что у не имеющего отнимется и то, что имеет. Если у человека нет денег, то у него уже нечего отбирать, но если у человека нет жалости, то у него можно отобрать кое-что... Например, человечность. Человек без человечности это и есть ад.

После многих веков утверждения Закона явился Законодатель и поставил над Законом жирную точку. Точка известна под именем прощения, милосердия, благодати, в общем, единственный надёжный признак — чем больше отдаёшь этого, тем больше у тебя остаётся. Вот если осудить другого на пять лет, то история человечества станет на пять лет короче — включая и твою историю, а если простить другого, то жизнь каждого

станет на пять лет длиннее. Если, конечно, под жизнью понимать не животное существование. Вот у животных нет ни справедливости, ни прощения, ни учёных, ни верующих, ни богачей, ни бедняков... Вот и измерьте расстояние от себя до животных, а потом столько же прибавьте, чтобы измерить расстояние от справедливости до милосердия. А рулетку сохранить — она понадобится, когда будут измерять нас.

10. ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ ОТ УБИЙСТВА ДО РАБСТВА, ОТ АВЕЛЯ ОТ АВРААМА.

«Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия» (Мк 1:1).

Здесь у Марка начинается Евангелие, первые две главы Матфея отсутствуют, а идет зачин о Предтече: «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия». Начало Евангелия — не в Евангелии, вне Евангелия. Предтеча, как потом скажет Иисус, меньше любого христианина. Извечное колебание человека: что сперва, яйцо или курица, где начало конца и где конец начала, — нужно, чтобы человек почувствовал неуверенность — и приоткрылся, словно коробка, которую трясут. Это — начало благодати, но и даже в этом начале человек свободен сбиться, захлопнуться опять, как будет это возможно в течение всей жизни, ибо свобода, даже такая плоская как свобода пошлости, есть часть человеческой природы. Поэтому не стоит говорить: «Я начинаю духовную жизнь», а лучше как у Марка: «Начинается Христос».

В русской культуре «евангелие» и «новый завет» почти синонимы. К тому же оба выражения — пенсионеры. Кому-то нравятся, кому-то нет, но для всех это древность. Не седая, но с очень сильной проседью. Это нравится, между прочим, многим молодым — религия должна быть с проседью, с морщинами, кашлять и шаркать...

А у религии нет возраста и не может быть! Что неплохо символизируется безумными сроками жизни древнейших персонажей Библии. Какая разница, сколько лет было Авелю и Каину? Важно, что один молился так, что другой его убил. Без такого накала страстей до Бога не достучаться. Или история с египетским рабством. Ну кому был бы нужен Иосиф Прекрасный, если бы он был прекрасный пенсионер? Его с удовольствием купили работорговцы, рассчитывая на хорошую прибыль — молодой и сильный, стариков не покупают. Его вождедела хозяйская жена — значит, ещё и красавчик. И вообще народ, который с голоду нашёл в себе силы прорваться в богатую процветающую страну — это народ молодых, старик просто лежит и помирает с голоду, а не штурмует заграждения египетские.

Религия не только для молодых, но религия — настоящая религия, а не подделки на пальмовом масле — даже стариков делает молодыми. Потому что религия, о чём и напоминают слова «евангелие», «завет» — это та же политика, тот же бизнес, только в отношениях с вечностью. Ну вот «евангелие». Вообще-то самый адекватный перевод — «манифест». Не какая-то вяло-квёлая «радостная весть», которую и не выпить и не съесть. Это громыхающий манифест верховной власти. Пенсионеров просят не беспокоиться, речь идёт о будущем, которого у них почти нет. Речь идёт о грандиозном политическом перевороте, который делает верующего пятой колонной Бога, Абсолюта, Неба в мире земных мелочёвок и дрызг. Манифест, призывающий к активности, выделяющий средства для активности, намечающий чёткие цели и сроки. О, старики не исключаются, но если они подключаются, то они перестают быть стариками. Тут такое закручено, что уже не до возраста.

Точно так же с «заветом». Это ведь всего лишь договор. Ты мне, Я тебе. «Я» с большой буквы, потому что завет — договор, продиктованный Богом. С тех пор, как археологи раскопали тысячелетней давности клинописные договора, стало ясно, что библейский «завет» всего лишь копирует формы времени, когда Библия зачиналась. Но форма формой, а содержаньице-то того... Никаких «одна сторона обязуется, другая сторона обязуется». «Заказчик заказывает, исполнитель исполняет». Арендодатель арендует, а мы, натурально, арендодерём. А не захотим — не берём...

Договор с Богом — это шутка. Никто не подкатывается с предложениями, от которых невозможно отказаться. Послушайте, ну вот евреи сравнивали Бога со смерчем в пустыне. Самум это вам не самурай, тут какие уж договоры-разговоры. Встречу с Богом можно называть встречей, но вообще-то это столкновение. Просто мы на первых порах недооцениваем размер Бога. Мы чувствуем себя девочкой из рассказа Куприна — в мою комнату слона привели! А на самом деле тебя в слоновник зашвырнуло. На плотике среди океана...

Неудивительно, что вся история отношений с Богом это история спасения. Обычно это понимают так, что Бог нас спасает, но вообще-то от чего нас спасать? От смерти? Ну, смерть штука абстрактная, она всегда чужая, мы её не сильно боимся,

иначе бы жили сильно лучше. Бог спасает нас от Бога, конечно. Как слон спасает ребёнка, который оказался в слоновнике. Ставит на нужное место и заслоняет собой.

Если не говорить об Адаме и Еве, вся история которых это история сшибки именно с Богом, то ведь и дальше — всё про Него. Из-за чего Каин убил Авеля? Из-за Бога. Каин был ханжа, первый в мире ханжа. О, если бы Каин был атеист или просто мещанин! Тогда ему было бы наплевать, что Богу больше понравилась жертва Авеля. Да и точно ли больше понравилась? Это ведь Каин так рассказывал детям, а на самом деле ему, возможно, просто показалось. Ханжи вечно завидуют окружающим. Вот у Авеля как-то дым от жертвы шёл так, что Каин решил — о, Бог нечестный, Он моей, правильной, с трудом заработанной жертвы не оценил, а сделал из Авеля любимчика! Бог субъективен, а не справедлив!

Каин совершенно прав. У Бога есть любимчики. Ну и что? Подражай Богу — люби Авеля, а не завидуй ему. Пусть и у тебя будут любимчики. Пусть всё человечество будет в любимчиках. Тебе кажется, что любви не может хватить больше, чем на одного человека? Ты ошибаешься, скажем кротко. Но вообще-то ты просто балда. Либо любви хватает на всех, либо и этого одного ты любишь не до конца.

Если договор с Богом есть вообще-то приказ Бога, не подлежащий обсуждению, то с жертвой Богу ровно та же история — начинается-то она как жертва... Человек словно кормит Бога... От сердца отрывает... Ну, правда, иногда он от сердца отрывает чужое сердце — вспарывает ближнему грудную клетку и вырезает тёплое сердце... А всё Богу, Богу... И смотрит — понравилось Богу или нет? Неудивительно, что тут и начинается Каин со всеми его заморочками.

Богу нравится только та жертва, которая самопожертвование. Каин по злобе и зависти только сделал Авеля ещё более любимым Богу, потому что Авель не только пал жертвой зависти брата. Авель — это и самопожертвование. Потому что не надо думать, что Авель был трус или дурак, а Каин — подлец и бил со спины. Авель мог защитить себя, но — не стал. Кто-то скажет: «Ну и дурак, практически самоубийца», а по вере это — самопожертвование. Почему Иисус — тот же Авель, только Иуда, Пилат и прочие куда хуже Каина уже тем, что их много.

Только как самопожертвование имеет смысл религия как набор форм. Пост? От диеты отличается только тем, что может быть вреден для здоровья, но это не главное, а главное — пост должен быть полезен для здоровья другого. Для психического здоровья — от поста я должен быть как минимум добрее обычного. Для физического — не так важно не съесть, как важно накормить. Можно дать деньгами, коли уж придумали такое дело. Все русские православные посты фуфло перед теми тоннами продовольствия, которые неверующие западные люди шлют голодающим Эфиопии. Впрочем, верующие тоже шлют, так что всё не так уж плохо.

Церковь как храм, как кубические метры с крышей и канализацией — это ведь тоже самопожертвование. Поверьте, эти метры можно и для себя использовать! От сердца отрываем... Почему любой храм, оторванный от чужого сердца — антихристов.

Эталоном самопожертвования остаётся история с Авраамом и Исааком. Это не очень понятно сегодня, когда ребёнок, даже маленький, это человек со своими правами. Для Авраама Исаак — это часть Авраама. Даже на Сарры. Авраам родил Исаака — не проблема, проблема в том, что Авраам не до конца родил Исаака. Это и сегодня сплошь и рядом, как с Абрамами, так и с Саррами. Ребёнок физически вроде бы родился, уже и женился, а то и на пенсию вышел, а для отца с матерью он всё ещё подвеска у лобового стекла их автомобиля. Любимая, но игрушка. Или нелюбимая, но часть своего тела. Самое трудное (и самое важное) в любви — дать любимому свободу, чтобы любовь не уменьшала, а увеличивала свободу любимого.

Так что, когда Авраам заносит нож над Исааком, он над собой нож заносит. Он же в Исааке видит себя, своё будущее после своей смерти. И вот это будущее рраз... Как же удачно, что в кустах оказался не рояль, а Христос. Потому что это Христос был... Всякий раз, когда мы обрываем чью-то жизнь, мы убиваем своего спасителя... Даже если это жизнь какого-то запутавшегося козла. Но дорасти до возможности дать расти другим — это не одна тысяча лет... Это история спасения — история спасения окружающих от моих неврозов и благоглупостей...

Не случайно история праотцев — совершенно особая часть истории спасения — заканчивается историей

Иакова, опереттой, плавно переходящей в оперу. От «Сильвы» до «Аиды». Но это и есть вся жизнь человеческая от детства до старости. Иаков начинает с того же, с чего Каин — с зависти к брату, а заканчивает... Вы думаете, он не понимал, что глупо искать спасения в стране рабовладельческого социализма, каким был тогда Египет? Понимал отлично! Но пожертвовал собой ради детей. Ну, у детей такая блажь... В евангельской притче блудный сын сблудил, отец ждал, реальный Иаков пошёл вместе с блудными своими сыновьями и всем домом своим... Ну да, дети не понимают... Но они взрослые люди, их решения — это их решения... Я там умру? Что ж, иногда умереть там, где можно не умирать — высшее проявление любви.

И всё-таки высшим образом самопожертвования остаётся Ной. Потому что это страшно — выжить, когда все погибли. Страшно быть живым со своей семьёй, когда всё человечество перестало существовать. Но, между прочим, вообще-то это лучшее выражение любой жизни. Всякий взрослый человек жив настолько, насколько он жив сам. Это и есть взрослость, самостоятельность, ответственность. Да-да, настоящая ответственность — когда отвечать не перед кем. Все утонули. Когда я жив, для меня все умерли, — именно с этой точки начинается спасение, когда моя жизнь — чтобы никто не умер из тех, кто мне доверится. Тогда и смерть обретает смысл, даже если моё личное воскресение немного откладывается, чтобы другие воскресли раньше.

11. ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ ОТ РАБСТВА ДО ОБЕДА. ИСХОД

«В первый день опресноков, когда заколали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его: где хочешь есть пасху? мы пойдем и приготовим» (Мк 14:12).

Верующие люди — и христиане, и иудеи — видят в Пасхе прежде всего воспоминание о каком-то событии прошлого. Или, если покрасивее сказать, о вторжении вечного в жизнь. Поэтому верующие с некоторым высокомерием, а то и с осуждением косятся на тех, кто празднует Пасху просто потому, что праздник лишним не бывает. Весна, зима кончилась, ура! Давай шоколадных зайцев, давай куек с вкуснейшей глазурной корочкой, давай варёные яйца красить, да и маца с красным вином тоже недурно!! А уж про мясо и речи нет — куда ж без него!!!

А по какому поводу, что там в библиях-мимлиях написано, это дело десятое.

Обидно, да? Но ведь это действительное дело десятое!

У всех народов мира приход весны — праздник. И для скотовода, и для земледельца. Религиозный праздник? Ну, смотря что считать религией. Пожалуй, всё-таки просто праздник. Пережили зиму, не умерли с голоду. Это, между прочим, было совершенно не гарантировано в мире без магазинов и гуманитарной помощи. Весна — становится ясно, что самое тяжёлое позади, остаток до нового урожая-приплода как-нибудь растянем. И вот семейство выезжает на пикничок, на свежий воздух, и там пирует.

А ребёнок спрашивает, что это вдруг. Тут и зарождается, видимо, религия, и пасха как религиозный праздник. Или не пасха — ещё раз скажем, что встреча весны празднуется в самых разных религиях.

В конце концов, это ведь не обязательно семейный праздник. Точнее, семейный праздник тогда праздник, когда каждый член семьи чувствует весну в себе. Прилив сил. Старый дуб пускает зелёные побеги, старик расправляет седые усы, мама чувствует, что она не только измотанная рабочая лошадь, но

вообще-то ещё и девушка-хохотушка, и даже пень надеется перестать быть пнём.

Появляется аппетит к жизни — лучший ответ на загадку, что сперва, яйцо или курица, закон или благодать. Нет аппетита — и кусок в горло не полезет. Есть аппетит — и сухая корка покажется...

Впрочем, почему «сухая корка»? Вот маца. Это сейчас для горожанина какая-то экзотическая еда, а для древних скотоводов это была самая нормальная еда. Единственная проблема — её не всегда хватало, но уж весной, ради праздника, как и было сказано, когда ясно, что — дожили! Скотоводу дрожжи, закваска и всё, что связано с выпечкой столь привычного для горожан пышного хлеба, — совершенно неуместно.

Так вот, на вопрос, почему на Пасху едят бездрожжевой хлеб, полагается отвечать — потому что евреи бежали от своих рабовладельцев, бежали в пустыню, не было времени давать тесту подниматься! Однако, дело сложнее, потому что Библия упоминает, что Бог велел иудеям избавиться от закваски, и тщательно избавиться. А зачем тратить время (которого якобы нет) на такое дело?

Более того, маца упоминается в Библии задолго до Исхода — Лот угощал ангелов именно мацой.

Самое простое объяснение, которое и дают некоторые иудеи, что маца — традиционный хлеб кочевников, которыми были изначально евреи. Это совпадает с мнением историков: Пасха изначально просто праздник встречи весны, а история про Исход это уже позднейшая прибавка. Так почти со всеми древними религиозными праздниками. Они в основе — празднование безумно важных для крестьян или скотоводов событий, а уж на эти события потом навесили более или менее возвышенных религиозных толкований. Ничего зазорного для религии в этом нет, как нет ничего зазорного в том, что лучшие стихотворения Пушкина писались на бумаге, изготовленной из старых тряпок, да ещё и гусиным пиром. Впрочем, и пергамент — всего лишь телячья шкура, тоже, если вдуматься, ничего возвышенного и даже немного противно...

Один иудейских толкователь считал, что, если маца и не потому, что исход и спешка, ничего страшного. В конце концов, связь с Египтом всё равно есть. Вот рабовладельцы умели

делать хороший дрожжевой хлеб, так мы из принципа не будем хотя бы на Пасху есть рабовладельческий хлеб, будем свой, старинный, кушать!

Есть, конечно, отдельные вредные учёные — прежде всего, в самом Израиле, вполне себе иудеи, да ещё и прямо в Иерусалимском университете — которые вообще отрицают, что евреи были в египетском рабстве. Это, мол, легенда, вымысел, а были просто скотоводы с палестинских нагорий, которые на каком-то повороте истории спустились с этих самых нагорий и слегка завоевали города в долинах.

Что же, если не было египетского рабства, так и Бога нет? И Пасху не праздновать?!

Было бы довольно странно, если бы Бог был результатом рабства. Впрочем, для атеистической логики это нормально: религия это разновидность самообмана, самоутешения, значит, надо выяснить, какая такая была беда, что вдруг религия появилась. А Бога по любому нет.

На самом деле, если беды не было, если не было, соответственно, избавления от беды, то Бог не просто есть, а тем более есть. Иоанн Златоуст имел такую большую веру, что заметил: воскресение не так чудесно, как творение, потому что зажечь потухшую свечу, даже без спичек, одной молитвой — мелочь в сравнении с творением свечи из пустоты.

Среди еврейских пасхальных молитв есть одна с монотонным повторением оборота «и этого было бы достаточно». Если бы Бог всего лишь облегчил евреям норму их рабского труда, и этого было бы достаточно для вечной Богу благодарности. Если бы Бог всего лишь вывел евреев в пустыню... Если бы всего лишь дал заповеди...

Если бы евреи были всего лишь скотоводами, по весне выползающими на зазеленевшие склоны с бутылочкой вина, сухой лепёшкой и приправа из травок, которые растут под окошком, то и этого было бы достаточно век Бога молить. Век, тысячелетие, четыре тысячелетия, сколько будет вёсен, столько и благодарить!

Скотоводы уже давно превратились в земледельцев, хлеб научились печь получше древнеегипетского. Земледельцы уже давно перековались в программистов, генетиков и венчурных банкиров, а на Пасху по-прежнему готовят то, что готовили

четыре тысячи лет — это нормально для религиозного сознания, то есть, вообще для человека.

Нормально для человека создавать традицию — то есть, не ежедневно менять мебель в квартире, а даже сохранять кое-что от прадедушки или прапрабабушки. Нормально, когда в языке есть новые словечки, нормально, когда в нём есть древние слова. Язык от этого богаче, а не беднее. Слова для самого важного всегда древнее прочих, потому что самое важное вообще невыразимо — любовь, творчество, вера. «Высокий стиль» должен быть не стопроцентно понятным, потому что любовь не программирование, сердце не компьютер, сильно сложнее, а где сложность, там и запас для воображения.

Есть слова, точность которых в предельной ясности, двойку надо называть двойкой, а есть слова, точность которых в беспредельной неопределённости — как слово «Бог». Когда-то оно было очень определённым, обозначала конюха, неопределённость и широта достигнуты за счёт того, что буквальное значение уступило место символическому. Как и «люблю тебя» — ну какой тут «буквальный смысл»? Тут сверхбуквенный сверхсмысл! Вот «ненавижу тебя» — это очень понятно, потому что тут о смерти, а не о вечности.

К обрядам это тоже относится. Съесть кусок хлеба — жест, но съесть кусок хлеба в знак благодарности Богу — это обряд, и тут как раз архаичность становится маркёром: внимание — это не просто жест. И слова, и одежды, и жесты, — всё чуть-чуть другое, чтобы обозначить другой смысл. Так и невеста с женихом одеваются на свадьбу чуть-чуть, а всё-таки не так, как обычно.

Если бы евреи только имели землю, на которой пасутся барашки и из которой тянется к Солнцу маца, и этого было бы достаточно для молитвы Богу на Пасху. Если бы Иисус не воскрес, а просто родился бы...

Э нет! Стоп, машина. Апостол Павел как-то сказал, что, если Иисус не воскрес, то вся вера коту под хвост. Вся! Не какая-то особая «христианская вера», а и Соломон с Давидом, и Моисей с неопалимым декалогом, и Красное море, которое бесстрашно переплывает ковчег с Ионой внутри, — всё вздор и чепуха.

Потому что «и этого было бы достаточно», — красиво, но всё-таки будет откровенны: недостаточно! Человек — это

прах, обезьяна, мыслящий тростник, которому недостаточно мыслить, чтобы существовать как человек, которому недостаточно мацы, вина, каре из ягнёнка, недостаточно весны, семьи, родителей, детей, недостаточно Земли Обетованной, недостаточно свободы и любви, недостаточно бессмертия, — всего недостаточно! Бога — вот минимум, на который соглашается человек, потому что человек — максимум Божий.

Воскресение Христово — не к приплоду скота, не к укреплению Израиля, не к вознаграждению праведника и гибели грешника. Воскресение Иисуса — Исход из свободы, сытости, счастья к Богу, исход от Земли Обетованной в Небо, которого Бог не обещал, потому что можно поверить в Землю Обетованную, но в Небо — да ни один нормальный человек не поверит, и особенно верующий не поверит.

Человек так же не произошёл от обезьяны как небо не произошло от земли, хотя небо невозможно без земли, небо есть лишь тонкая граница между землёй и неземлёй. Человек так же не рождён для благополучия земного как птица не рождена для плавания.

Пасха как матрёшка. В ней есть память о голоде и сытости, о жизни на грани голода и о выживании ценой труда и молитв. Это самая большая матрёшка. В Пасхе есть и матрёшка поменьше — память о политическом выживании, о том, как утопия свобода становится реальностью вопреки всему, что этому мешает, и прежде всего — вопреки неготовности человека всем сердцем любить свободу, всей душой созидать свободу, всем существовать рваться к свободе. А внутри — пустота, как в Святая Святых, внутри не особо счастливое и длительное время, внутри вечность.

Когда Иисус просит есть и пить Его Тело и Кровь, это ведь тоже архаизм. Это даже самый архаичный из всех возможных архаизмов, потому что это воспоминание о той еде, которая была до всякой мацы, до скотоводства или полеводства. Это еда не ценой убийства животного или смерти зерна, брошенного в землю. Это еда — жизнь самого Бога, еда, которую не нужно готовить, и цена этой еде - любовь.

Когда Иисус просит повторять Его слова «для воспоминания» — это ведь воспоминание не о том, что Он воскрес и вернулись блаженные дни умножения хлебов, исцеления

тёщ, хождения по водам. Это воспоминание о боли, которой было для Бога, когда человек повернулся к Творцу спиной. Это воспоминание не о том, как Бог из многих выбрал немногих, а о том, как Бог не стал никого выбирать, а Сам сделал шаг, чтобы и достойные избрания, и недостойные, сели Ему на за пазуху и перешли не Красное море, а Кровавое болото распада человечности, прошли пустыню веры и все вошли в ресторан, куда не имеет право войти никто.

12. ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ ОТ ОБЕДА ДО ЛЮБВИ. ЗАПОВЕДИ

«Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всем разумением твоим, и всю крепостию твою, — вот первая заповедь!» (Мк 12:29-30).

Две благоглупости одинаково трудно запомнить. Пушкин считал, что мы тем больше нравимся женщине, чем меньше её любим или наоборот? К учению глухо голодное брюхо или сытое?

Трудно запомнить, потому что все два (четыре) утверждения неверны. Обожравшись так же трудно учиться, как голодая. Любовь не бывает «больше» или «меньше».

Поэтому заповеди Бог даёт людям одновременно и после сытного обеда и на пустой желудок. С одной стороны, они вышли из рабства и по этому поводу подкрепились, чем Бог послал. С другой стороны, перед получением заповедей народ три дня «освящал себя», что, разумеется, включало в себя пост.

Что до любви, то заповеди начинаются с признания Бога в любви. «Люби Меня и только меня», — вот это признание в любви. Как Бог любит человека? Ну как же — «всем сердцем», «всей душой», «всем разумением», «со всей силой». Никак «меньше» или «больше». Любовь либо всё, либо это не любовь или даже нелюбовь.

Странно признаваться в любви таким образом? А когда любящий спрашивает, согласна ли любимая выйти за него замуж — странно? Он же не говорит «я согласен выйти», он просит её. Его согласие, его любовь самоочевидны. Вообще-то, если уж совсем нормально всё складывается, то никто и не спрашивает — точь в точь как Бог не спрашивает согласия Израиля. Ну смешно спрашивать у самого себя — а если любишь, то и тебя любят, и другой это уже ты сам, и заранее понятно, что вы муж и жена. Либо само собой, либо какая это любовь! А если «больше», «меньше», то это уже даже не влюблённость, это уже разврат какой-то.

В другом разговоре на тот же самый вопрос даётся немного другой ответ: высшая заповедь в том, чтобы любить Бога и ближнего как самого себя (Мф. 22, 39). Любовь оказывается плотным клубком, в которой я сам, Бог, ближний соединены и только поэтому оказываются, наконец, свободны любить.

Все остальные заповеди, соответственно, об издержках любви. Конечно, в мире есть зло от ненависти, но всё-таки ненависть и зло лишь плесень на любви. Как может любовь заплесневеть? Да вот вторая заповедь — «не сотвори себе кумира». Конечно, это и про ложных кумиров, но всё-таки самое опасный кумир творится из того, кого человек любит. Любит, но... Ну вот Библия — очень часто бывает кумиром. Любая страница Божьего откровения может стать идолом, если её вырвут из Бога. Как и в земной любви первый признак неблагополучия — чрезмерность, нервозность. О, конечно, надо обещать достать луну с неба, но посвятить себя исключительно доставанию луны означает изменить любимому человеку. Ему же не луна нужна, а любовь. Надо понимать, где метафора, а где реальность. Некоторые творят кумира из нижнего белья любимого человека, некоторые из фотографий любимого человека — да так, что за фотографиями уже не видят любимого, а самые отъявленные идолопоклонники прямо из своей любви творят идола. Кланяются Богу, говорят лишь о Боге, всё делают именем Божиим... Только Богу не дают слова сказать... Манипуляция называется.

Почему самая главная позитивная заповедь — о субботе? Потому что ты любить люби, а знай меру. Остановись, мгновение, дай любимому тебя полюбить. Муж хочет тебя обнять, а ты в магазин бежишь — ну сделай себе субботу! Ну, не работаешь ты чего-то — вот и проверь, у вас любовь-морковь или всего лишь заработинг-шоппинг. »Я для тебя всем пожертвовал/пожертвовала» — так вот не надо, ради Бога! Не надо жертвовать, надо сесть и расслабиться. А то любовь попросту отстанет, свалится и умрёт где-то на обочине, а и не заметишь.

То же самое про не убий. Исторически заповедь понимали как «не убий своего». Врага, который может убить любимого человека — его убий, на него заповедь не распространяется. Мол, во имя ненависти и корысти — это агрессивное убийство, а во имя защиты любимого человека — оборонительное.

Так вот — никого не убий, и любимого человека защити как угодно, но не убийством, не лжесвидетельством, не воровством. А то, знаете ли, и супружескую измену истолковывают как защиту любимого человека. Она устала, надо дать ей отдохнуть... И вообще для любви полезно разнообразие... Ага, а для потенции полезна кастрация.

Именно потому, что заповеди не про грехи от ненависти, а про грехи от любви, нет ожидаемой заповеди «не пей», но есть неожиданное «почитай родителей». Любят дети родителей, и родители любят детей — именно поэтому отношения с родителями так часто не плохи, а катастрофически плохи. Если бы просто размножились и разбежались — нет проблем. Налицо, однако, любовь, причём самая дурацкая, нелепая, трудная — любовь неравная, любовь, заведомо сопряжённая с властью, да ещё с какой — сперва они тебя, а потом ты их... Точь в точь как с Богом — сперва люди у Него в руках, а потом Он в руках у людей...

На самом деле, конечно, и в самой обычной любви равенства нет, симметрия кажущаяся, и гармония обманчивая. Так что привкус почитания в любой любви есть — даже не привкус, а что-то вроде одежды или поцелуя, когда тебе уже девяносто лет, а жене восемьдесят, но что ж — не целоваться? Наоборот! Просто раньше поцелуи помогали любить, а теперь любовь помогает целоваться. Так и с почитанием — вроде бы уже насквозь любимого человека знаешь, как знают дети родителей, и такое знаешь, что уж какая тут любовь... Ещё хорошо, коли у них Альцгеймер, а если в своём уме? Да-да, всё понятно, но — любовь, и именно такая вот, с почитанием! Главное — почитать родителей не для того, чтобы тебя потом твои дети почитали. Поэтому в Библии сплошь рядом чудо, когда рождается ребёнок у бездетных родителей, и этот ребёнок — последний в роду, у него детей нет, и все, однако, счастливы.

Заповеди даны на бегу. Всего три месяца как спаслись из рабства. Пройдёт не один десяток лет, пока появится уголок для сердца. Историки вообще склонны считать, что блуждания по пустыне сильно преувеличены, а литературоведы знают, с какой целью преувеличены — и это вполне разумная цель и вполне адекватные художественные средства. Можно считать случайностью, что Бог избрал для проникновения в мир

кочевников-скотоводов, но никак нельзя считать случайностью, что именно кочевье, путь и дорога остались символом отношений с Богом — пути к Богу и пути Бога — когда уже давным давно все осели, пустили корни, стали сеятелями и раввинами. Всё-таки человек не кирпич, жить в кирпичном доме хорошо, но хорошо именно потому, что этот дом при пути.

Милым напоминанием о вечном пути кочевья осталось в речи Иисуса выражение «на первой заповеди висят все остальные» — в шатре кочевника ценные вещи именно подвешивали. Основанием, фундаментом, оказывалась крыша и небо. Перевернутый мир. Если, конечно, считать нормальным тот мир, в котором уже никто никуда не идёт. Но ведь в самом оседлом мире человек жив, пока движется, и не случайно заповедь Иисус иллюстрирует картиной: путь, дорога из Иерусалима на север, по которой снуют паломники, разбойники, священники и, слава тебегосподи, самаритяне.

Кому нужен дом, пусть даже Божий, к которому не ведёт ни одна дорога, из которого не ведёт ни одна дорога? Все те, скажем деликатно, приключения, в ходе которых случается нарушить заповедь, всё то, что называется беспутством, возможно именно на пути, в движении, не всегда физическом, но всегда человеческом. В дороге человек находит любовь — не у себя же дома, под кроватью — в дороге любит и, если любит, дорога эта не закончится со смертью. Хотя жизнь по заповедям не поможет воскреснуть, но жизнь против заповедей точно осложнит процесс воскресения. Вам это надо?

13. ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ ОТ ЛЮБВИ ДО СМЕРТИ. ЦАРИ

«Продолжая учить в храме, Иисус говорил: как говорят книжники, что Христос есть Сын Давидов? Ибо сам Давид сказал Духом Святым: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. Итак, сам Давид называет Его Господом: как же Он Сын ему?» (Мк 12:35-37)

Христос в этой реплике пилит сук, на котором сидели и сидят многие христиане. Ведь среди разнообразных попыток (всего лишь попыток!) выразить, кто такой Иисус, было и описание Его как Сына Давидова. Вполне традиционное суеверие: вот была в прошлом идеальная жизнь, потому что был идеальный царь, и будет идеальная жизнь, когда появится потомок этого идеального царя. Давид был помазан на царский престол — помазан буквально, оливковым маслом, символом духовной силы, и его потомок будет помазанник.

Отсюда и слово «машиах», которое греки произносили как «мессия», а перевели на греческий не совсем грамотно перевели как «христос». Так что сказать «Иисус — Спаситель» означает сказать, что Иисус «Сын Давидов», Христос. А тут Он объясняет, что Спаситель не может быть потомком Давида, потому что Давид обращался к Спасителю как к Кому-то, Кто бесконечно выше его.

Перевёртыш не случайный, и таких перевёртышей много в евангелиях, много и в истории веры, потому что люди вновь и вновь фиксируют свой опыт Бога в понятиях не божественных, а человеческих (да и откуда у людей другие понятия?). Фиксировать надо, без фиксации любой опыт как мытьё без воды, однако надо постоянно бить себя по лбу, напоминая, что всякое сравнение хромает, а сравнения в религиозной жизни хромают на обе ноги. Дело не в Боге, дело в людях, в языке, в том, что отражается в языке — человеческая жизнь во всё её несовершенстве. И самое несовершенное то, что претендует на самое большое совершенство — царство-государство. К царству Давида и его потомков это относится в первую

очередь, поскольку это царство первое в очереди на величие, да ещё освящённое величие.

В современном мире очень много людей, которые мечтают восстановить Храм Соломонов. По деньгам построить такой храм может самый заваливающий миллиардер, даже с учётом всевозможной золотой утвари. Не восстанавливают лишь потому, что хотят поставить именно на то место, где он стоял при Соломоне.

Много (слишком много, даже если их всего двое) и людей, которые мечтают восстановить государство Соломона, каким оно описано в Библии. Колоссальное вышло бы государство, от Египта до Ирака.

Никто, однако, не мечтает восстановить монархию. Может быть, тут как раз наибольшее отличие иудаизма и ислама от многих направлений христианства, включая православие. Английская королева и по сей день считается главой Церкви, испанский король не простой прихожанин, а уж в России ходят вокруг идеи восстановления монархии как кот вокруг сметаны, только никак не решат, в какой руке царь должен держать серп, а в какой молот.

Между тем, Бог не очень политизирован, однако именно о монархии позволил себе отозваться крайне резко. Конечно, надо понимать, что у этого отзыва был какой-то человеческий автор, были какие-то редактора (и все евреи), но отзыв-то остался и стал частью Откровения. Причины резкости очевидны: монархиями, причём самыми звероподобными, были все главные и неглавные враги Израиля, начиная с Египта. Да любой вождь любой деревни назывался царём. Политическая карта тогдашнего мира была похожа на шахматную доску, уставленную матрёшками от огромной до крошечной, но одинаково с коронами на голове.

Только Израиль, освободившись от рабства, превратился в милое патриархальное общество, эдакий идеал анархистов и либертариан. Иногда это называют «теократия», поскольку царём считался Бог, но от имени Божьего никакие жрецы не правили. Защищали себя от внешних врагов довольно успешно, а задачу защиты от врагов внутренних — то есть, суда — решали старые добрые патриархальные судьи. Аксакалы. И вдруг — даёшь монархию. Вот уж когда очень уместны были бы слова «не было такого никогда, и тут опять!»

В современном мире, заметим, эпохе этих судей соответствует не современный Израиль, а, скорее, современный Афганистан. Да-да, ненавистные талибы — это и есть патриархальное общество, которое решило за себя постоять и делает это довольно успешно, учитывая неравенство сил. Это ислам — то есть, религия, рождённая всё тем же Авраамом. Да и не только в Афганистане — во всех исламских странах не слишком доброжелательно относятся к монархии. Монархов терпят, им подчиняются, но над ними по-прежнему веет брезгливый отзыв Творца мира.

Царь — это эрзац-Бог. Его единственное преимущество перед Богом — зримость. В царя не нужно верить — вот он, полюбуйтесь. Царя легче любить — и надо жить в России, чтобы понять, как можно любить любого, лишь бы у него должность была соответствующая.

Бог долго перечисляет, как именно царь ограбит народ, заберёт себе лучшее, что есть у людей — то есть, их дочерей и сыновей. Наивный этот Бог! Да людям именно это и нравится — что их дочери и сыновья станут приближёнными! Людям в восторге от того, что их обчистят и на эти деньги понастроят дворцов, куда даже нельзя будет на экскурсии ходить.

Что ж, резюмирует Бог, и выкладывает последний аргумент: «Сами вы будете ему рабами!» (1 Цар. 8, 17).

Наивный Бог — так это именно людям и нравится! Быть рабами не кому-то невидимому, а зримому, явному земному повелителю!!

Что же в этом такого привлекательного? Почему по сей день люди срываются в рабство, восторгаясь очередным эрзац-богом?

А почему дети играют в войнушку? Почему ребёнок, из которого вырастет кротчайший и наимирнейший художник или политик, разыгрывает битвы и бабахает из пистолета, и это ему ничуть не вредит? И при этом отворачивается от телеэкрана, если там целуются?

Потому что любовь штука сложная и поцелуй есть итог длительного, бурного и криволинейного процесса, напоминающего прохождение самогона через змеевик.

Описание подвигов Ахилла или Давида — это не про войну, а про любовь. Настоящую любовь в ненастоящих, игрушечных

обстоятельствах. Где человек человеку раб, рабовладелец и хозяин, — это такое обстоятельство, что жизнь становится ненастоящей, игрушечной, игровой. Только игра эта злая и игрушки эти смертоносные.

Давид прежде всего — великий любовник, и к Соломону это тоже относится. Это сигара иногда бывает просто сигарой, а меч никогда не бывает просто мечом, и никто ещё не обнаружил хотя бы одного отличия пращи от сперматозоида. Сердце, могучее на любовь — и поэтому любой слабак без труда ставит себя на место Давида или Соломона. Слабаки-слабаки, а в любви такие же царственно страстные!

Такие страстные, великие, любящие эгоисты. Что ж это были за люди, коли они «Песнь песней» писали, любимую воспевали, а потом засандаливали в гарем вторую любимую, третью любимую, четвёртую... Что у Соломона их было несколько сотен, конечно, очередное преувеличение, но ведь в любви больше единицы — уже сверх всякой меры.

Потому что эта единица — она ведь тоже имеет сердце, она тоже может и хочет любить, и умеет любить не хуже мужчин, а из неё делают, извините за грубое слово, объект. Да хотя бы даже она одна была — нельзя из живого человека делать объект, а именно это делается во всяком обществе, где мужчина царь, да женщина ему не ровня, где двое не одна плоть, а рассчитаны на первый и второй, на один во главе стола, а вторая на женской половине, где один Давид роди Соломона, а вторая вроде бы и не рожала.

Ничего не может быть подлее истории о том, как Давид увёл жену своего подчинённого, обрюхатил её, а когда подчинённый не захотел числиться отцом чужого ребёнка, послал гордеца на верную смерть. Но летописец считал, что Бог был недоволен Давидом исключительно из-за его завоеваний — крови много пролил, вот и не попустил Господь ему построить храм. Крови, конечно, Давид пролил немало, но семья своё он тоже мог бы попридержать.

То, что Давид не построил Храм, трудно считать наказанием. Наказание, как всегда, заключалось ровно в том же, в чём заключалось высшее достижение, как в разнообразных шутках на тему исполнения желаний. Стать миллионером на роскошном корабле — и очутиться посреди роскошной столовой

«Титаника». Стать восточным самодержцем — и обнаружить, что восточные самодержцы жили в постоянном страхе, причём не параноидальном, а вполне обоснованном. Родные дети спят и видят, как бы зарезать папочку, — что уж говорить о подданных, и мужьях, у которых ты увёл жён, да и о жёнах, которые могут и отравить, и зарезать, Юдифь свидетельница.

Повесть об том, как Израиль был полноценным царством, это повесть о любви, ведущей не к жизни, а к смерти. Не потому, что Израиль какой-то особый народ и монархия у него особая, а именно потому, что типовая монархия, типовой и народ. Сотни таких царств-государств было в мировой истории — ничтожные по современным меркам, но мнившие себя пупом вселенной, на вершине своего величия бывшие настоящим гадюшником, где все ненавидят всех. Под толстым-толстым слоем золота. Ну, правда, в Израиле и слой золота был довольно тонкий. Археологи не могут обнаружить никаких следов великого царства Давида и Соломона, тогда как от филистимлян следов осталось предостаточно.

Избранным, исключительным шофёром в автомобиле спасения Израиль стал и остаётся совсем по другой причине — слово. Всюду были цари-подлецы, но только от Давида осталось откровенное повествование о подлой сладострастности и не менее откровенное покаяние в сладострастной подлости, к которой и сводится всякая самодержавная власть, будь то власть отца народа или отца семейства. Книги, описывающие придворные интриги и кровавые разборки израильских монархов, интересны и сами по себе, хотя, конечно, уступают в красоте «Илиаде» с «Одиссеей», но искра вечности в этих книгах — от неземного взгляда на все эти красоты. У Гомера боги помогают героям, в Библии Бог пинками гонит героев в канаву, чтобы одумались. У Гомера хитроумен Одиссей, способный обдурить само Небо, в Библии хитроумен Творец. Он уступает Свои неразумным детям, но не бросает их, а бросается вместе с ними в, извините за банальность, пучину страстей, а когда их, наконец, начинает пучить, кладёт голову очередного помазанника Себе на колени и гладит, и гладит, пока тот не заснёт вечным сном.

Сказать, что любовь и смерть связаны, означает сказать пошлость, то есть правду, справедливую лишь на мелководьи

жизни. Любовь и воскресение, любовь и бессмертие, любовь и свобода, — связаны, это да. Но прежде, чем это поймёт человек, он проходит тот же путь, что проходили самые разные цари — от упоения к протрезвлению — и лучше, если он пройдёт путь не с мечом в руке, а с Библией, не повторяя грехи Давида и Соломона, а читая об этих грехах и о том, как вопреки грехам Царь Небесный всё-таки показал, кто царь с большой буквы и навсегда, а кто лучше бы одумался и согласился, что лучше быть рабом Божиим всегда и навсегда, чем царём царей хотя бы на полсекунды.

14. БОЛЕН ЛИ ИОВ? ЗДОРОВ ЛИ БОГ?

«Он сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить всё; и Сыну Человеческому, как написано о Нем, надлежит много пострадать и быть уничижену» (Мк 9:12).

Первая половина этой фразы есть и в Евангелии от Матфея, а вот вторая лишь у Марка. Это довольно странно, ведь Матфей любит ссылки на тексты пророков, подходящие для описания Иисуса. Предполагать, что Матфей иначе понимал смысл жизни Иисуса, не стоит, ведь и в его Евангелии, хотя в другом месте (Мф. 16, 21) Иисус говорит о том, что Ему придётся погибнуть. Дело, видимо, в том, что тут не отсылка на конкретные слова какого-либо древнего текста, Матфей же подбирал именно такого рода отсылки.

Нетрудно подобрать разные места из псалмов или пророчеств о болезни, страдании, несчастьях. Тем не менее, их объединит мысль о том, что болезнь и страдания временные, они должны миновать, нормой остаётся здоровье и успех. Лучше быть богатым и здоровым. «Лучше» — то есть, Бог есть эталон богатства и здоровья, человек же подобие Божие со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями. Если подобен, то и богат. Если образ, то и здоров. В крайнем случае — испытание.

Но с Иисусом идея испытания не проходит. Это не вопрос текста Евангелия, это ответ веры в Христа — той веры, которая здесь и сейчас. Глаза веры видят, что Иисус не нуждается ни в каких проверках. Искуситель в пустыне выглядит скорее смешным, чем сатанински искусительным. Не по адресу обратился и не по чину пытается взять. Не на того напал.

Страдания и унижения Иисуса не исчезают с Воскресением. Они остаются. Этим они отличаются от наших, человеческих. Человека унизили, он взмолился Богу — и Бог помог ему возобладать над врагами и попрасть их. Они с позором отступили. А Иисус никого не попирает, ни над кем не торжествует, не ставит такой цели и даже очевидно её отвергает.

Иисус исцелял людей, эти исцеления были не самым важным в Его жизни, но евангелисты о них рассказывали, называя

исцеления «указаниями», чем-то вроде дорожных знаков — и знаки эти указывали на дорогу к Голгофу. Здоровье оказывается не самоцелью — для людей. Вот Голгофа, страдание, может быть самоцелью — для Бога. Ему-то ведь боль и страданиями ни к чему абсолютно. Опыт страданий не делает Бога более сострадательным, Бог и до них — абсолютная любовь. Зато страдания и боль Иисуса — опыт для верующего. Опыт того, что «вечность», «абсолют», «верховенство» — это не холодное царство Снежной королевы, это Царство Распятого Христа.

Современная медицина борется с болью и болезнью, и это замечательно, жаль, что результаты борьбы не всем доступны. Борьба с болезнью не есть борьба с Богом. Отождествлять Бога с болью означает повторять ошибку средневекового ханжества, которое во всём видело невидимое. Даже Фрейд умер остановиться в своей жёсткой интерпретации мира — во всяком случае, свою сигару он не рассматривал как эротический символ. А вот ханжа останавливаться не умеет — во всяком случае, когда речь идёт о других. Бог — не боль, Бог — Больной.

Невозможно отождествить Бога с болью, если обращаешься к Богу. В этом атеисты-врачи благоговейнее верующих. Они убивают боль. Бог от этого не умирает. Он даже не сердится, а скорее всего, радуется.

Совершенно не случайно, освобождение христианства от государственной опеки привело к освобождению христиан от языческих представлений о боли, к христианизации христиан в этом, столь важном отношении. Американский эссеист Филип Енси отмечал, что переломным в отношении к боли стал именно XIX век, век секуляризации. До этого верующие принимали боль как волю Божию, как дар, причём весьма драгоценный. С XIX века боль стали лечить и рассматривать как симптом необходимости лечения. Она демистифицировалась.

Причинение себе боли, столь распространённое в аскетике, у современного человека вызывает лишь недоумение, если не брезгливость. Это прекрасно — потому что здоровье из чего-то подозрительного (как и богатство) стало нормой, но при этом не произошло возвращения к дикарским временам, когда здоровье рассматривалось как привилегия, как знак особого благоволения Бога к избранным. Все должны быть здоровы!

До этого, к сожалению, современные люди ещё не доросли — иначе бы уже повсюду было бесплатное здравоохранение. Пока же здоровье уже признано нормой, но эту норму ставят в зависимость от денег. Между тем, конкуренция и справедливое соревнование уместны во многих сферах человеческой жизни — но здоровье это не «сфера жизни», это сама жизнь. Тут конкуренция так же неуместна как в сексе.

Только Богу не нужна медицинская страховка — не потому, что Бог может её купить, и не потому, что Бог здоров, а потому что Богу нужно оставаться с той болью и страданием, которое причинили ему люди в Сыне Божиим. Когда все будут здоровы — здесь или в раю — Бог один будет оставаться Больным. Чтобы люди более не заболели.

В этом смысле Бог — это Иов, но Иов не выздоровевший, обретший новых, лучше прежних детей и на этом успокоившийся, а Иов, сделавший свою болезнь своим свидетельством миру: «Я не чужой. Я не сверхсущество. Я люблю не потому, что мне неведомы болезни, а потому что любовь сильнее болезни — любая любовь. Я болею не потому, что виноват или грешен. Я болею, потому что болеете вы и пока болеете вы. Не говорите мне опять «врачу, исцелися сам». Я врач, который лечит тем, что болеет болезнью пациента. И вас я прошу не идти по миру проповедовать исцеление верой, а проповедовать верой в болезнях и в здоровье, пока воскресение не объединит нас».

15. БОГОСЛУЖЕНИЕ: ЕДА И ПЕСНИ

«И сказал им Иисус: могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься.» (Мк 2:19)

В Библии есть много страниц, описывающее богослужение. В основном, правда, это не описание, а предписания, это мечты: вот хорошо бы, в идеале бы, когда будет возможность, то богослужение должно быть вот таким... Это очень узкий взгляд, немного даже лакейский: официант описывает идеальный банкет. Банкет может быть по случаю свадьбы, похорон, юбилея, — каждому случаю свой набор блюд, импровизаций не нужно, все варианты должны быть просчитаны. А любит жених невесту или нет, юбилей палача или математика, вообще неважно.

Таково обрядовое. Это лакейский, даже холуйский взгляд на Бога и людей.

Если же искать в Библии книгу, раскрывающую не форму, а смысл богослужения, то это Песнь Песней. Нет любви — нет богослужения. Если жених не любит невесту, то банкет будет, пожалуй, даже попышнее обычное, чтобы это обстоятельство скрыть.

Не случайно Иисус, помянув свадьбу, тут же помянул знаменитое «ветхие мехи». Это не о реформах — это о том, что на свадьбу хорошо бы в новом платье, не из секонд-хенда, да и костюм жениху новый нужен. Потому что любовь-то новая. Каждая настоящая любовь — первая в мире, она же последняя, в общем — единственное.

Богослужение это свадебное торжество. Поэтому, возможно, и воспринимается она как некая архаика, принадлежность не самых развитых культур. «Современный» человек может вообще не «играть свадьбу». В голливудских фильмах определённого рода пышное торжество с несколькими сотнями гостей — норма, вот и надо побаиваться, чтобы богослужение не превратилось в блокбастер. «Блокбастер» это вопрос качества, не количества. Можно наедине с невестой и парой друзей так себя вести, что это будет напыщенное фарисейство. А может

и толпа в сто тысяч человек быть единой в своём порыве — то есть, Невестой, Любящей и Любимой.

Здесь довольно уловимое отличие христианского богослужения от многих других. Иисус пришёл в мир, где и язычники традиционно рассматривали богослужение как своеобразное угощение Бога, да и избранники Божии — иудеи продолжили вполне эту традицию. Бог — не Жених, Бог — Отец. Кстати, в архаических-то культурах часто именно отец — главный персонаж на свадьбе, он всё устроил, потому что какая там любовь, когда нужно сажать морковь.

Иисус же вновь и вновь настойчиво возвращается к образу жениховства. Жениховство это своеобразное, так и любовь своеобразная, и богослужение христианское выходит тоже своеобразное. Жених задерживается. Сильно задерживается. Оправдание у Него есть: Он был убит и воскрес. Убит собственной невестой — Человечеством. Тем не менее, Он присутствует всюду — присутствует как Дух Святой. Теперь уже богослужение — не жертва людей Богу, чтобы сыт был и не лишал благосклонности. Теперь богослужение — Бог жертвует людям Себя всего.

Современные иудаизм и христианство схожи тем, что у обоих в шкафу, в памяти, в прошлом есть опыт богослужения колоссального, исполинского. Если размеры Храма Соломонова несколько преувеличены, то размеры готических церквей или храма св. Петра — налицо, точно известно, сколько часов тянулись богослужения, какие масса в этом богослужении участвовали, сколько было золота и бриллиантов. Всё это лопнуло как мыльный пузырь — и слава Богу. Фанатики мечтают всё это воскресить, но воскресение — это совсем о другом и Другой.

Если что и уцелело от «великого» прошлого, то опыт богослужения абсолютно частного, одинокого, миниатюрного — монашеского. Это относится и к католицизму, но в ещё большей степени к современному русскому православию. Тут длинноты — не от желание попышнее обставить присутствие царя, а потому что монах, повкальывая мотыгой, шёл в храм и молился, молился, молился...

Для служения идеальной всенощной никакой ночи не хватит. Каждые три часа — опять молитва. Даже если пост — а пост во времена Иисуса был не в избирательности при еде,

а в полном воздержании от еды. Сейчас так постятся иудеи и мусульмане, в Церкви уцелела только традиция «сочельника» — не есть «до звезды». Литургий во время поста не служили — пост же! Но молились не меньше во время поста, а больше. Эти молитвы наедине тоже ведь богослужение.

Много любителей не ходить в церковь под предлогом, что молиться надо не напоказ, а в «чуланчике», как Иисус однажды сказал. Но только что-то и в чуланчиках не сильно такие люди молятся. Если бы молились... Из уединённого богослужения не может не вырасти богослужение общее. Вот обратное — да, не всегда верно, об этом Господь и сказал, помянув «чуланчик». Молитва в уединении — как грибница, из которой рано или поздно ползет грибок, раздвигая землю, а то и асфальт взламывая — и это будет богослужение.

«Песнь Песней» это ведь не просто любовный шёпот, не безмолвное взглядывание в глаза любимой. Это именно песня, дуэт, более того, дуэт в сопровождении хора. Историки спорят, насколько Песня Песней безыскусный наив, а насколько — стилизация под безыскусный наив, но бесспорно одно: этот текст именно пели, а скорее всего, ещё и танцевали при этом. Отказ от богослужения — как отказ от песен про любовь. Не заметишь, как запоёшь.

Кто молится, тот непременно подыметесь до богослужения. Молитва так же соотносится с богослужением как чтение и чтения. «Чтения» — так до революции называли публичные лекции. Чтения — это чтение вслух. Как и богослужения, чтения — раньше чтения. Сперва все читали вслух, только в конце античности появились люди, научившиеся читать «про себя». Но уж когда научились — зачем возвращаться к варварству? Что такого в богослужении замечательного, что может оправдать омерзительное слово «служение». Собачки «служат», а человек — любит! Нормальный человек и сам никому не служит, имеет отношение равные, и себе служить не разрешит. А уж Бог-то нормальнее нормального человека! Ему аллилуйчики не нужны!

А любимому человеку наши песни нужны? А вообще любовь это разряда «нужного» или как? Средство или цель?

Богослужение — во всяком случае, христианское — не более, а менее прагматично, чем любая молитва и медитация. Поэтому люди редко задаются вопросом, зачем молиться, но

очень часто — зачем нужно богослужение. Ответ: ни за чем. Просто есть созерцательная молитва, когда человек созерцает Бога, а есть созерцательная молитва, когда Бог созерцает человека. Созерцает и слушает. Человеку это ни к чему, Богу тем более, и вот это «ни к чему» и есть преодоление никчемности и суетности человеческого существования.

В слове «богослужение» обе половины — устаревшие донельзя. «Бог» от санскритского «бхаг» — тот, кто кормит, повар, официант, кормилец. Взгляд на Бога человека не столько голодного, сколько благодарного. Это первый плод веры — благодарность Богу за хлеб, который, как отлично знает крестьянин, он сам посеял, земля выносила, он лично скосил, перемолол, испёк. «Служение» — взгляд на себя глазами Бога. Бог мне, я — Богу. Бартер. Бог — человек — Бог. На жену, на мужа глядели точно так же, вот что важно помнить.

Богослужение это самый консервативный элемент религиозной жизни. Любые попытки «модернизировать» богослужение не могут преодолеть зазор между разговорным языком и языком молитвы. Любые попытки сделать богослужение насквозь «понятным» так же обречены, как попытки «понять» щебетание влюблённых, смысловая нагрузка которого не больше, чем у звука работающего автомобиля. Это не означает, что не надо стремиться к понятности и современности, просто надо не переоценивать значение любых реформ. Язык богослужения — это язык влюблённых, который должен быть понятен не всякому, а им одним. Жаргон. Другое дело, что один из влюблённых — это всё человечество, которое латыни и церковно-славянскому не научишь, так что очень настаивать на архаике не нужно — она сама появится. Кто-то ведь постоянно отстаёт.

Конечно, было бы неплохо, если бы церковь была как сеть столовых: в какую страну ни приедешь, всюду одно и то же. Неплохо, но позвольте — может, нашей любви достоин пятизвездочный ресторан, которые все наособицу? Конечно, по одежке протягивай ножки, но раз в неделю можно и поднапрячься? Много желающих «опроститься», чтобы богослужение было «как в семье». Да ведь и семья с удовольствием выберется в воскресенье в ресторан получше. Или в любой другой день недели, были б деньги. А для богослужения «деньги» — это любовь с отчаянием пополам.

Слова Христа о «женихе» многозначительнее, чем просто полемический приём. Дело в том, что Иисус — вечный Жених. Бог — всегда по ту сторону регистрации. А человечество, соответственно, — всегда невеста. Иногда это просто непеносимо. Например, когда читаешь рассказ о том, как Иисус в последнее посещение Иерусалима разыгрывает спектакль с «Осанной» (это ведь тоже было богослужение), как осматривает город и Храм, — и всё это накануне вовсе не торжественной свадьбы, как надеялись апостолы, а накануне гибели и похорон. Да, Христос воскрес, да, Сошествия Святого Духа — но было бы наглостью считать, что воскресение отменяет Голгофу, что свадьба будет как ни в чём не бывало, только вот сейчас опаздывающий шафер подойдёт. Шаферу, между прочим, отрубили голову. А мы ещё удивляемся, что Он не спешит. Да мы бы на Его месте... Так что христианское богослужение ещё немножечко трагичнее любого другого, и в любом случае — всегда накануне, никогда не после Главного События. Царство Божие приблизилось, а не врезалось.

Поскольку изменяются представления не только о том, что такое семья и брак, но и о том, как проявляется любовь, постольку всегда изменялось и будет изменяться богослужение. Богослужение английских квакеров, когда люди просто сидят молча на стульях и молятся — многое говорит о брачных и супружеских традициях Англии, как и африканские мессы, где только что хула-хуп не крутят, многое рассказывает горячим русским парням о том, что такое настоящее чувство. Истина не посередине, истина повсюду, а уж как именно совершать богослужение — вроде бы очень трудный вопрос, но ведь и очень простой, потому что решается не с нуля. Человек не сочиняет богослужение, человек входит в богослужение. Лишь бы помнить, что богослужение — не наше служение, а Божье. И поменьше пытаться быть Женихом, а побольше — Невестой. Пока есть эти слова, есть и то различие, что жених больше думает о том, что за стенами дома — хотя бы и будущего, а невеста — о том, что в доме, хотя бы и в настоящем, временном. Богослужение в этом смысле — забота как раз не Жениха, а Невесты. Молитва — земля, рвущаяся в небо, богослужение — небо, устроившееся на земле, и устраивать это место — наше, человеческое дело.

16. ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ: ПРОРОКИ — ПЛЕННИКИ РОДНОГО ДОМА

«Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем» (Мк 6:4).

Рай это космос, грех — попытка построить в бесконечности домик себе и своим. Выгородить в жизни вечной жизнь временную. Создать в неразрушимом времяночку.

Спасение лечит подобное подобным. Просто вернуть человека, каким он стал в своей погоне за автономией, в бесконечность означало бы свести человека с ума. Бог не изгнал человека из рая, Бог спас человека от сумасшествия в раю, предоставив нам космос во временное пользование. Весь космос.

Мы живём не в каком-то особом мире, мы живём в особом измерении рая, и это измерение создано специально для такого случая. Мир хорош не тем, что нас в нём восхищает — ах, как удобно жить. Во-первых, далеко не так уж удобно, во-вторых, когда неудобно — тоже слава Богу. Мир хорош просто фактом своего существования. Лежит песчинка — и она прекрасна своим цветом, своей формой, своей плотностью. Она может попасть нам в ботинок, но это уже наша проблема, а песчинка прекрасна, как и Млечный Путь, как и любая невидимая нашему глазу частица бытия.

Бог спасает человека, создавая внутри нашего ада — потому что с точки зрения Бога, это ад — создавая внутри этого ада дом, в котором можно жить как в раю. Нечто вроде заповедника. Пункт передержки.

Дом — не первая метафора спасения. Самая древняя, видимо — еда, потому что еда и питьё это потребность базовая, ещё животная (отсюда Иисус и «Тело Мое»). Следующая — путь, дорога. Человек стронулся с места и пошёл... Дом — метафора третьего уровня. Завтрак съеден, путь пройден, цель достигнута — дом, в котором тепло, уютно, светло, безопасно... Китаец при слове «дом» нарисует одно, канадец другое, масаи третье, но общее одно — дом не возникает сам по себе. Пещера — не дом, хотя в пещере можно создать очень уютный

дом. Но именно что создать. Пожалуй, «дом спасения» это дом именно в пещере — учитывая, что и в Библии, и у Платона мир сравнивается именно с тёмной пещерой.

Со времён Авраама спасение — это дом, но дом в представлении бедуина, каковым Авраам и был («бедуин» не национальность, а род занятий). Это дом с прилегающей к нему землёй, необходимой для существования. Дом может быть очень лёгким, даже переносным, главное пастбище.

Однако, в большинстве текстов Библии спасение — это дом в более привычном для нас смысле. Да, это пространство — земля, но это уже не пастбища, это крестьянская, оседлая земля, её первый признак — молоко и мёд. Для сравнения: в декларации Бальфура, которой 1918 году британский чиновник британскому же гражданину изъявил согласие выделить евреям в Палестине место для поселения (это была делёжка шкуры убитого медведя, Турецкой империи; впрочем, медведь был уже почти убит, британские войска завоевали Иерусалим через месяц) — в этой декларации не было «государство Израиль», было написано «национальный дом». Любопытно, что во французском (и из французского в русском) переводе это передали как «национальный очаг», ««foyer national». Дом там, где костёр.

Молоко с мёдом или камин с весело греющим огнём, — не повсеместные признаки дома. А вот как со свободой? Для британца — да, «мой дом — моя крепость». Тут еврей соглашается. Конечно, в современном мире такое редкость — большинство домов многоквартирные. С другой стороны, для метафоры спасения многоквартирный дом подходит лучше. Земля Обетованная — дом для двенадцати племён Израилевых, а в каждом племени тысячи семей. Но единица счастья — именно Дом Спасения, страна Израиля. Не случайно в Израиле так много названий, начинающихся с «бет» — «дом». Кстати, и буква «бет» похожа на план дома, это и в кириллической азбуке сохранилось: комната и крылечко.

Евреи всегда считали свободу принципиальным качеством своего национального дома. Конечно, даже в лучшие, легендарно великие годы Давида и Соломона это была свобода от внешнего угнетения, а внутри этого величия было очень мало свободы, как и в любом патриархальном, аграрном обществе.

Достаточно того, что большинство населения — женщины — были в фактическом домашнем рабстве у мужчин. Но Библию писали в основном мужчины, их больше интересовало убить Голиафа чем поговорить с женой.

Впрочем, и национальная независимость была скорее исключением в истории Израиля — куда более редким явлением, чем в истории итальянцев или русских. Израиль последовательно входил в состав нескольких империй, из которых Турецкая была самой приличной. Заметим, что главным признаком свободы считалось наличие своего, родного царя. Династию Ирода недолго любили за её нееврейское происхождение, но всё-таки Ирод старался быть евреем.

Казалось бы, какая разница, кто по паспорту хозяин дома, где ты арендуешь квартиру? В современном Нью-Йорке разницы никакой, а в древнем мире большая разница. Если ты не свой по крови, другого рода, могут и выгнать, и избить, и кровь пустить. Благополучие твоё висит на ниточке. Надо это крепко почувствовать, чтобы понять тягу к дому вполне «своему», чтобы все, живущие в этом доме были тебе родня. Любое государство — исполинская коммуналка, так сделаем коммуналку хотя бы из «своих»!

Два огромных комплекса библейских книг и описывают жизнь Израиля в родном доме: псалмы и пророки. Описание изнутри. Даже не описание, а репортаж с петлёй на шее. Дело в том, что и лучшее из государств это всего лишь государство. «Национальный дом» это коммуналка, где все соседи — из одной семьи. Каин, Авель... Что уж говорить о седьмой воде на киселе?

Псалмы переполнены отчаянием — и отчаяние это прежде всего против своих. Псалмы, написанные во время депортации в Вавилон, очень немногочисленны. Более того, самый яркий псалом отчаяния — это покаянная песнь Давида, которого вообще никто не обидел, который сам обидел. Это, если угодно, псалом Каина, гимн Иуды. Раскаявшихся, конечно.

В реальной жизни цари не сильно-то каялись, почему и появились Исая, Иеремии и прочие пророки. У них всего два идеи. Одна: чтобы сохранить свободу Израиля, надо быть свободными, а не ложиться под Египет, Сирию или Персию. Вторая: свободу надо не только сохранить, но и реализовать, а для этого не нужно насилловать бедняков, вдов, сирот и вообще

никого. А вы только этим и занимаетесь, сукины вы дети! — говорят пророки — и вот уж тут точно Бог говорит, не люди. Бог называет сукиных детей сукиными детьми, потому что Бог все люди — дети Божии, но некоторые дети Божии, заполучив деньги и власть, становятся сукиными детьми. Даже не знаешь, что хуже — что ещё больше Божьих детей становятся сукиными детьми, чтобы заполучить деньги и власть, а получают фигу с маслом и очередного диктатора на свою голову.

Псалмы и пророки рисуют не какой-то особый мир, напротив — абсолютно обычный, нормальный для дурдома человечества. Нормальный мир дома, где братья и сестры — а так же дяди, тётки, кузены, кузины и их более отдалённые седьмые воды на киселе — женятся, разводятся, обкрадывают друг друга, дарят друг другу подарки на день рождения, подсыпают мышьяка в борщ и цианиду в мацу, отстаивают национальную независимость, продают отечество за ломаный грош... Страдают, завидуют, радуются, молятся, слышат Бога...

Слышат Бога! Вот здесь Библия из библиотеки становится Откровением Божьим.

Конечно, доказать это невозможно. Для внешнего наблюдателя перед нами всего лишь комплекс литературных произведений небольшого ближневосточного народа. Образы, стилистика, мысли, чувства, — всё как у всех людей и, точнее, как у соседей. Оригинального очень мало.

Отсюда скандал XIX века, когда почтенные джентльмены, выросшие в убеждении, что Библия — явление уникальное и поэтому богооткровенное — получили под нос открытия археологии, доказавшие, что все — все! — основные темы и образы Библии заимствованы у более древних народов, у более культурных народов, у более многочисленных народов. У шумеров, египтян, вавилонян и т.д. А ведь бытие Божие и превосходство христианства над всеми религиями доказывали его уникальностью.

Пришёл страшный час расплаты: разочарованные люди стали покидать Церковь. Ну, правда, не такой уж и страшный. Во-первых, сами виноваты, что представляли свою веру в таком странном виде, да ещё детям. Во-вторых, помогли учёные. Наверное, точнее всего подыскал сравнение Клод Леви-Стросс: ноты одни, да мелодии не одинаковы. Из одинаковых букв складывается бесконечное множество текстов.

Между прочим, с этим далеко не все согласны. Цинизм, уныние, усталость от жизни заставляют иногда думать, что «все слова уже сказаны». Нет и не будет ничего нового под Солнцем. Жизнь есть бесконечно тасуемая колода одних и тех же карт. Всё суета сует...

Ой, так ведь это как раз в Библии сказано! Значит, уныние и обзывание жизни суемой — тоже суета? А как же! Откровение Божие не в том, чтобы назвать суету суемой, а в том, что царствовать над суемой, хотеть её спасения, преобразования, воскресения. Суета сует и есть труп вечной жизни.

Дом Израиля (оборот, который очень любил пророк Исайя) есть Дом, сердцем которого является Дом Божий — Храм Соломонов, Дом, дающий убежище избранникам Божиим (иудеям и всем, кто пожелает принять иудаизм). Это если этот дом живой. Но ведь он может быть и мёртвым — и тогда это гетто для своих и концлагерь для чужих.

Тексты псалмов и пророков передают и радость, благодарность Богу за существование Земли Обетованной, передают и злость, страх, отчаяние от того, что в Земле Обетованной столько же несправедливости и зла, сколько в рабстве египетском. Ну, чуть-чуть поменьше или, точнее сказать, иначе распределённые. Но какой-нибудь еврейке, ковыряющейся на кухне, нечувствительно, что там, за оградой — фараон или царь Соломон. Муж бьёт её одинаково, одинаково её не пускают в синагогу, одинаково её место кирхе, кухне, киндер.

Псалмы и пророки как памятник культуры древней ближневосточной страны, очень аграрной и патриархальной, вроде сегодняшнего Афганистана, интересны либо историкам, потому что историкам интересно вообще всё, либо тем, кто по каким-то причинам считает себя связанным с той, давно исчезнувшей страной. Вот если бы порнография, пусть и древняя! Но порнографии в Израиле не было, как и в древнем Вавилоне.

Только вера в Бога делает историю древнего Израиля интересной кому-то помимо патриотов и порнозависимцев. Понятно, кому — тем, кто продолжает верить в того же Бога. Псалмы и пророки не только изнутри дают почувствовать эту веру с яркостью, достоверностью и силой, отнюдь не частой ни в древности, ни теперь. Плохо это или хорошо, но эти тексты действительно уникальны в своём роде, как уникальны

тексты Платона или древнеегипетские заклинания. Культура отнюдь не равномерна и не одинакова. Да, образы, слова, иногда целые монологи — заимствованы, но целое — оригинально. Это даже не симфония, это — концерт, объединяющий музыкантов, которые за пределами концертного зала никогда бы не встретились. Случайное объединение? Или замысел организатора концерта гениален? Это предмет веры, но самую уникальность концерта отрицать невозможно. Можно отрицать, что Бог обращался к Израилю через пророков, можно отрицать и существование Бога, но нельзя отрицать, что тексты пророков и по форме, и по содержанию не повторение прописных истин, а нечто новое.

Многие, если не все народы древности в той или иной степени увязывали свою религию со своей культурой, тут евреи вполне типичны. Но то, какая это увязка — это уникально. В сущности, поставлено на карту само существование евреев и Израиля — ведь оно поставлено в зависимость не от силы государства, его армии, его политиков, его экономики, а в зависимость от воли Божией. А воля Божия... У кого и где получить справку, что ты её знаешь и ей следуешь?

Бог через пророков так же раскачивает верующих, как верующие через псалмы раскачивают Бога. Они дёргают Его, Он дёргает их. У нас свои просьбы, у Него свои. Договор с Богом оказывается договором о разговоре, скорее брачным договором, чем пактом политиков или сделкой бизнесменов. Сошлись, чтобы сходиться и дальше, с криками, топотом, слезами, кровью. Вроде бы всё обговорено, и всё навсегда, но — сама формулировка «навсегда» заставляет углубляться, открывать в другом и в себе какие-то новые пропасти и вершины. Дом Израиля — Дом Божий, и в этом доме отнюдь не тишина, а постоянные ссоры, гимны вперемешку с проклятиями и попрёками, объятия вперемешку с укорами, и в конце концов то ли угроза, то ли высшая награда — обещание Хозяина сделать этот дом открытым. А хозяйка, выходит, будет на весь мир готовить?

Эта шумная семейная жизнь с её конфликтами и примирениями продолжается по сей день и в иудаизме, и в христианстве. Сильная сторона веры в Бога Библии продолжается в слабостях. Люди истово веруют, что их жизнь не безразлична Богу, что Бог выстраивает для этой жизни дом, выстраивает

на протяжении поколений, — и именно поэтому люди превращают свой дом в добровольное гетто. Идёт ли речь об Израиле как стране или о Церкви как организации, — быть страной или организацией менее всего соответствует Божьему замыслу о спасении, «домостроительный комбинат» выдаёт совсем другую продукцию, а то, что люди монтируют себе концлагерь, используя то, что запроектировано быть вселенной, это уж человеческое, слишком человеческое. Бог строит спасение, а люди устраивают перестройку — чтобы спасение было по их разумению. А разумение это вполне пещерное — пусть пещера будет для меня, а для кого я не люблю, пусть она не будет. Ну и остаётся человек в конце концов один в пещере, и хорошо ещё, если кто-то вспомнит, что вон в той пещере жил Исак Абрамыч, а в той Иван Петрович. Могут палеонтологи раскопать и дать им совсем другие имена...

Из всех видов гетто самое страшное — добровольное. Увы, все человеческие союзы и объединения, как ни старайся — именно гетто, потому что всегда пытаются спасти одних за счёт дистанцирования от других. Любое государство, любая религия, любое направление в искусстве. Не исключение и Израиль. Избрание Богом используется для обособления от людей. Страну превращают в ковчег, хотя никакого потопа нет. Точно то же потом произойдёт — уже произошло — с Церковью.

Так что ж, Богу плюнуть и заняться Своими делами? Он с нами и так, и сяк... То землю даст, то эту землю из-под ног выдернет и в Вавилон сошлёт, то к сердцу прижмёт, то римлян пришлёт.

Так это потому, что Бог на нас реагирует. Вот мы на Бога не очень реагируем, отсюда и проблемы. Из двух участников договора с Авраамом один явно глуховат, подслеповат, да ещё и преувеличивает свою глухоту, чтобы не тратить время на попрошайки.

Свою книгу о жизни Израиля и всего человечества накануне Рождества отец Александр Мень назвал «На пороге Нового Завета». Да, это порог. Но это порог, который не вводит в дом, а выводит из дома, из гетто, из пещеры туда, где, собственно, и живёт Спасение и где нет ни евреев, ни римлян, ни рабов, ни свободных, но только рай и спасение для всех, потому что спасение не для всех это гибель.

17. КАК ПЕРЕДАТЬ, НЕ ПЕРЕДАВАЯ: ДОГМЫ, КАНОНЫ, СИМВОЛЫ ВЕРЫ, ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ

«Устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили» (Мк 7:13).

Слово от Бога и слово от человека... Иисус что, юродствует? Делает вид, что не понимает: это ложное противопоставление.

Вот русские крестьяне, когда им читали царский манифест об отмене крепостного права, бунтовали: подложный манифест! дворяне подлинное царское слово подменили, царь хотел с землёй освобождать, а они землю зажали. А ведь манифест был подлинный...

Сегодня, кроме капитальных атеистов, которые отрицают просто всяческую религию, есть полу-атеисты, которые как бы Бога не отрицают, но уверены, что настоящую религию, которая от Бога, подменили попы. Или апостол Павел. Или император Константин. В общем, была бы вера в подмену, в заговор против Бога, а виноватый найдётся.

Современному человеку кажется, что все злоупотребления и искажения легко предотвратить. Есть эталонный метр, должен быть эталонный текст. Если нужно, с цифровой подписью. Что сверх этого, то от лукаваго. Ишь, предания человеческие раснапридумывали!...

Тонкость в том, что как раз религиозное сознание склонно к архаизации. Оно не тормоз, оно притормаживает. Это не так уж глупо: представьте себе брокера, который покупает акции всех новых компаний, а старые акции продаёт. Надо дать время отстоять. Да и не дело верующих отсортировывать перспективные новинки от не очень. Психологически вера — та сфера, где немножко консерватизма очень недурно, как и коньяк лучше старый, и в архитектуре дома гнаться за ультра-модным почти гарантированно означает сесть в лужу.

Поэтому в религии так много архаических форм. Но это всего лишь формы, содержание с этим никак не связано. Другое дело, что иногда зашкаливает. Когда письменность только зарождалась, была делом фараонов и царей, на неё смотрели

благоговейно. Скрижали Моисеевы, как же! Да ещё каменные!! Напоминание о временах, когда цари писали на скалах, а быдло на глине. Скрижали — каменные, а всё остальное — устное. Более того, устное воспринималось и воспринимается часто верующими людьми как нечто более важное, чем письменное. Библия — прекрасно, но без устной традиции она — соблазн, непонятки, искушение. Между прочим, это не так глупо. В конце концов, самое современное обучение требует живого учителя с его живой устной речью.

Иисус всё это прекрасно знает. Он Сам и есть Учитель, да ещё ого-го какой — говорящий с властью не комментатора, а Автора. И как говорящий! Вот сейчас Он обличает тех, кто отказывает отцу и матери в помощи (не «почитает», вспоминается древнее славянское обозначение взятки как «почести») под предлогом служения Богу — но Он же, именно Он же говорит в другой раз, что ради Бога нужно бросить и отца, и мать, и много кого и чего ещё.

Плохой историк скажет, что это показывает компилятивный характер текста, что один человек не может выдавать такие противоположные утверждения. Нормальный историк знает, что, если текст не противоречив, он вряд ли написан человеком. Литературовед объяснит, почему противоречия в речи неизбежны, какой их смысл, как их следует анализировать.

Надежда предотвратить противоречия или хотя бы объяснить их исчерпывающим образом раз и навсегда, есть надежда вздорная и наивная. Идея, что можно создать эталонный текст — неважно, устный или письменный — и чётко разграничить этот эталонный текст от комментариев, есть идея вздорная и наглая. Тексты или речи, традиция письменная или устная, — всё это производное от живых участников коммуникации, общения. Положение не облегчается, а усложняется, когда один из участников коммуникации — Творец мира. Бог невыразим — и вдруг начинает выражаться, — вот где раздолье непоняткам и толковаткам.

Апологеты христианства обычно подчёркивали, что Иисус родился в редкий момент, когда на значительной части планеты царил мир. Римская империя умела цыкнуть. Благодаря этому апостолы имели возможность сравнительно легко объехать множество земель. Важнее, однако, другое. Римская империя

знала информационную революции, возможно, первую в истории. По дорогам шли легионы солдат, но победу обеспечивали не легионы, а информация. Не только разведывательная, не только военная, но и всякая. Поэзия, научно-популярная, диалоги, монологи, письма, эссеистика, просто романы, и довольно увлекательно читающиеся даже в наши дни. Огромное количество текстов — это особенно хорошо видно в сравнении со Средними веками, когда объём информации уменьшился буквально в сотни раз, причём резко, в одночасье.

Римская литература была многоязычной — на родной латыни и на греческом. Это, между прочим, показатель информационной зрелости, а не слабости. Только невежда полагает, будто чем однороднее культура, тем она культурнее — всё прямо наоборот. Римляне не латинизировали подданных, как русские руссифицировали, как арабы арабизировали. И это — показатель высокого уровня цивилизации. В «Деяниях апостолов» — книге очень римской — не случайно действие Святого Духа описано как дар говорить так, что тебя понимают носители самых разных языков. Не они переучиваются, а ты под них подстраиваешься.

Христианству в этом смысле очень повезло. Случайно или нет — вопрос нерешаемый. У Иисуса целых четыре биографии! Это беспрецедентно много для древнего мира. Для Его современников — великих учителей, почитаемых современным иудаизмом — таких биографий нет, только отрывочные поздние сведения. Христианство освоило греко-римскую культуру и благодаря этому его информационная база очень широка. Это само по себе не означает, что христианство «истиннее», но это объясняет, почему в христианстве впервые появились такие понятия как «догма», «ересь», «ортодоксия», почему есть Символ веры (на самом деле, не один, а множество), почему проводились Вселенские соборы и почему соборы и сейчас проводятся. Христиане всё это не выдумали — это все были механизмы насыщеннейшего коммуникационного пространства, в котором они жили, они, естественно, переносили эти механизмы и в свою религию.

Коммуникативная культура старается ранжировать информацию. Отсюда стремление установить «канон» (в греческом это слово означает «отвес», «эталон»): определить, какие

тексты более достоверны, какие менее, какие совсем лживы. Так появляется «каноническая Библия» — и именно она, а не устная традиция, является в христианстве главной. К устной традиции в Церкви вообще довольно скептическое отношение, и это довольно разумно — особенно в сравнении с верой многих людей в то, что «истинное знание» тайно передаётся из уст в уста некими законспирированными хранителями. Секретность и истинность несовместимы друг с другом — это аксиома информатики. Отсюда и своеобразное богослужение, которое ценит не спонтанность, не импровизацию, а верность эталонному тексту. Архаики в Церкви и так много, но в одежде, в языке, но по возможности не в информационной части. Собственно, иудаизм и ислам развивались точно так же, только позже, в Средние века, поэтому так не так чётко выражен процесс.

Цивилизованное отношение к любым текстам, догмам, канонам есть не отношение наивности, идолопоклонства перед ними, а отношение трезвое. Существование таких текстов — помощь в коммуникации. Если эти тексты отрываются от коммуникации и её подменяют, — это коммуникативная безграмотность или, говоря языком Библии, идолопоклонство.

Если вернуться к примеру с идеей, что почитание Бога настолько важнее почитание родителей, что можно последних и на сухой паёк посадить, — так ведь и тут грех не только в неуважении к родителям, а в замкнутости на себе. Ты сам решаешь, или ты ищешь кого-то, кто решит. А нужно решать вместе, сообща. Совершенно не исключено, что ответы будут разные в зависимости от ситуации. В конце концов, бывают родители миллиардеры, которые совершенно не нуждаются в помощи деньгами. А вот в другого рода помощи, может, нуждаются — надо их спросить. Может, и спрашивать не нужно, а нужно бежать — но спроси тогда Бога, спроси единоверцев. Фиксация, канонизация текстов — это не замена общения, а помощь в нём. Именно этому учаг учителя в первую очередь. Учебник — не догма, а помощь в учёбе. Так и христианские догмы — не догмы, а помощь в вере и общении с Богом и единоверцами.

Если говорить о той части христианской догматики, которую одну только и знают верующие хоть сколько-нибудь — о Символе

веры — то он ведь и не пытается описать всю веру или всё в вере. Он описывает то, что было предметом споров, и излагает достигнутое решение споров. Понятно, что споры велись о малой части того, о чём можно ещё поспорить. Малой, но важной чем-то для верующих. Символ веры поют в церкви, символ веры читают во время молитвы как молитву, хотя он никоим образом не молитва. В этом есть ровно столько же смысла, сколько в возгласе «Доброе утро». Доброе ли оно? Спорный вопрос, пока мы не задумаемся, что оно могло бы быть без нашего участия. Вот так и с догматами — они защищают наше участие в жизни Церкви. Не более, но и не менее.

18. От общего к всеобщему: Царство Божие, Евангелие, Новый Завет

«И говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк 1:15).

Налицо странность, о которой часто забывают даже верующие в Христа. Иисус проповедует Царство Божие или Царство Небесное, но не Царство Иисусово, не Царство Христово. «Евангелие» — это благая весть, торжественная весть не о Христе, не о Спасителе, а о чём-то другом. «Спаситель» — тот, кто вытаскивает из гибели и помещает куда-то, где всё нормально. В рай. Вытащить тонущего из воды и — на берег. Искусственное дыхание, спасённый встаёт и идёт по своим делам, ура. Спаситель идёт по своим делам или, если это штатный спасатель, садится и ждёт, когда придётся спасти следующего заплывшего за буйки.

Иисус не вытаскивает, конечно, никого. Он бросился к утопающим и с утопающими остался. Иисус — анти-Ной, Церковь — корабль спасения, но это затонувший корабль. Подводная лодка. «Царство Божие приблизилось» означает, что райская жизнь каким-то непонятным образом втиснулась в обычное земное существование. Не отдельная «обетованная земля», не «избранники», отделённые и обособленные от всех других людей, а новое измерение жизнь. Двойное гражданство. Шпионы неба. Пятая колонна (считая первыми четырьмя колоннами четырёх евангелистов).

Понятно, что при этом меняется само понятие о вере. Одно дело верить, что где-то впереди Обетованная земля, а ты — часть избранного народа, другое дело верить, что обетованная

земля уже тут, хотя её никто не видит, что ты не часть, а целое, существующее безо всякого народа, зато с Богом.

Насколько различаются это Царство Приблизившееся и Обетованная Земля? Заповеди Божии одни? Да, конечно. Тогда в чём проблема, собственно? Да ни в чём, кроме того, что «Царство Божие» — это всё-таки псевдоним Бога. Бог приблизился, Ему приготовь дорогу в своей жизни. Я думал, Земля Обетованная это мой дом, в которой есть уголок — Иерусалим, а в нём местечко для Бога — Храм Соломонов. Но оказывается, «Земля Обетованная» это как забавные растворимые полотенца — бросишь шарик в воду, он превращается в кусок материи. А шарик-то исчезает! Зерно умирает — и в этом спасение для колоса! «Приблизилось Царство Небесное» — не очень хорошая новость для земного царства. Оно сейчас растворится... Оказывается, это была колыбель...

В принципе, это издевательство — или поэзия. Ну какое ж это «царство»? Это воздушный замок. Ну какой Иисус царь, если Он никому голову не может приказать отрубить? Да что там «не может» — не хочет! И мне запрещает рубить головы или хотя бы хотеть рубки.

Земля Обетованная, Царство Израиля — это понятно. Царь где-то там в Иерусалиме, меня обороняет и для меня расширяет границы и всякие торговые связи с разными савскими царицами, а я спокойно живу себе на хуторе, никто ко мне не лезет, шлепаю с любовью детей, жена мне обед готовит... А Царство Небесное — непонятно. Хутор исчезает, никто меня не защищает, более того — я должен, видите ли, нести свой крест. Даже шлёпать детей не имею права, говорит мне вдруг сердце — ну, не сразу, но лет эдак через пару тысяч после слов «Царство Божие приблизилось». Жена вообще поступает в университет, я должен сам готовить себе ужин... Что происходит?!

Происходит спасение. Настоящее спасение — не подготовка к спасению, подготовка через упаковку, замыкание, завёртывание, помещение в парник. Спасение через размыкание, деколлективизацию, фонтанирование семенами во все стороны. Любовь к ближнему из простого и понятного — и высокомерного — делания добра слабейшему оказывается хождением в мире, где не должно быть слабейших вообще. Царство Божие похоже на Землю Обетованную как Нью-Йорк похож на

пещеру первобытного человека. Головокружительно! Люди те же, этика та же, но как же всё сложнее, иначе и — интереснее. Продуктивнее. Справедливее. Веселее. Человечнее. Непредсказуемее.

Меняется предмет веры — точнее, предмет оживает. Меняется содержание слова «договор», «завет». Новый Завет из договора владельца земли с батраком превращается, скорее, в договор издателя с писателем.

В наши дни выражение «новый завет» иным кажется антисемитским, воплощающим отречение христиан от веры «ветхого завета». Антисемитизмом грешат и христиане, но выражение «новый завет» к этому отношения не имеет.

Парадоксальным образом, выражение «новый завет» даже старше Ветхого Завета, старше самой Торы. «Ветхий Завет» — обозначение целого комплекса книг, написанных в течение первого тысячелетия до рождения Христа. Из этих книг самые древние — это сочинения пророков, а выражение «новый завет» употребил именно пророк, Иеремия. Конечно, Иеремия прекрасно знал об Аврааме, Исааке и Иакове, но знал он устную традицию, записанную спустя десятилетия. Это нормально — Илиада тоже бытовала веками, заученная наизусть, и ко всем великим книгам древности это относится.

«Завет», конечно, это всего лишь «договор». В русском языке «договор» не так возвышенно и величественно как «завет», но в языке Библии такого различия нет. Более того, «договор» для еврея было понятием очень возвышенным. Всё-таки «избранный народ» был, как он отлично знал, избран не за высокие достижения в культуре. Скорее, евреи были выбраны Богом как в сказках цари назначают стропливой дочери в женихи первого встречного — а первые встречные обычно нищие, попрошайки. Архаика, бедность... Письменность была несравненно более распространена в Египте и Вавилоне — могучих соседях Израиля, великих цивилизациях. От них остались сотни договоров — на папирусных листах или глиняных табличках. Без письменного брачного договора у вавилонян союз мужчины и женщины вообще не признавался браком, у евреев же такие договоры были редкостью, уделом богачей.

Письменный договор — это из обихода элиты, что-то из международных отношений, простые люди ударят по рукам

и нарежут барашка в знак нерушимого согласия. А договор с Богом был именно написан, причём на камнях — это по нынешним временам как подписать договор между Россией и Америкой перьевой ручкой за 100 тысяч долларов, сплошь в золоте и алмазах.

Договор Бога с Израилем тем более походил на международный, что это был договор неравных сторон. Ближайший аналог из русской истории — приглашение немцев в Россию императрицей Екатериной. Императрица давала нечто абсолютно ценное — землю и свободу (немцы-то были из меннонитов, которых на родине давили и гнобили за пацифизм). От немцев требовалось, собственно, ровно то же, что от евреев — жить по заповедям. Не убивать, не воровать, не прелюбодействовать...

Договор Бога с Израилем, как и подобает международным соглашениям, был составлен в двух экземплярах — «две таблицы» это не две страницы в одном документе, это один документ в двух экземплярах. Хранились они, правда, в одной коробке — и знаменитый «ковчег завета» это всего лишь упаковка для договора. Зато хранились в Храме — точнее, где они хранились, там и была Святая Святых.

Доски договора — «скрижали завета» — погибли во время разрушения Иерусалима за шесть веков до Христа. Для Иеремии, однако, эти доски были осязаемой вещью, и довольно увесистой. Именно этой каменной увесистости он и противопоставил «новый договор», который высечен в сердце. «На сердцах их напишу», — говорит Бог.

Тут уже, конечно, совсем другие ассоциации. Может, в анатомии не очень раньше разбирались, но что «написать на сердце» — значит, кровь пойдёт, это всегда разбирались. Тут уже не барашка резать, тут себя резать. Вот оно где — «кровь нового завета». И это, между прочим, не только кровь Христа, это кровь христианина. Хочешь любить — изволь истечь кровью. Та ещё Ромео с Джульеттой.

«Новый договор» оказывается не договором двух государств — Царства Небесного с царством Израиля, а между Богом и человеком. Не раз в год повспоминать — было дело, заключили договор, а каждый день ходить, схватившись за сердце. Что такое «кровь Христова», какая связь с вином, — это

совершенно второстепенная проблема в сравнении с моей собственной кровью, которой, оказывается, написано «не убий», «не кради», «не завидуй».

Тему договора хозяина с подёнщиками Иисус любит. Тут и о работниках, которых нанимают за час до конца рабочего дня, тут и притча о талантах, и сразу несколько притч про работников, нанятых для сбора урожая. Да, вся история человечества с точки зрения вечности — как один день. Однако, есть тут и обратная сторона, поприятнее: один день может быть как вечность.

Пророки имели наглость сравнить отношения Бога и Израиля с отношениями отнюдь не двух государств, а мужа и жены. Жена изображалась похотливой бабой, которая алчно жаждет сексуального гиганта — египтянина или вавилонянина, сидит, раздвинув ноги... В общем, текст в оригинале абсолютно непристойен.

Однако, если муж так ругает жену, то уж верно потому, что хочет её? Любит Бог, любит, а когда любишь — один день начинает светиться светом вечного бытия.

Вот потому в «ветхий» Завет добавили «Песнь Песней», где, между прочим, ни слова о браке, только о любви.

Нового в евангельском договоре как раз то, что он больше похож на брачный договор. В эпоху Иисуса, естественно, такие договора были куда более распространены, чем во времена Моисея. Составлялись они, между прочим, в интересах женщины, и прежде всего — чтобы предотвратить развод. Теоретически мужчина мог развестись с лёгкостью, достойной лучшего применения, безо всяких объяснений — кстати, как и завести вторую жену. Практически брачный договор оставлял единственную возможность развода — если доказана измена жены. Во всех остальных случаях муж должен был платить бывшей жене столько...

Впрочем, Иисус даже не рассматривает возможность развода Бога с Израилем. Дело в том, что развод возможен только после того, как муж и жена соединяются, а вот брачный договор вступает в силу до этого. Прямая противоположность тому, как это делается сегодня. Ситуация не совсем понятная современному человеку. Нам нужно подробно разьяснять о договоре то, что две тысячи лет разьяснялось именно выражением «договор».

Брачный договор в древности был не частью помолвки, он был браком. Именно поэтому были возможны браки с детьми. Никто не собирался укладывать в постель годовалую девочку, но, если отец девочки заключал договор о её браке, то брак считался заключённым. Именно в этом драма Марии с Иосифом: Мария не просто невеста Иосифа, она его жена. Они не спали вместе, но договор был заключён, и теперь Иосиф имеет право на развод. Это не расторжение помолвки!

Вот почему такое значение приобретало целомудрие невесты — это было целомудрие не до брака, а в браке. Девушка жила с родителями, в определённый момент переезжала в дом жениха, но и до переезда она числилась женой.

Так что именно о Новом Брачном Контракте говорил Иоанн Предтеча, когда сравнивал себя с другом Жениха. Именно о Новом Договоре говорит притча о царе, который женит сына и созывает гостей. Именно о Новом Завете притча о глухих подружках невесты. Бог даёт человечеству в мужья Своего Сына.

Этот образ не только объясняет, чем реальный мессия отличается от мессии, которого хотели видеть. Хотели видеть всего лишь того, кто выполнит Божьи обязательства по Синайскому Договору — обязательства насчёт земли. Вот почему Иисус — шок. Вы рассчитывали получить квартиру, а Вам предлагают выйти замуж. Господи, спасибо, конечно, но мы же не просили, так?

Просили, не просили, но у Бога такая точка зрения, что первый Договор включает в себя второй, «ветхий» включает «новый». Он должен был предупредить? Ну, во-первых, Бог никому ничего не должен — этим Он похож на Свой образ и подобие. Во-вторых, Он, кажется, полагает, что люди должны были понимать, о чём речь. Ах, мы воображали себя мужчинами, у которых одна проблема — чтобы жёны исправно рожали? Так это наша проблема. В отношениях с Богом и мужчиной — всего лишь невеста.

«Невеста» — более точный термин, если переносить древнее выражение в современность. Всё-таки сегодня статус «жена» отсчитывают с момента первой брачной ночи, а не с подписания какой-то бумаги, о скольких бы миллионах в ней не говорилось. Важнее другое, есть в отношениях с Богом, даже, точнее, в отношениях с Христом, некая дополнительная

точка, дополнительный этап. Как в отношениях Исаака с Ревеккой, когда Ревекка считалась женой Исаака с момента заключения брачного контракта, но первая брачная ночь наступила лишь через семь лет.

Понимать его можно по-разному. Можно беспокоиться о Втором Пришествии как о конце света. Можно радоваться этому пришествию как началу настоящего света. Можно радоваться тому, что до Страшного суда будет тысяча лет прямого правления Иисуса на Земле. Но это всё мужские, мачистские, даже прямо-таки солдатские мечтания. Иисус явно имеет в виду другое, какую-то встречу с Ним, подобную встрече жены, никогда не видевшей своего мужа, с этим самым мужем. В наше время не то что подобную жену — подобную невесту не найти, во всяком случае, в той части мира, которая не так давно нагло позволяла себе именоваться христианской. Вот пока именовалась — бывали заочные браки, которые теперь ничего, кроме омерзения, вызвать не могут. Так что теперь христианства, возможно, не больше, чем в Средние века, но уж псевдо-христианства точно меньше.

Новый Договор — это всё тот же договор Отца Небесного, что был высечен на камне три тысячи лет назад. Десять заповедей просто напроосто записали не на камнях, а на сердце Иисуса — и хранить этот договор в здании уже никак нельзя, только в собственном сердце. Это уже договор не о земле, а о человеке на земле. О каждом человеке. Да, этот договор по-прежнему можно сравнить с деловым предприятием, разве что это уже не закрытое акционерное общество, а открытое.

«Закрытое» — когда все акции у избранного числа акционеров, посторонние не допускаются, отвечают совладельцы. «Открытое» — когда акции выставляются на продажу кому угодно, и теперь уже их стоимость зависит лишь от успешного ведения дела. Возможности у такого бизнеса больше, но и риски выше — причём, риски не только тех, кто ведёт бизнес, но и тех, кто участвует в бизнесе через акции. Новый Завет — общество, в котором акции есть даже у тех, кто о Боге давно забыл, где рискует один Бог — и в чём этот риск, напоминает Крест, а прибыль... Как сказал один христианин, Церковь — единственный кооператив, созданный для блага тех, кто в нём состоит.

Можно сравнить это и с двумя разными типами семьи — и не случайно эти разные типы встречаются в очень разных обществах, в индустриальном и в архаичном, патриархальном.

Патриархальная семья — как закрытый бизнес. Всё делает муж, а жена — кулинарно-стирально-посудомоечный комбайн. Таково домостроечное понимание отношений с Богом. Люди с готовностью берут на себя роль жены — исполнительницы, жены, которая и на костре еретиков сожжет, как сжигает мусор, и крестовый поход закатит, как закатывает огурцы в банки, а Богу — почётная роль Мужика, который приносит получку и ни во что более не вмешивается.

Современная семья — о, тут нету «ролей», нету и их «распределения». Тут не механика, тут нечто настолько сложное, что никто понять не может, но жить, любить и творить — вполне получается. Хотя, конечно, может и наперекосяк всё пойти.

Может всё пойти наперекосяк и в Церкви — в семье человека и Бога. Только вот чудо — перекашивается-перекашивается, но не всё. Красной нитью продолжается Новый Договор. Вновь и вновь происходит чудо встречи, скрытой ото всех, но очевидной для того, к кому пришёл Тот, Кого уже давно любишь, но ещё не открывал Ему своё сердце. Ничего вроде бы не меняется — заповеди прежние, слова прежние. В то же время меняется всё. Иногда быстро, иногда медленно. Иногда в детстве, иногда за минуту до смерти, а иногда по десять раз в день. Что ж, бизнес или брак, но где договор дороже денег, там и интерес не денежный, а настоящий.

По договору с Авраам человек даёт Богу веру, Бог даёт человеку потомство настолько многочисленное, что окружающие народы никогда не смогут это потомство истребить, следовательно, Аврааму гарантируется бессмертие в потомках.

Довольно атеистические потребности были у Авраама, что греха таить. Современные неверующие люди готовы ограничиться именно этим — памятью потомков. Они более совершенные, потому что готовы усыновить всех, кто будет жить на земле после них, готовы считать себя живыми, пока в подлунном мире жив будет хоть один пиит, мореплаватель или плотник, помнящий о них.

Договор Иисуса — и с одним человеком конкретно и со всем человечеством вместе.

Бог даёт человеку веру, от человека требуется разве что не расплескать. Бог даёт человеку вечную жизнь не в чьей-то там памяти, а в Своём собственном бытии.

Человек даёт Богу... Всё, что человек пытается дать Богу, Бог вежливо и твёрдо переадресует вниз, другим людям.

От человека по Новому Договору требуется одно: считать залогом своего бессмертия не потомство и даже не Бога, а человечество в целом. Ради потомства или ради Бога можно убить. Ради человечества — нельзя.

Поэтому евангелисты упоминают Варавву. Не народ сделал выбор, Бог сделал выбор — пусть лучше Я умру, но не умрёт человек, вполне достойный смерти (а кто недостойн?!). Иисус бы с удовольствием был распят в одиночку, но у человеческого милосердия есть свои чётко очерченные границы. Ну любим мы симметрию — этого убить, и сбоку ещё двух развесить и убить, оно красивее, величественнее.

Соответственно содержанию Договора, меняется и обстановка. Никакие египтяне не гибнут. Никаких казней творящим зло. Никто никуда не уходит и никакую землю не получает. Кончилась Обетованная Земля, началось Небо Обетованное.

Меняется и центральный символ. Резание баранов отменяется. Ни один кролик не должен пострадать. Хлеба и вина достаточно, потому что происходит совпадение цели и средства. Иисус это и средство воскресения, примирения с Богом. Иисус и цель — Бог.

Разница двух договоров (как и их единство) лучше всего видна из того, что древнее спасение началось с прохождения через воды Красного моря, а нынешнее — с омовения ног ученикам. Там чудо было в том, что вокруг вода, а людям сухо. Тут вокруг сухо, а ноги мокрые. Там мы опускались на колени перед Богом, тут Бог перед нами. И довольно категорично указал поступать так же с другими людьми. Не себе искать, где бы пройти к своему счастью и не замочиться, а другим помогать выловить Рыбку.

19. ХРИСТОС

«И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мк 1:11).

Современники Иисуса знакомились с Иисусом как с обычным человеком, а уже потом открывали — или не открывали — в Нём царя. Цари в эту эпоху воспринимались прежде всего как спасители («Сотер», «Спаситель» — это официальный титул нескольких египетских фараонов, живших незадолго до Рождества Христова). От чего спасали цари? От аристократии. Во всяком случае, Иисус был современником именно таких римских царей, которые воспринимались как спасители от анархии аристократического правления.

Иисус не аристократ, однако и не простолюдин. Он защищает и от аристократов, и от холопов, и от рабов, и от рабовладельцев. Точно — Царь, то есть, Христос, («Христос» — «помазанник», и обычай «помазывать» царя на царство унаследован от очень древних евреев). Сила царя в том, что царь не дворянин. Дворянин заботится о процветании дворянства, царь же не заботится о процветании царей. Царь потому и царь, что он — один. Царь заботится обо всех. Очень точно это выразил французский дворянин, пэр Анри де Токвиль в своей книге об американской демократии. Де Токвиль воспел американскую демократию, оставаясь аристократом, воспел тех, кто заботится о процветании всех, а не избранного аристократического меньшинства: «Естественно полагать, что отраднее создателю и хранителю людей видеть не процветание отдельных граждан, но возросшее благосостояние всех; то есть то, что мне кажется упадком, в его глазах представляется прогрессом».

Насколько это благороднее и аристократичнее причитаний младшего современника де Токвиля Константина Леонтьева и множества менее талантливых господ о гибели цивилизации под напором равенства. Иисус — Царь, и поэтому Христос — демократ. Он — Бог, Который хочет спасения всех, а не какого-либо социального или национального меньшинства. Конечно, некоторым меньшинствам это кажется упадком, но, как говорит русская поговорка, «когда кажется — перекрестись».

Сегодня человек обречён знакомиться с Иисусом сперва как со Спасителем (сумасшедшим или самозванцем, но претендующим быть Богом), а потом уже открывать в Иисусе человека. Что естественнее: подойти к горе и начать подыматься на неё или вдруг оказаться на вершине горы и... И что, собственно? Человек «уверовал во Христа» и стоит на вершине. Спускаться — глупо. Подыматься — выше некуда.

Спасённый человек точно так же слаб и опошляет Христа, как грешник опошляет других людей и самого себя. Когда Бог открывается во Христе, человек сперва поражён, а через пять минут уже привыкает и начинает ворочать Христом, словно это половой коврик — в одну сторону, в другую переложит, ноги вытрет, веником почистит... В общем, надо «освежить». Не «освежить», а открыть заново — каждый день открывать заново Христа. Бог не ленится каждый день заново открыть человека, невежливо не ответить Христу тем же. Может быть, «хула на Духа Святого» не столько отрицание возможности Боговоплощения, сколько привыкание к Боговоплощению.

Слишком привычен Христос, слишком много слов христиане знают о Нём, и это надо преодолевать. Само слово «Христос» стало восприниматься как имя собственное, как фамилия, ничего не говорящая. Поэтому в название оперы добавили «Христос Супер Стар», хотя вообще-то «Христос» означает именно Того, кто «сверх», кто «супер». Поэтому в русском языке «Иисус Христос» звучит неприлично, словно о школьнике говорим Иване Иванове, и благочестивые люди не ленятся говорить писать «Господь Иисус Христос». Всё бесполезно: Иисус слишком открыт, слишком близок, и как Его ни возноси, Он спустится, догонит и пойдёт дружески рядом. Невидимо, как правило, но ведь и с настоящим другом, с действительно любимым человеком долго можно идти, не оглядываясь на него именно потому, что он — не оставит, что он — глядит на тебя.

Христос ничуть не более видим, чем Бог — Он ведь и есть Бог. Христос не «видим», как видно всё тварное. Он видим иначе. Между настоящим Христом и нашим представлением о Нём такая же дистанция, как между гением и представлением лакея о гении. Мы знаем Христа по Его отношениям с нами — а надо знать Его по Его отношениям с Отцом.

Величайшая опасность для человека — решить, что он «открыл Христа». Опасность в том, что Христос есть человек, и можно подумать, что, принимая Христа как Бога, мы принимаем Бога как Христа. Но Христос не облегчает путь к Богу — путь к Самому Себе. Он, правда, спасает от греха, Он побеждает смерть. Но это совсем другое, и это такая мелочь в сравнении с тем, что предстоит после спасения от греха, после воскресения. Евангелие не в том, что человек воскресает. Иначе Евангелие было бы сказка, заканчивающаяся пьяной свадьбой. Евангелие о том, что после воскресения — Царство Христово. Христос скромно называл Своё Царство — «Небесным», «Божиим», но оно именно Христово, и это Царство такое большое, что начинается ещё до воскресения, уже здесь.

20. РОЖДЕНИЕ И ТВОРЕНИЕ. НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ И БЕССЕМЕННОЕ ЗАЧАТИЕ. МАТЕРЬ БОЖИЯ. БОГОВОПЛОЩЕНИЕ

**«Кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат,
и сестра, и мать» (Мк 3:35).**

Сказать, что Иисус есть Христос, не самое трудное. Ведь «Христос», «Машиах», «Помазанник» — «Принц», «Избавитель», «Королевич» — это всё должности, призвания, прилагательные. С трудом верится, что Иисус есть Христос (точнее, «с трудом» — не верится, верится без труда, благодаря) — но если уж верится, что Иисус есть Христос, то встает закономерный вопрос, кто же такой Иисус. Не по делам, а по сути. Кто Он? Допустим, Ему не надо никого спасать, — кто Он тогда?

Одно из самых удивительных открытий человека — разница между рождением и творчеством. Это разница между воспроизводством и производством. Повторением и новизной.

В одном фантастическом рассказе автор изобразил Землю, на которой умерла промышленность, потому что нехорошие инопланетяне на каждом перекрёстке поставили машинку. Поставишь в машинку кастрюльку — машинка сделает копию кастрюльки. Бесплатно.

Правда, копия всегда была самую малость хуже оригинала. Но самую малость!

В итоге через два столетия люди еле выживали, потому что все предметы вокруг них были уже копиями в десятом или сотом поколении, и ощутимо плоше, чем оригиналы. А оригиналы обветшали, как и всё материальное. Нового же не делали — зачем, если всегда можно сделать копию и этим удовлетвориться?

Такой была бы жизнь в мире без творчества, где бы всё только воспроизводилось. Рождалось, продолжая родителей. Авраам роди Исаака. Зевс роди Афину и ещё несколько тысяч божеств и полубожеств. И вообще божество рождает мир. В процесс накапливаются ухудшения, что и объясняет, почему божество это божество, а мир это мир.

Именно здесь при всём сходстве терминов, сюжетов, обрядов пропасть между верой Израиля и окружавших его народов. Бог не рождает мир, Бог — творит мир. У Бога не может быть ни жены, ни детей.

Это абсолютно принципиально для психологии, которая считает, что происхождение определяет всё последующее. На яблоне не растут груши. На Боге не растёт ни-че-го. Все эти языческие разговоры про осирисов и дионисов, не говоря уж о божественных юлиях, — брррр, какая гадость! Это же Бог! Единственное, что о Нём точно известно, — что Он иной. А отец — ну что в сыне такого, чего бы не было в отце? Сын так, копия. Чуть-чуть ухудшенная, как правила, а чаще сильно ухудшенная, почему Екклесиаст так и вздыхал о том, что всё суета сует, и наследник растратит то, что копил отец... Бога растратить нельзя! Богу наследники не нужны! Поэтому Бог не женщина, поэтому у Бога нет жены. Скорее уж, Бог холостой гончар, а люди — результат Его творчества. Горшки гончару не дети.

Противопоставление рождения и творения — причина, по которой догматы об Иисусе почти исключительно описывают Его рождение. Собственно, то, что Иисус — Сын Божий в самом строгом, не переносном смысле слова, и есть первый догмат. Все дети Божии в переносном смысле, а Этот — в буквальном. Он идентичен Отцу Небесному как земные сыновья идентичны земным отцам. Исаак идентичен Авраама, Исаак — это бессмертный Авраам.

Да, о Сарре при этом никто не думает, такая уж эпоха. Зато о Марии думали много, хотя эпоха была прежняя, вполне патриархальная, но в центре истории оказался не спасённый от гибели Исаак, а не спасённый от гибели Иисус.

Из четырёх Евангелий только два говорят о рождении Иисуса, делая это именно для того, чтобы описать Иисуса как Бога — Сына Божия в очень жёстком смысле слова. Не как второго бога, а как того же Единого Бога. Это абсолютно невыполнимая работа, которую надо было выполнить. Её и выполнили вот так — через описание Рождества. Означает ли это, что описание — выдумка? Да нет, это лишь означает, что описание — Откровение Божие и смелость человеческая. Кто-то побоялся говорить о Благовещении, ведь это верное обвинение в многобожии, язычестве, а кто-то не побоялся.

Любопытно, что Матфей, описывая отношение Иисуса к родным, передаёт слова Иисуса, упоминающие Отца: кто исполняет волю Отца Моего Небесного, тот мне мать, сестра и брат. Марк, который всячески, сознательно представляет Иисуса как Мистера Икс, чья личность неизвестна, чтобы держать читателя в напряжении, заменяет «Отца Моего Небесного» на «Бога». Пусть читатель понервничает, хотя бы понарошку — ведь читатель уже знает, что Иисус Богу — Сын, иначе бы и не стал читать, Марк пишет для верующих.

Через несколько веков желание подчеркнуть, что Иисус — не только человек, но и Бог, тоже выразилось в рассуждениях об обстоятельствах Его рождения. Так возникли два близких выражения «бессеменное зачатие» и «непорочное зачатие». Сегодня это всё кажется ужасной архаикой, и это и есть архаика, но «устарело» не означает «неверно». Просто это описание способами того времени.

«Непорочное зачатие» — это о зачатии Марии, и «непорочное» вовсе не означает, что Мария была зачата от Духа Святого. Нет, обычное было зачатие. Но по представлениям того времени, «обычное зачатие» — это зачатие, при котором передаётся грех Адама и Евы. Мария зачата так, что она от греха свободна. Что же, значит, Ей было легче жить? Значит, Ангелу она так мудро отвечала, потому что была лучше, непорочнее других людей?

А кто сказал, что без греха жизнь легче? Адам и Ева согрешили в безгрешном состоянии! Так что всё прямо наоборот — Марии тяжелее. Ей даже тяжелее, чем если бы она была в раю, потому что она ведь знает, что такое грех, она окружена им как воздухом, и грех тянет, манит... Она — не поддаётся. Она проходит обратно тот путь, который протоптала Ева.

«Бессеменное зачатие» — это уже не о том, как зачинали Марию, а о том, как зачинала Мария. Но это абсолютно не о зачатии, конечно, это — опять об Иисусе. Что Он родился человеком, это была данность и очевидность и для тех, кто не веровал в Него, и для неверующих. Историчность Иисуса подвергли сомнению только в XIX веке добропорядочные немецкие профессора, для которых было немыслимо представить себе роды без свидетельства о рождении. Нет бумажки — нет человека. Но с тех пор профессора остепенились и поумнели,

тем более, что как минимум одна находка подтвердила, что об Иисусе писал совершенно не веровавший в Него Тацит, писал именно как о человеке.

Человек по матери, Бог по Отцу, — об этом «бессеменное зачатие»? Да нет, конечно. Не мутант. Не кентавр. Не Геркулес и не император. Человек и человек. Бог и Бог. Одновременно. Как это может быть? Никак. Этого не может быть. «Этого» быть не может, а «Этот» — есть. Вот Он, перед верующим. Перед неверующим — нет, но ещё не вечер.

Догматы о том, как соотносятся человек и Бог в Иисусе, очень напоминают разговоры о том, на кого больше похож ребёнок — на папу или на маму. Губы точно бабушкины, а носик двоюродного дяди. Эти вполне невинные, не унижающие ребёнка разговоры, но всё же хорошо, что они обычно ведутся, пока ребёнок ещё не понимает речи. Это довольно унижительно — что тебя считают всего лишь комбинацией кого-то другого, пусть даже нежно любимых родителей. Такой анализ свидетельствует о том, что сами аналитики ещё не очень-то взрослые люди.

Со временем попытки описать Христа усложнялись. В дело пошла античная философия — слова «Троица», «природа», «ипостась» именно оттуда, они заимствованы христианами, а не выдуманы. Но за всеми этими спорами осталась наивная убеждённость, что человек и Бог могут быть определены и расписаны по графам. Вот это Иисус делал как человек, а это как Бог. Сказать, что эти догматы неверны, невозможно. Если уж какой-то язык выбран для ответа на вопрос, то ответы могут быть верные, а могут быть неверные. Главное помнить, что вопрос — не единственный возможный и, очень может быть, не самый главный и важный. Это вопрос о Христе, а не сам Христос.

Конечно, философские ответы на вопрос о Христе большинству верующих не слишком интересны. Люди, для которых Иисус не просто человек, не просто один из миллиардов сыновей Божьих, а Сын Божий и Бог, веруют в это не потому, что поверили догматам. В Средние века из-за разных толкований догматов происходили войны, в наши дни выясняется, что воювали вообще не из-за догматов, а за национальную независимость: армяны от византийцев, византийцы от итальянцев,

испанцев от неиспанцев. Формулировки разные, а вера одна. Это не означает, что все формулировки ничего не означают, бывают и неверные формулировки. Но бывает, что догматы верные, а веры вообще нет или она какая-то такая кривая, что почти и антихристова.

Может быть, самым человеческим способом описывать Иисуса остаётся описание Его окружения. Его братья и сёстры, упоминаемые в Евангелии, это родные или двоюродные? Может ли у абсолюта быть родной брат? Евангелисты этим вопросом не задавались, но у католиков и православных стало общим местом, что Мария родила только Иисуса, с Иосифом у неё отношения и после рождения Иисуса остались как у сестры с братом, а «братья и сёстры» — это дети Иосифа от предыдущего брака. Что вполне возможно. Важнее другое: когда человек начинает видеть в Иисусе не только ребёнка? Ведь все эти догматы и обсуждения порождены незрелым представлением о человеке — а незрелость и порождает незрелость. Господь Иисус предстаёт кем-то вроде Питер Пена, который навсегда застрял в детстве. Отец, мать, приёмный отец, братья и сёстры. А кто Он Сам?

Иисус не хочет быть вечным ребёнком и, главное, Он хочет спасти от такой вечной детскости человечество. Да, «будьте как дети» — чтобы вырасти. Да, «кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать» — чтобы человек перешёл из мира, где всё определяется родственными связями, в мир Божий. Где не женятся и не выходят замуж не потому, что там нет любви, а потому что настоящая любовь не есть социальное явление, а «жениться» и «выходить замуж» — это социальное. Противоположности сходятся: в аду прелюбодеяния так же не обходятся без регистрации, как и в раю вечной любви. Нет братства в аду, нет братства и в раю: в аду — потому что все друг другу чужие, в раю — потому что все друг другу Бог.

Детское сознание интересуется, кто у Иисуса Отец, мать, есть ли братья и сёстры. Кругозор у ребёнка такой, он так мир познаёт, и это нормально. Однако, горькая правда заключается в том, что у Иисуса нет Отца вообще. «Почему Ты Меня оставил». Иисус — один на Кресте. Вот — взрослость. Одиночество и единственность, в которых погибает ребёнок и из

которых вырастает личность. Эта горькая правда отчасти уравнивается осознанием того, что Иисус и есть Отец. «Я и Отец одно». Нет какого-то особого старика на облаках, который посылает сына, чтобы защититься от претензий, навести порядок и вообще проявить себя. Есть Он. Один. Единственный. И вера в Него есть вхождение в ту жизнь, где верующий — единственный.

Спасение не в том, что Иисус что-то сделал. Спасение в том, что Иисус тот, Кто Он есть. Кусок вечности, упавший во время. Люди не Бога увидели — Бога увидеть невозможно, мы человека наконец-то увидели. Или не увидели — если мы увидели в Иисусе человека, каков человек по замыслу Творца, то мы в любом человеке будем видеть замысел Творца и обращаться с этим человеком соответственно. Ну и как? Видим? Мы братья, сёстры и мать Богу? А это нам скажут окружающие — исполняем мы заповеди Божии или нет. Это ведь лишь со стороны можно оценить. Иисус Бог, потому что Он не со стороны смотрит, а в нас живёт, Иисус человек, потому что Он со всех сторон защищает нас и, что часто намного важнее, защищает от нас, как родители защищают своих детей от внешних угроз, но и не дают своим детям стать грозой для окружающих.

Фрейд совершенно правильно определил, что отношения людей с Богом часто лишь продолжение их отношений с родным отцом. Это невротическая религия, это идолопоклонство в чистом виде, это подлежит преодолению. По мере преодоления — а его даёт вера и та самая жизнь по заповедям Божиим, мы начинаем видеть в Боге не только Отца, а в Иисусе не только Сына. Мы просто любим Бога. Мы взрослеем. Мы уже не дети, не друзья юности. Вот он — мир, покой, зрелость. Тогда и спасение достигает своей молочной зрелости. Мы просто любим людей, любим себя, и благодаря этому вечность из жутковатого и невероятного кошмара бессмертия, которое ведь без Бога попросту ад, становится реальностью воскресения и вечной взрослой жизни не только без свадеб и разводов, но и без детства и старости, без рождения и смерти, без попыток разделить и противопоставить человеческое и божеское даже с такой благой целью как свидетельство об Иисусе. Свидетельство и наставления — детство веры, общение и любовь — зрелость верующего.

21. ВСЯ НАДЕЖДА НА ПОКАЯНИЕ

«Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня» (Мк 10:47).

Люди часто задумываются (а богословы часто спорили) о том, что сперва — любовь или свобода. Сперва любящий Бог призывает свободного человека или сперва свободный человек призывает Бога, а Бог отвечает.

Знаменита загадка «как звучит хлопок одной ладонью». Рассуждения о том, что сперва — воля Божья или воля человеческая — похожи на загадку «когда двое целуются, чьи губы первые коснулись другого».

Вопрос куда более важный: что сперва — покаяние или надежда? Евангелие не содержит особого призыва к надежде, а вот чёткий призыв к покаянию — пожалуйста, с этого Иоанн Предтеча начинает, крещение и есть символ, подтверждение покаяния.

Тем не менее, надежда всё-таки раньше покаяния. Покаяние без надежды будет лишь погружением в комплекс вины и психопатию разного уровня разрушительности. Самоубийство.

В этом смысле замечательно русское слово «помилуй». Тут напрочь отсутствует призыв «помажь» — в греческом-то корень «елей». «Мил» вообще непонятно что, как и любовь. Понятно, что не «полюби». Вроде бы «помилуй мя» это покаяние, постоянный припев у Великого покаянного канона, но это и просьба. А просьба означает надежду. Кто отчаялся, и просить не будет. Угрюмо молчит. Или весело разговаривает, скрывая отчаяние, или пьёт, но уж точно не просит и не кается.

Как ни странно, «покаяние» отсутствует в списке добродетелей. Так и воздух отсутствует в списке того, что надо брать с собой в поход! А надежда в этом списке — есть, потому что надежда есть не всегда. Надежда, как и вера, не есть нечто вечное, остроумно заметил апостол Павел — в раю уже не на что будет надеяться, и вера будет не нужна. Тем не менее, у надежды есть одно замечательное качество — она вырабатывается внутренним усилием. Заставь себя любить — фуй, какая

гадость! Постановить, что «я верую в то-то» — это нечестно по отношению к тому, во что решил верить. Заставлять же себя надеяться — совершенно нормально. Не я решаю, куда поплывёт кораблик жизни, не я решаю, пустят ли меня на борт, но я и только я могу надеяться, что — пустят, что поплывёт к любви.

В отличие от надежды, покаяние бесконечно. Поэтому настоящее покаяние не какое-то противное занятие, это вечность в нашей жизни. Ну не думаем же мы, что после Страшного суда праведники отряхиваются, как собаки, которых обдали ведром воды, и бегут себе к Богу? Вечная жизнь без вечного покаяния — это ад.

Это плохая новость? Только для тех, кто знаком с покаянием по садомазохистскому христианству. Настоящее покаяние — это не знакомство с Хайдом и Смердяковым, Дартом Вейдером и Фантмасом в себе, это знакомство с собой во Христе и одновременно знакомство во Христе с Богом. Потому что Бог есть Слово, и человеку дана способность цитировать это Слово, и когда человек говорит «согрешил я», творение слышит: «Да будет свет». И становится светло.

Каялся ли Христос? Конечно! Когда Он на кресте сказал «Прости им», это ведь было покаяние за всё то, в чём его упрекают неверующие — что не смог, не успел, не обратил. Бог кается, что бессилен перед человеком, и поэтому Бог прощает людей. Всех. Только одни распоряжаются этим прощением, чтобы вечно быть в аду, а другие — надевают это прощение на штык апостолу Петру и бегут в Рай. Ну его, прощение, Ты нам Себя подавай!

Бег в Рай начинается на земле. Это и есть Царство Небесное, пришедшее в силу. Начинается с прощения, разумеется. Бога простить, людей простить, себя простить. Себя? Не жирно ли будет? Не откроем ли врата самолюбования? Так о том и речь — есть у покаяния начало, нет у покаяния конца. Но — только покаянию за себя, а не его антиподу и подмене — покаянию в чужих грехах.

22. МОЛИТВА

**«Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение:
дух бодр, плоть же немощна» (Мк 14:38).**

Молитва похожа на человека. Сколько у человека измерений, свойств, характеристик, столько у молитвы. Начиная с самой простой: у молитвы есть тело. Можно лежать пластом и молиться. Горе человеку, который не научится молитве пластом: скучно ему будет в больничной палате, в реанимации, в коме. У римо-католиков один из высших способов молитвы — пластом, но на животике (или на животе, это как у кого). Перед рукоположением в священники кандидаты простираются на полу, раскинув руки крестом. Именно так, впрочем, молился св. Димитрий Ростовский, вполне православный украинец.

Человек движется и замирает — движется и замирает молитва. Замирает, не останавливаясь. Молитва на ходу и молитва стоя или сидя, — это три разных молитвы, даже если слова одни и те же. Да и не три — ведь сидят люди очень по-разному. На Востоке, в той же православной Греции, часто усаживались прямо на пол церкви, да и по всему Средиземноморью это было в обычае, благо климат и позволяет, и прерасполагает. В России стойкое предубеждение против молитвы сидя, исключение делается для слабых, но предубеждение это суеверное. Попав в Америку, русские быстро привыкают молиться сидя.

Глядя из Кремля не верится, что можно молиться, закинув ногу на ногу, это кажется знаком презрения и отгораживания, но нет ведь никаких знаков «от природы», человек делает тот или иной жест знаком — или не делает. Наверное, можно молиться и положив ноги на стол, и уж точно можно молиться, протягивая ноги. А уж как молиться, положив зубы на полку!

Это ещё только о позвоночнике поговорили, а ведь есть ещё конечности! Можно молиться на коленях, можно молиться, подняв руки — судя по количеству древних статуэток, статуй, изображений, это вообще древнейшая форма молитвы. Коленопреклонённых таких статуэток почти нет. А вот самое привычное движение ладоней — «умоляюще» сложенные вместе,

как на знаменитом рисунке Дюрера — это, кажется, относительно новый способ молитвы. Что уж говорить о такой бесконечной конечности как голова! Легко отличить православного от протестанта уже по тому, что протестант при слове «помолимся» опускает голову, а православный приподымает; протестант закрывает глаза, а православный раскрывает, словно просыпается.

Конечно, в человеке есть кое-что помимо тела, чего не отрицают даже материалисты. Но ещё больше в человеке того, чего в человеке вообще нет, а нужно — вот тогда и начинается молитва как выпрашивание. Любопытно, что перечисленные выши жесты и позы мало связаны именно с просьбами. Ну, лежит человек и лежит, сидит (тем более, если нога на ногу). Разве что сложенные ладони — но это ведь может быть и жест приветствия, как и поднятые руки (которые, впрочем, могут быть и молитвой о пощаде, и выражением удивления — а в Боге есть чему и Кому удивляться).

Самый рабский жест в молитве — это, между прочим, не стоять на коленях (на коленях — скорее жест подчинения, готовности умереть, подставив голову палачу), а молиться, скрестив руки на груди. По православному обычаю именно так подходят причащаться, но у старообрядцев так стоят во время молитвы. Правда, с течением веков положение рук чуть-чуть изменилось — они теперь у старообрядцев не сложены в виде буквы «х», правая поверх левой, а переплетены совершенно наполеоновским образом. В светской культуре это вообще-то выражение горделивого отгораживания от собеседника, но, как уже было сказано, знак дело условное, и у старообрядцев это выражение смирения перед Богом.

Если молитва похожа на человека, а человек похож на Бога, то разумно спросить: а Бог молится? Для христианина ответ обманчиво ясен: Иисус же молился! Так ведь можно сказать, что, если Иисус молился Богу, то Иисус вовсе и не Бог. Если оставить Спасителя в покое (на короткое время, потому что Спаситель тогда спокоен, когда мы Его беспokoим молитвой), то Бог как абсолютное совершенство не может молиться. Ему ничего не нужно. У Него нет убылей, недостач. У Него всё есть.

Здесь молитва Богу учит понимать Бога. Высшая молитва — не выпрашивание чего-то недостающего. Высшая

молитва — даже не созерцание и вслушивание. Высшая молитва — от избытка в себе чего-то невероятно мощного, радостного, жизненного. Это не Дух Божий, это, скорее, Его плоды. Входя в человеческую душу, благодать Духа словно вытесняет то главное, что опустилось, слежалось, спрессовалось из-за неиспользования, и вот это подымается и ищет себе выхода — и этот выход в молитве. Это — Богу нужно? Это человеку нужно, чтобы стать собой, как вулкану нужно извержение, чтобы не превратиться в простую мёртвую гору.

Бог молится не потому, что Ему чего-то не хватает, а потому что Ему есть, чем поделиться. Дух Божий — молитва Бога людям. Есть тайна Святой Троицы — молитвы внутри Бога. Радостная тайна: люди не нужны Богу, чтобы молиться, Бог и без нас Бог, а значит, если Он всё-таки к нам обращается, значит это совсем по любви, не по нужде.

Конечно, человек всего лишь слабое подобие Бога. Если бы «образ»! Образина... Наши молитвы как пирамиды Маслоу — в основном, это именно челобитья. Ничего страшного — из этого лимона эгоизма, вечной нехватки сил и здоровья можно сделать лимонад, молясь о других, о чужих нуждах. Это язык, детка! Сколько в языке склонений? Три? В молитве не меньше! Просительное склонение, благодарственное преклонение, созерцательное наклонение. А ещё молитва освящения, молитва посвящения, молитва рассеянная и молитва сосредоточенная. Да-да, рассеянная молитва — тоже молитва, слава Богу. Как евреи — они и в рассеянии евреи. Просто надо вовремя понять, что молитва рассеятельная и помолиться о даровании молитвы сосредоточенной.

Человек-тело, человек-слово и, наконец, человек-человечество. Вот где начинается то, что с чего обычно начинаются вопросы о молитве: молиться своими словами или чужими? Позвольте, а с какой стати слова молитвы другого верующего — чужие? Мы во время застолья отказываемся есть, потому что вино чужое, оливье чужой?! Разве у человека в принципе есть какие-либо слова, кроме чужих?

Конечно, есть. Между любящими людьми, между друзьями, даже между сокамерниками постоянно образуются какие-то слова, не предназначенные для посторонних. Жаргон тюрьмы, арго дружбы, жаргонетки любви. Конечно, и в беседе с Богом

горе тому человеку, который всегда твердит одни и те же зазубренные слова, словно режет Богу сердце зазубренным ножом.

Конечно, надо молиться и своими словами, и своим молчанием, и своим бормотанием, и своим фырчанием и пением, вздохами и прицокиваниями. Кто чем горазд, кто чем богат. Только проблема в том, чтобы понять, как молиться именно сейчас. Вот на такие сложные случаи и придумано записывать чужие молитвы. На страховом случае, на крайний — а какая минута жизни не крайний случай? Да довольно многие, к счастью! Но всегда должен быть запасной парашют, и молитвенник или любая заученная молитва вроде «Господи, помилуй», и есть такой запасной парашют с земли на небо.

Самое интересное не это. Человек довольно быстро понимает, что молитва своими словами не прихоть, а необходимость. Он может этого стесняться, но убежать от этого невозможно. В конце концов, даже «Господи Иисусе Христе, милостив буди мне, грешной» каждая (или каждый) произносит со своей неповторимой интонацией, да ещё и меняет эту интонацию постоянно. Самое интересное, что молиться одному и молиться с другими — совершенно разные состояния. Слова вроде бы одни, а вот разные.

Переход от молитвы одному к совместной, общей очень часто даётся с огромным трудом, как переезд на другую квартиру — а тут ведь надо не забыть обратно вернуться, а то бывают казусы, когда люди молятся только вместе с другими (не путать с молитвой напоказ, которая вообще не молитва), а в одиночку отвыкают или не научаются. Может быть, самое проблемное слово в религии — «богослужение». «Служение» это слово из глубины веков, обычно подразумевающее довольно бессловесное состояние. «Собачки служат». Часовой несёт службу — молча. Богослужение, во-первых, это не столько мы Богу служим, сколько Бог нам, во-вторых, это не какое-то стояние в карауле, это разговор. Застольный — если это литургия, на завалинке — любая другая служба. Вот мы сидим (даже если стоим) на скамейке с друзьями, а Бог стоит (даже если Он на кресте), и мы задушевно так разговариваем. Говорим так и говорим то, что никогда не скажем с глазу на глаз. Потому что «двое или трое» — это не переход количества в качество, это исход качества в новое качество.

Молитва похожа на человека ещё в одном отношении: она имеет свой конец. Если молитва заканчивается вместе с жизнью человека, это не беда. Беда, если между концом молитвы и концом жизни оказывается необмоленное пространство. К счастью, весь опыт веры говорит, что у молитвы есть ещё одно сходство с человеком: она есть часть человечества. Человек умирает, а молитва о нём продолжается. Продолжается его собственная молитва — пока на земле есть хоть один молящийся, он молится от имени всех, кто когда-либо кому-либо молился.

Общность не в пространстве, совместность во времени — и «общая молитва» есть молитва поверх крематория и могил. Да, человек — прах, но человек и пух — Пух пыхтящий, пух летящий, пух заботливо-неловкий. Мы заботливо расписываем, кто живой, кто мёртвый, задумываемся, как это «молиться об умерших», коли с ними уже всё порешили... Про нас, живых, нам кажется понятным, зачем молиться — брось в Бога молитву, выкатится бутылочка. Да о мёртвых куда рациональнее молиться, они только этого и ждут от нас, не стаканчика же с водочкой, не решётки с камнем повнушительнее! Вот как о себе и о других как бы каживых молиться, когда у нас для свободы и духа столько препятствий, что стипльчез с овчинку покажется... Да-да, свобода воли наша драгоценная это ведь свобода безволия, да и не свобода, а хорошо законсервированное рабство. «Хорошо» в смысле «основательно» закрутили.

К счастью, есть не только молитва живых о живых и мёртвых, но и молитва воскресших и Воскрешающего о живых и мёртвых душах. Всю жизнь мы учимся в школе молитвы, чтобы обнаружить, что преподают в этой школе люди, выпущенные в нашу жизнь из университета, который на небесах. Воскресение — это не возвращение на второй год, это приём в почётные студенты богослужения, а по нечётным вечностям — в первоклашек молитв.

23. РИСКИ ДОБРОТЫ

«Он сказал им в ответ: вы дайте им есть. И сказали Ему: разве нам пойти купить хлеба динариев на двести и дать им есть?» (Мк 6:37).

Евангелие от Марка не содержит призывов давать милостыню. В нём есть о любви к ближнему, но там, где в евангелии от Луки любовь к ближнему иллюстрируется притчей о милосердном самарянине, у Марка — дыра. Нету у Марка и «малого Апокалипсиса» Матфея с призывами кормить голодных и поить жаждущих, потому что через них у нас просит Бог. Нету в евангелии от Марка и рассказа Иоанна о милосердии — «иди и больше не греши». Правда, этот, о грешнице рассказ вставлен в евангелие от Иоанна через два века после его написания, но вот Иоанн такой, что там эта вставка органична, а у Марка смотрелась бы странно.

Всё потому, что у Христа не было никакого особого отношения к милосердию и милостыне. Особого в сравнении с Его современниками, да и с теми, кто жил задолго до Него или после Него, зная о Нём или не зная. Во всех религиях помощь людям — одна из аксиом. Не потому, что религии хорошие, а потому что люди — человечны. Атеисты и агностики тоже любят и умеют помогать ближним. Человек может переменить религию, но не этику. Понижения и повышения морального уровня происходят в душе одного человека, а все мировоззрения одинаково альтруистичны. О, конечно, можно встретить атеиста, призывающего убивать неполноценных детей, но ведь это эпатаж, стёб. Опасны не стёбщики, опасны альтруисты в рамках.

Рамки альтруизма хорошо известны. Все призывы помогать нуждающимся не привели к исчезновению нужды, нищеты, разрыва между богатыми, не очень богатыми и просто отчаянно нуждающимися в куске хлеба и в глотке воды. Благотворительность поддерживает некоторое равновесие в обществе, но не более того.

Самое паршивое, что добрые дела могут быть очень бесчеловечными. Именно поэтому великий и добрый Лев Толстой, да и не менее великий и добрый Антон Чехов занимались филантропией,

но недолюбливали её и критиковали. Слишком часто филантропия превращает людей в вещи, предметы. Нужно накормить голодного — и неважно, человек голоден или попугай. Нужно напоить жаждущего — и неважно, человеку нужна вода или цветку. Нужно помыть — и неважно, сиротку или окно. У меня есть, у другого нет — и другой превращается в объект моего попечения. Вот почему самые бесчеловечные деспоты, самые звероподобные насильники и садисты часто очень сентиментальны и щедры на благодеяния. Ведь они тем самым утверждают о себе, что они люди, а об объектах своей доброты, что те — объекты. Вроде коллекции марок, о которой нужно заботиться.

Благотворительность может быть бесчеловечной и в свободной стране. Бюрократической, государственной. Но это отнюдь не худший вариант, часто это лучший вариант — куда лучше, чем благотворительность религиозная. Это бесчеловечность уважения к другому, когда другой получает необходимое просто потому, что соответствует каким-то критериям. Никто не лезет в душу, просто выдаёт талоны на питание. За этой простотой такой горький опыт христианского милосердия — с работными домами, с настоящими пытками в обмен на продовольствие, физическими пытками и моральными... Даже и в наши дни полно добрых христиан, которые возмущаются тем, что государство «плодит иждивенцев», поощряет лодырей и пьяниц. Милосердие должно быть требовательным! Что уж говорить о такой благотворительности, которая всерьёз рассматривает страдание как средство улучшить человека. Благотворители прислали обезболивающие таблетки, а они портятся в подвале, потому что, видите ли, страдание необходимо больным, оно их к Богу приближает.

При этом само христианское милосердие часто оказывается разновидностью наркомании или даже бизнесом с гарантированным доходом и безо всякого риска. Наркоманией в смысле бегания по кругу. Нищету ведь очень трудно ликвидировать, почему она и существует тысячелетиями, став постоянной тенью цивилизации и прогресса. Ликвидировать трудно, а подкармливать как рыбок в аквариуме легко. А сколько крадут на благотворительности те, кто берёт у богатых пожертвования и отдаёт бедным! Но даже если не крадут, даже, если жертвуют свои и жертвуют собой, всем своим временем и жизнью, — как

часто это впустую. Сколько людей жертвуют то, что могут, а не то, что нужно, и это ещё лучший вариант.

Систему нужно менять, систему. Чтобы не просто накормить-напоить-вылечить, а дать возможность полноценно жить. А то сколько же жертвователей внимательно следят, чтобы жертвуемые не выходили за рамки. Вылечат ребёнка от рака, ребёночек вырастет взрослым — и в армию, без вариантов. Вылечат наркомана, а свободного интернета ему не дадут, и бесцензурной печати ему не дадут — из милосердия, конечно, чтобы не метался. Доброта в железных рукавицах.

Вот тут мы и подходим к тому единственному случаю, когда Иисус сделал что-то, похожее на кормление голодных. Сходство, конечно, поверхностное — да, люди хотели есть. В Кане, кстати, не сказано, что люди хотели пить. Вино, знаете ли, не для утоления жажды. Хозяева хотели щегольнуть, что «не хуже других» — это да. Понятно, почему Иисус с больной неохотой напоил гостей вином — правда, отличным, видимо, Бог иначе как отлично работать не умеет. Был (и в каком-то смысле остаётся) казус, когда Иисус кормил апостолов, можно сказать, с руки, как голубей — «Примите, ешьте, это Тело Моё». Но там точно никто не был голоден и вовсе не жаждал даже вина. Дело было под конец трапезы, довольно плотной, праздничной. А тут — с «умножением хлебом», тут да, голодные налицо.

Ученики, предлагая сбегать в деревню и купить хлеба на 200 динариев, шутят, и довольно саркастически. Откуда в деревне хлеба на пять тысяч человек? К вопросу о юморе в Евангелии. Есть он, есть. Чем меньше еды, тем больше юмора, это космический закон. Да и не хватит двухсот динариев для пяти тысяч, динарий — это плата подёнщику, 200 динариев — хлеб для двухсот, ну, для тысячи человек.

Похоже, что как раз 200 динариев, — всё, что у Христа с апостолами в пресловутом ящике для пожертвований, который носил Иуда. Немного, прямо скажем. Хотя всё равно встаёт вопрос о двойном стандарте — ведь Иисус однажды, посылая апостолов на первую самостоятельную проповедь, велел не брать им с собой денег вообще. А Сам-то, Сам-то... Ну вот — впритык, но имел.

Имел, но был! Проблема с милосердием та, что человеку легче поделиться тем, что он имеет, чем самим собой. Чтобы

поделиться самим собой, надо быть самим собой, а кто же это умеет?

Бог это умеет. Это и есть Евангелие. Бог поделился с нами Самим Собой. Кто предпочитает наличными или едой — свободны. Вон, Иисус накормил слушателей и отпустил. Евангелист не утверждает, что хотя бы один из них стал подался в ученики или хотя бы задержался поблагодарить. Только объедков накидали. Ну, Бог не против, Ему и объедки сгодятся.

В сухом остатке всё просто. Голодных не прогонять, не попрекать ленью или пьянством, а кормить. Больных лечить. Не ждать, пока они попросят — искать, особенно искать тех, кто уже не в силах просить или стесняется. Не думать, что лучший способ поделиться собой — это распахнуть душу голодному, чтобы ел и слушал. Так можно самый лучший аппетит испортить. Милостыня, милосердие, благотворительность — это общение, значит, надо не только кормить, но и общаться. Вон, Иисус сперва общался, потом кормил — но делал это исключительно с согласия слушателей, которые ведь пришли Его послушать, специально пришли. А с креста Иисус не проповедовал, туда люди пришли не слушать Его, а распинать Его.

Очень часто пообщаться с человеком — высшая филантропия. Слава Богу, всё-таки какие-то зачатки государственного обеспечения стариков есть. Слава Богу, государство всё-таки не пытается выдавать сочувствие. Да и не сочувствие нужно человеку, а просто — быть человеком, разговаривать на равных. Не все это умеют, конечно, даже и в молодости или в зрелости, так вот и надо давать, чтобы человек пошёл во вкус.

Конечно, надо участвовать в коллективной благотворительности — включая и ту, которая и есть государство. Конечно, надо давать на хлеб просящему на дороге. Причём, с государства строгий отчёт, а с просящего на дороге — ну какой отчёт-мочёт? Подозреваешь в обмане, не давай, но в душу не лезь. Но между «поручить государству» и «дать в руку бродяжке» — огромное пространство, и это пространство надо исходить вдоль и поперёк с верой в Бога, с верой, что мы не просто укрепляем социум, не просто упражняемся в альтруизме, а летим в неизведанное. Потому что сейчас, как ученики Иисуса, мы раздаём, а завтра, как ученики Иисуса, получаем по шее, — и в обоих ситуациях сохраняем чувство юмора, чувство пропорций и чувство юмора.

24. ЛЮБОВЬ — ПЕРЕПОЛНЕННАЯ ПУСТОТА

«Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всю крепость твою, — вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет.» (Мк 12:29-31).

Любовь начинается с самолюбия. Самопознания начинается с самолюбования. Причина проста: самолюбование и самолюбие это остаток любви, которая и есть человек. Любование ведь противоречит любви и тогда, когда обращено на другого. Любования — девять десятых во влюблённости, да и в любви на её заре, но рост, развитие любви подразумевает переход от любования другим в любовь к другому.

Это справедливо даже в отношении любви к Богу, и прежде всего к ней. Религиозный фундаментализм, реакционная религиозность как раз делают акцент на любовании Богом, а Бог-то хочет не любования нашего, а любви. Различие как между монологом — «О, какой Ты великий и могучий утёс!» — и диалогом, и в этом смысле в простом «Боже, помоги сдать экзамен!» больше любви к Богу, чем в «Славословлю Тебя, Творца неба и земли!». Не говоря уж о «спасибо, Боже, что помог сдать экзамен, а теперь помоги экзамены сдавать своими силами, а с Тобой говорить о более важном!»

В диалоге, в любовном обмене взглядами и словами, каждый познаёт себя в другом как в зеркале. Нарциссизм возможен и тут. Самовлюбленный человек созерцает в другом только себя, превращая другого просто в лужу воды, в кусок амальгамы под стеклом. Любовь, однако, не в том, чтобы видеть в другом себя («ты есть я»), и не в том, чтобы видеть себя отражением другого («я есмь ты»), -то и другое есть любование с потерей себя и другого. Любование — глухо и немо, оно ограничивается зрением, процессом однонаправленным, там, где необходим обмен. Самолюбование противоположно самопознанию, самолюбование есть потеря себя. Нарцисс

любуется не собой, а образом себя, себя же он не знает и боится узнать.

Страх узнать себя понятен — ведь человек недостаточно человечен, недотягивает до уровня, который сам признаёт единственно человеческим. Недостаточность не слишком велика, но очень болезненна. Мы боимся увидеть в другом, в зеркале, в себе то, что отравляет наше существование. Тьму. Зло. Настоящая Медуза Горгона со всеми своими гадюками внутрь меня есть — как и Царство Божие. Чтобы справиться с этим страхом надо увидеть себя в отражении. Не потому, что отражение не страшно — оно страшно. Но отражение устанавливает дистанцию между мною и мною. Я расслаиваюсь и в интервале между слоями образуется воздух надежды.

Вот почему исповедь — отражение себя в другом (Боге, священнике) — это такой же исцеляющий диалог, как беседа с психотерапевтом. Ведь и хороший терапевт не учит, а лишь предлагает себя в качестве отражательной поверхности. Когда человек говорит, что ему не нужен священник для покаяния — он прав, для покаяния даже и Бог не нужен. Поэтому, однако, покаяние может быть разрушительным, самоубийственным явлением, как у Иуды. Это взгляд злу глаза в глаза и исчезновение, окаменение, фиксация во зле. Священник (или Бог) нужен не потому, что обладает волшебным свойством исцелять, а просто потому, что они — зеркало («свидетели»). Да, Сам Бог — лишь свидетель, во всяком случае, когда речь о покаянии. Свидетель слушающий, свидетель прощающий. Вот когда сказано, когда прощено — тогда Бог из зеркала становится страстным любовником, нежным другом, любящим Отцом.

«Люби ближнего как самого себя» в Евангелии повторяет уравнение «люби Бога и люби ближнего». В этом уравнении «самого себя» и «Бога» — одно неизвестное, выраженное по-разному. Я не бог, Бог — не я, но во мне та же способность любить, что и в Боге. Это очень странная, нетривиальная любовь, не требующая другого и в то же время творящая другого. «Я и Отец одно», — так описывает эту любовь Иисус, и все последующие попытки описать отношения любви в Боге хуже этого описания, всего лишь описывают это описание, а не реальность Бога. Точно так же любая психология лишь

описывает то, что описывает о себе человек, но не описывает человека — во всяком случае, человека любящего.

Легко описать человека самовлюблённого, самолюбующегося, который составляет девять десятых человека, но который который есть лишь зародыш подлинного человека. Нарцисс — это то, что Павел называл «плотским человеком», человек, похожим на кусок великолепного мяса на рыночном прилавке. Годен лишь на то, чтобы съесть — в постель с ним не ляжешь. А с любящим — ляжешь, и с Богом — ляжешь, и будет опять чудо библейских ночных поллюций Духа Святого, оплодотворяющих и творящих человека.

Алиса в Зазеркалье — это детская сказка, а реальность в том, что мы и есть зазеркалье, я — отражение Бога, призванное войти в Того, чьим отражением я создан. Самолюбование считает зазеркальем окружающих, любовь к себе рвётся к себе в Зеркалье, к Настоящему, к Оригинулу.

Любить другого как себя означает принятие другого не как ещё одного обитателя Зазеркалья, а как единого истинного Бога, подлинную реальность. Благоговейно, уважительно — и с полной готовностью порвать отношения, если другой перестанет быть другим, а повернётся к нам лицом карточной карты. Бывает и такое — это зло, и очень личное, личное зло, ровно такое же, как и во мне, зло, сделавшее добро и свет, Бога — всего лишь изнанкой, и пытающееся эту изнанку отодерать, хотя отдерёшь — умрёшь, исчезнешь совсем. В Боге этого зла нет, и любовь к Богу — источник любви к себе без примеси самолюбования, без глухоты и немоты к другому, животворящей и просто творящей.

Самое удивительное во фразе «люби ближнего как себя» — слово «люби». Оно превращает пошлость в парадокс, золотое правило этики — в изысканную заповедь.

Делать другому то, что хотел бы, чтобы делали тебе — это даже не этика, это механика. Песчинка песчинке, облако облаку, но уже на уровне амёбы это невозможно, ненужно и комично. «Ты есть я» — так молекулы могут рассуждать, не более. Бог в деталях, а человеческое в различиях между людьми. Все люди равны несхожестью друг с другом — поэтому необходимо равенство перед законом, оберегающим несхожесть. Человек отличается от другого куда больше, чем иглолка от

воздушного шарика или журавль от лисицы. С физиологической точки зрения — в том числе. Именно это бросается в глаза при взгляде на «делай другому» — оно ужасно асексуальное, даже гомосексуальное. В формулировке «сэр, делайте другой то, что хочешь, чтобы делали вам, сэр» оно просто идиотично.

Даже в бизнесе принцип взаимности нельзя понимать буквально — он бы означал, что я меняю свой товар на аналогичный товар. Ношенные тапочки на ношенные тапочки, не на новые. Никаких денег! Понятно, что речь идёт об абстрактных принципах — будь честен с другим, будь нежен с другой, не кантуй ближнего — в смысле, по Канту, не манипулируй другим, превращая его в средство достижения своих целей.

Только вот любовь — не абстрактный принцип. Любовь вся стоит на асимметрии, на больших и малых различиях, перекосах, нестыковках, включая, между прочим, и взаимные манипуляции. Ничего страшного — любовь всё «покрывает», лишь бы в меру, к месту и вовремя, с юмором, н евсерьёз. Правда, «юмор», «невсерьёз», «любовь» непригодны для построения универсальной системы. Так именно универсальность и есть первый грех против любви. Не может единичное быть всеобщим. Никто не воспевает любовь вообще — каждый воспевает свою любовь к совершенно конкретному человеку. Нет человека — нет любви, это и есть «любви ближнего, как самого себя». Нет тебя — нет ближнего, это и есть ад.

Любовь к себе точно так же растёт, увядает, изменяется, как и любовь к любому человеку. Она так же проходит через искушения, так же может быть разрушена обманом и предательством, так же нуждается в терпении, вере и надежде, в разнообразии. Проблема с людьми, которые дисциплинированы, ответственны, набожны, милосердны, образованы, кротки, смиренны — и при этом прекрасно вписываются в какую-нибудь людоедскую систему, вроде нацистской Германии или рашистской России — в том, что они любят себя, как любят ближних, тогда как надо наоборот. Ведь самый ближний всё-таки дальше от меня, чем я сам, его бездны от меня надёжно укрыты, чтобы я со своими безднами разобрался. Для этого нужно делать себе не то, что нужно ближнему, и любить себя надо иначе, а как — это уж каждый должен и может открыть сам. Для своей Америки каждый должен сам быть Колумбом.

Любовь неразрывно связано с прощением, хотя прощение не любовь, да и любовь не прощение. Любящий даже и не хочет, чтобы любимый его прощал, любящий хочет, чтобы его любили. Если простит, но разлюбит — не нужно! Лучше пусть не прощает, лишь бы любил. «Простить» не случайно в русском языке отсылает к образу развязывания, отпуска на свободу («развязать», «разрешить от грехов»). Грех сковывает, прощение раскрепощает. Только вот любовь как раз соединяет — и в этом смысле, она скорее рабство, чем свобода. Правда, рабство — взаимное, а взаимное рабство лучше свободы в одиночку.

Разгадка в том, что любовь не только вытряхивает из любимого грех, прощая. Любовь опустошает самого любящего. Вот почему любовь к Богу — условие любви к ближнему, вот почему любящий ближнего тем самым любит и Бога, пусть сам об этом не подозревает. Любовь переполняет человека — и человек становится подобен Богу, Который так любит, что кажется несуществующим, не имеющим Своей Жизни. Фонтан никогда не полон, он всегда пуст, выталкивая из себя воду, как только она в него попадает. Это и есть вечность любви — вечность прощения, которое выводит из пустоты зла, и вечность творения, которое вводит в безбрежность света.

25. АСКЕТИКА: ИСКУССТВЕННЫЙ АД

«Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед» (Мк 1:6).

Это — адский ад, ад на земле. Сразу вспоминается острога Бернарда Шоу: «Ад существует. Находится в Чикаго». Конечно, Шоу имел в виду не Чикаго миллионеров, небоскрёбов, особняков в стиле модерн, он имел в виду печально знаменитые чикагские бойни, на которых работникам было почти так же плохо, как скоту, почему там и зародилось Первое мая.

Чтобы не устроить ад ближнему своему, надо создавать ад себе. Как Иоанн Предтеча. Одежду из верблюжьего волоса в Москве продают задорого — хорошо по холоду, а когда жара? Говорят, при плюс 30 из неё какой-то полезный жир выделяется, но слабое утешение. Тем более, тут добавлено про кожаный пояс, и сразу вспоминаются христианские аскеты в том же климатическом регионе, но через несколько веков, которые утром надевали на себя кожух и — внимание! — смачивали его. Под жарой кожа начинала высыхать и коробиться, сжимая подвижника тисками.

Ирландские аскеты побывали в Сирии, понравилось, а поскольку с жарой и верблюдами в Ирландии плохо, они просто залезали в болото и давали комарам себя кушать.

Любой пост — ровно то же самое. Ад на земле. Может быть, первый круг, может, второй, а может, и девятый, но — ад. Зачем этот мазохизм?

Во-первых, не совсем мазохизм. Мазохисту боль нравится, постящемуся пост не нравится. Если вдруг кому-то нравится не есть мяса, таковой постом да ест мясо, — давится, но ест.

Во-вторых, «ад» — это громко сказано. Ну, комары... Ну, верблюжья овчина... Всё-таки это не то, что ходить каждый день на работу перекидывать бессмысленные бумажки. Такого Иоанн Предтеча себе и представить не мог, а если бы представил, ужаснулся бы и потуже затянул кожаный пояс.

В-третьих и в главных, это прививочный ад. Ад на земле нужен именно для того, чтобы ада на земле не было, как минимум — для других, как максимум — для меня.

Конечно, ад у каждого свой. В знаменитом романе Орвелла тайная политическая полиция прежде всего узнавала, чего больше всего боится человек. Боится крыс? А вот мы ему к лицу клетку привяжем, запустим в клетку крысу, и он так запаникует, что разлюбит любимую женщину.

Аскеза, даже в самом облегчённом варианте — это предъяснение себе своих самых больших страхов. Так от страха перед пауками лечат, показывая человеку сперва рисунок, изображающий паука, потом фотографию, потом паука из резинок или верёвочек, розового или даже радужного...

Поэтому в современном мире исчезает не аскеза, исчезает общеобязательная норма аскезы. Люди перестают «соблюдать пост». Катастрофа? Да нет. Лучше бы, конечно, соблюдать — просто из солидарности, обозначая невидимым на тарелке мясом своё единство с другими в невидимом царстве духа. Тем не менее, это «лучше» всё-таки символическое. В реальности же в современном мире не меньше, а больше аскезы — в том числе, у неверующих — только она стала очень личной, персональной, разнообразной не только от человека к человеку, но и для одного и того же человека. Человек ведь меняется, меняются и его страхи.

Чем сильна архаическая аскеза — тот же «диетарный» пост? Тем, что есть общие для всех людей страхи, страхи утратить общие для всех ценности.

Высшие ценности — любовь, свобода, свет, тепло, безопасность, сытость. Соответственно, страхи: меня не любят, мной командуют или манипулируют, меня насилуют, мне холодно и голодно, некому руку пожать, меня разбил паралич, я не могу пальцем шевельнуть.

Что делает Иоанн Предтеча, что делает любой монах-аскет? Обет бедности (я разорился, банкрот, нищий, живу подающим). Обет послушания (у меня нет своей воли, я овощ, идущий за мною идёт впереди меня). Обет воздержания (ну да, меня никто не любит). Главное — каким бы тяжёлым ни был обет, помнить, что это — игра, прививка, понарошку, так что в строгом смысле слова абсолютно верно утверждение, что «я раб ничего не стоящий, ничегошеньки ровным счётом не сделал, просто неядением плюшек балуемся».

Какой самый большой страх современного человека — то есть, современного образованного горожанина? Остаться без

интернета. До интернета — остаться без газет, радио, телевидения, но интернет включил в себя газеты, радио, телевидение, да ещё расширил, и прибавил к этому обратную связь, да и просто связь с людьми не по принципу материальному — родства, соседства, работы общей — а по принципу настоящей, духовной близости. Это же милость Божия, что есть такое чудо! Это освобождение из темницы узости, тесноты, безвыборности!!

Значит, и пост для современного человека — отрубить интернет, телевизор, радио, газеты. О, конечно, надо знать меру, помнить о принципе прививки, «плохого помаленьку».

Второй большой страх современного человека — остаться без шоппинга. Потребительство это ведь своего рода чтение для неграмотных, товары — слова. Шоппинг — это путешествие, лизание витрин — как обзор Гималаев с Эвереста, покорение молла за моллом это альпинизм, обшаривание полок взглядом — как Ливингстон в поисках истока Нила. А зимой тут ещё просто и светло, войдёшь в супермаркет — как встречать восход на Пике Альтруизма (так сейчас, наверное, именуют Пик Коммунизма). Покупать что-либо даже несколько пошло, это примитив, высший пилотаж потребительства — ни к чему даже не прикасаться, но всё вобрать в себя духом.

Следовательно, как ни тяжело это признать, надо того... сделать паузу... Как будто ты под капельницей...

Понятно, какой кошмар, что в Средние века пост — это дополнительные молитвы? Что когда-то вообще прочесть «Отче наш» было наказанием? Значит, тогда у людей был страх перед молитвой — действием недобровольным настолько, насколько традиционным. Сейчас такого, слава Богу, нет или намного меньше, чем раньше. Сейчас верующий — всегда добровольно верует. Это вовсе не означает, однако, добровольной, спонтанной, радостно-лучезарной молитвы. Более того: именно у верующего, по-настоящему верующего, именно у человека с опытом есть и страх молитвы.

Страх современного верующего перед молитвой это уже совершенно не тот страх, что у школьника, которого за невызубленную молитву поставят коленями на горох. Это страх человека, который прикоснулся к ящику с изображением

молнии — и тряхнуло! Не в шутку тряхнуло! Так тряхнуло, что ты сам не свой, ты — Божий, но всё же это встряска, то есть, по-русски говоря, стресс и травма. Ты заново родился — но и родиться тоже травма, и причём страшно именно то, ради чего ты родился, жизнь вне мамы страшна. Вот люди, вполне верующие люди и перестают молиться. Вроде бы полегчало. Вера есть, но без риска услышать от Того, в Кого веруешь, что-то неприятное вроде «встань и иди» или «ну что ж ты, Сашенька...». Мы-то думаем, что это мы «поминаем» других, когда за кого-то молимся, а это ведь Бог напоминает нам о других, когда мы их имена произносим. Мы произнесли, а Он от Себя — тюк по сердцу! тюк по сердцу! И всё в самый миокард целится.

Посты приходят и уходят, а принцип остаётся. Меняются формы аскезы, но жизнь христианина не может не быть аскезой. Так или иначе, мы делаем себе укол ужаса, чтобы не ужасать и не ужасаться, а если не делаем, то заболеваем. Тут укол, там укол... Иногда иголку есть смысл оставить надолго, будет нечто вроде иглоукальвания. На самом деле, у всякого нормального человека есть такие невидимые иглы, но у верующего их, может, не больше, но они осознаннее и цель — не крепкое психическое здоровье, а — как сказал Иоанн Предтеча? — чтобы идущий за мною шёл впереди меня, чтобы я не мешал ему ходить, а помогал — шнурки там завязать, ботинки почистить. Это вторая, самая древняя часть аскезы — сам не съем, отдам голодающему. Голод, конечно, разный бывает.

Теоретически добровольный, персональный ад на земле должен воспитывать истинных арийцев с чистыми руками и холодным всем. На гвоздях спим и кнопками укрываемся. Ведь у человека такая способность к адаптации, такая способность привыкать ко всему, такая... Такая-растакая, да не эдакая! То есть, конечно, бывает, что аскеза сатанизируется, что к ней не просто привыкают, но и деформируются до степени обесчеловечивания. Хрестоматийный пример — Великий Инквизитор у Достоевского. Феликс Дзержинский, ходячий радиоактивный пепел испепеляющий на наши головы. Вам это надо? Вот потому на всякую аскезу есть своя деаскетизация.

Надо уметь вовремя остановиться, сделать паузу, съесть что-нибудь совершенно запретное, в общем, сделать себе укол

бесстрашия. Перестать страшиться страхов до такой степени, что даже и не лечиться от них. Тогда исполнится саркастическое «ешьте что угодно, кроме людей» — именно это, в конце концов, имел в виду Господь Иисус Христос, когда назвал кусок хлеба Своим Телом.

26. АСКЕТИКА: ИСКУССТВЕННЫЙ РАЙ

«Итак бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру;» (Мк 13:35).

Аскетика это искусственный ад, но без искусственного рая искусственный ад не работает.

Это и к настоящему аду относится — единственное вечное страдание это созерцание рая и длящийся отказ от рая. Вижу иссиня-чёрный виноград, но твержу, что зелен виноград. Что праведники в раю наслаждаются мучениями грешников — вздор, а вот обратное справедливо.

Нести крест — вот что такое искусственный рай. Крест в самом простом смысле — неудачи, тревоги, болезни, безработицу, безденежье, свои психологические проблемы. Легко быть терпеливым в настоящем раю, но в настоящем раю не нужно терпения, веры и надежды. Надо быть терпеливым в аду, каковым часто является наша жизнь — это и будет искусственный рай. На меня начальник кричит, а я улыбаюсь, потому что это Бог со мной говорит. Победа веры над средой и над сознанием. На душе кошки скребут, окружающие кажутся противными донельзя, а я со всеми нежно разговариваю, потому что психика моя — это одно, это среда, это не я, а нежно говорить с окружающими — это другое. Это не лицемерие, это воспитанность — воспитанность евангельская.

Искусственный ад — пост, воздержание, самодисциплина, самопонуждение — помогает не упасть, но нимало не помогает не то что взлететь, а хотя бы стоять на ногах, тем более — ходить и говорить по-человечески, а не полузадушенным голосом Иудушки. Искусственный ад сам по себе даже опасен, он порождает великих инквизиторов, он лишь половина аскетике.

Искусственный рай — это когда ад адский, настоящий, вокруг и в тебе, а ты всё же благодушествуешь. Надежда — не пошлая, мелкая надежда как хорошо просчитанный оптимизм или наивность от балды, а надежда с чётким осознанием того, что надеяться бесполезно, что даже три русских бога — Авось, Небось да Как-нибудь — не помогут.

Искусственный рай возможен только среди настоящего, не искусственного ада. К сожалению, ад — это бесчеловечность, которая всегда с тобой. Иногда физиологическая — в виде боли, чаще — психологическая, иногда, правда, сливаются, тогда уже и до эвтаназии рукой подать, а эвтаназия — это не искусственная смерть, это всё тот же искусственный рай, только это не настоящий искусственный рай. Настоящий ненастоящий рай — не извне, не от химикатов и обстоятельств, а изнутри. Конечно, не стоит пренебрегать и ненастоящими ненастоящими раем — по лесу прогуляться, бутылочку вина уговорить, с нимфами, тудыть их в качель, в салки поиграть. Однако, только настоящий ненастоящий рай — действительно рай.

Именно об этом ненастоящем рае знаменитое «стяжай Духа Святого, и тысячи вокруг тебя спасутся». Понятно, что никакие тысячи не спасутся, и вокруг сказавшего эти слова никакие тысячи не спаслись, к сожалению (или всё-таки к счастью? Неча в рай на чужом горбе переть!). Однако, ты будешь видеть вокруг не тысячи мерзавцев, подонков, подлецов, шалав, а тысячи святых. Это тебе не мескалин с метадоном, это — кротость, благодушие, милосердие, доброта, причём именно в момент, когда всё мешает кротости, благодушию, милосердию и доброте.

Вот почему «подставь щёку» — не острое словцо, а довольно практический совет. Почувствуй, что жизнь — не сон! Проснись, засоня — так надо переводить библейское «воскресни, спяй» (Еф. 5, 14). Вставайте, граф, вас ждут великие — да не дела, а мысли. Мысль о том, что жизнь прекрасна, хотя всё болит, в голове гудит и жжётся, всё вокруг плывёт и качается, в общем, смерть моя пришла... Ну, пришла, очень приятно, но жизнь-то прекрасна! Особенно на фоне смерти — как бриллиант на чёрном бархате.

Искусственный рай — это взгляд на мир как на Туринскую плащаницу, с перефокусировкой взгляда. Для этого даже не обязательно превращать её в негативное — а на самом деле, глубоко позитивное — изображение. Теперь, когда уже видели «выворотку» Туринской плащаницы, смотрят на «негатив», а видят — позитив. Выворотка существует, её печатают, но она менее впечатляет, чем подлинник этого фальшака.

Достаточно один раз увидеть мир глазами Бога — и... О нет, это не останется навсегда, навсегда останется знание, что мир

хорош. Исходя из этого настоящего знания, из этого откровения о настоящем настоящем, и строится понуждение к миру. Себя, только себя! Понуждение к миру другого — сатанизм, понуждение к миру себя — аскетизм.

Скажи миру «да», когда мир — война, когда мир — страдание, когда весь мир сосредоточился в больном зубе, радирующем во всю вселенную, в друге, который предал, в ребёнке, который не пришёл к тебе в больницу, а то и отправил туда одним ударом справа. Узнаю тебя, смерть, но приветствую Тебя, Жизнь! Аллилуйя! Слава Богу — людям слава. Предателям и подлецам, пьющим и бьющим, равнодушным обывателям и неравнодушным насильникам, — всем слава ныне, и присно, и во веки веков.

Ключевое тут — «слава Богу». Если Бога нет, какие же люди — люди? Так, обезьянки, и это в лучшем случае. Аскетика и есть умение прославлять Бога в любой ситуации — и эту любую ситуацию опережать, моделируя. Тебя ещё не гонят, но ты уже благословляешь гонителя. Тёща или свекровь молчат, а ты уже ими восхищаешься. Зуб ещё не болит, но ты радуешься, что он уже не болит. Век уже вывихнут, но ты идёшь прямо.

Если Бога нет, это довольно глупо, но Он же есть — и Он не прочь помочь в искусственном раю. Это в настоящем Раю Бог где-то там, деликатно делает вид, что не смотрит, какое такое «Отче наш» читают Адам с Евой. А в искусственном раю — всегда под боком, всегда под Богом.

Если в искусственном аду — воздержание, то в искусственном раю — целомудрие. Как во время воздержания, так и во всё остальное время. Если в искусственном аду — пост, то в искусственном раю — освящение еды, воды и всего, что под кропило подвернётся. В искусственном аду всё — чужое, в искусственном раю всё — Божие, ведь когда что-то освящается и благословляется, оно передаётся в собственность Богу.

Искусственный ад — всегда в той или иной степени монашество, искусственный рай всегда в той или иной степени — свадебное торжество. А то на свадьбе не бывает неприятностей — но к ним относятся совсем не так, как в любой другой ситуации. Свадьба же! Смикшируем!! Не ко мне в гости пришли, к жениху пришли, что я буду портить Ему настроение!!! Понятно становится, почему одному молодому

монаху-невротiku Бог сказал: «Держи свой ум во аде и не отчаивайся». Ад был у монашка совершенно искусственный, «от балды», так и хорошо — недоставало только настоящих страданий! Пожалуйста, тревожься вволю, считай, что всё пропало, — и не отчаивайся, веди себя так, словно ты в раю.

Ты на операционном столе, на смертном одре, — ну, тебе так кажется — хорошо, не будем разубеждать, тем более, что в какой-то момент все там будем — ну так и веди себя на этом столе и на этом одре как Дон Кихот на своём одре. Весело, с решимостью защитить свою любовь, не отчаиваться! Великаны не настоящие, но ты-то настоящий — атакуй мельницы, только мельников не убий.

Вот почему христианская аскеза не только в том, чтобы отвечать на зло добром, но и в том, чтобы отвечать добром вообще на всё подряд. Вот почему христианская аскеза вобрала в себя античную философию, да не одну какую-то, а все сразу, как явление. Не мудрствуй лукаво, мудрствуй нелукаво! Мудрствуй во Христе, в Духе, в Отце, мудрствуй так, чтобы весь мир заурчал и шерсть у него улеглась, и он вытянулся и прижался бы к тебе. Освящай, почёсывай у мира за ушком из последних сил, и тогда явятся силы пост-последние, они же ангельские, и на руках возьмут тебя, и поволокут через игольное ушко... А остальное уже зависит от того, какое богатство мы сочинили себе в нашем искусственном раю — крепко держим в руке золотое яблоко или крепко отвечаем на настоящее зло настоящего вечным добром вечности.

Конечно, искусственный рай может быть фальшивым.

Можно выращивать розу на подоконнике — и это будет настоящий искусственный рай. Раем будет не сама по себе роза, а комната, которая преобразилась, жизнь, в которой Маленький Принц, живущий в каждом, заботится о своей розе. Это будет не настоящий рай — ведь вокруг стужа, грязь, в общем, баобабы, а не розарий. Рай искусственный, а роза — настоящая. Вера, надежда, любовь — настоящие.

Можно поставить на подоконник засушенную розу, под стеклянным колпаком, в вакууме, не нуждающуюся в поливе и уходе — это будет фальшивый рай. Разница как между верой и ханжеством.

27. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ГРЕХА

«И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (Мк 10: 23).

У Иисуса не было какой-то особой «трудовой этики», Он же не был протестантом, да и христианином. Обычная даже не иудейская, а просто архаичная мораль, простая как огурец и незатейливая как грабли. Ровно ту же мораль ясно выразил апостол Павел. В позитивном виде — не заграждай рта у вола молотящего. Плати работнику сполна и вовремя. В негативном виде — кто не работает, да не ест. Что делать с тем, кто не платит? Ну, геенна...

На этом бесхитростном фоне Господь Иисус Христос вышил несколько свойственных Ему парадоксов.

С точки зрения современного активизма Господь был сомнительным идеалом для подражания. Он нимало не занимался помощью страждущим, не бросал для помощи нуждающимся Своего основного занятия — проповеди определённых идей, далеко не простых по форме изложения. Всякие исцеления для Него были только подсобным средством проповеди. В общем, не доктор Гааз, отнюдь; потому доктор Гааз и был последователем Христа.

Парадокса Христа — следствие Его фантастической веры в Бога и не менее фантастического неверия в то, что человечество способно, если очень напряжётся, укусьить собственный локоть. Как в отдалённой перспективе, так и в сегодняшней. Вера в беспредельность Божьей справедливости и неприятие человеческой справедливости — той самой «трудовой этики», которая не помогает тунеядцам и благодарит Бога за богатство, вознаграждающее труды праведные.

Иисусу неинтересно, праведно или неправедно богач нажил деньги. Неинтересно в обоих смыслах, Он явно исходит из предпосылки, что — праведно. Всё равно — не делишься с Лазарем, так пошёл в ад. Накорми голодного, сука, пока не помер! Да не голодный пока не помер — ты пока не помер!

К голодным Иисус не обращается и причинами голода не интересуется. Это, между прочим, очень типично для аграрного архаического общества, в котором голод — закономерность, а сытость — счастливая случайность. Любое процветание висело на тоненькой ниточке.

Кто не работает, да не ест — сказано именно потому, что в таком обществе еда часто вовсе не у работающих, а у воюющих, правящих. Забавно, но в древних социумах не считали управление работой. Это сейчас «менеджмент» — почётная профессия, а тогда всё было как-то откровеннее — работа удел рабов, включая рабов, которые управляют рабами, сочиняют и исполняют музыку, высекают статуи и секут, опять же, рабов. Свободный человек не работает! Он воюет и отдыхает между воеваниями.

Павел не подвергает сомнению нормальность такого общества, он всего лишь настоятельно рекомендует не завидовать юлиам цезарям, а пахать. Работать. Вкалывать. Мораль дяди Тома. Она противостоит не морали Спартака, а морали Иуды, это важно понимать — и в «Кабине дяди Тома» (на английском именно «Кабина», не хижина из прутьев, а нечто вроде наших дачных домиков) дяде Тому противопоставлены подлые и гнусные рабы, которые презирают собратьев по несчастью, угнетают их хлеще любого рабовладельца.

Иисус призывает кормить голодных не потому, что голодные хорошие и достойные люди, а потому что Бог — голодный. Бог изголодался по человечности — прояви её.

Современное общество сложнее. Не «современный человек»! Человек остался прежним, но человечество изменилось — и это изменение есть результат того, что Христос не верил в человечество, а верил в Бога. Так корабль во льдах раньше двигался, заноса якорь на сотню метров вперёд и накручиваясь на этот якорь. Потому «якорь спасения».

Современное общество сложнее не всюду. Собственно, «современность», «общество» — это не в каждой стране. Уровень «современности» измеряется производительностью труда, качеством труда и, соответственно, качеством жизни. Физиологически потребности людей всюду одинаковы. Однако, в современных странах производительность труда в разы выше, чем в несовременных (не путать с «не современными»).

В США производительность труда в 4 раза выше, чем в России. Российские эмигранты — кто с ужасом, кто с восторгом — прозвали Америку концлагерем с усиленным питанием. Какой месячный отпуск?! Какое три года сидеть с ребёнком?!

И вот американцы шлют, по чистой христианской любви, гуманитарную помощь голодным русским. Как же — накорми голодного! Голодный учавкивает эту гумпом и идёт вкалывать. Что там в России наевшийся производит? Колючую проволоку, бомбы, отравляющие вещества. Если он учитель — производит кадетов, санитарок и прочих юных застрельщиков американского, украинского, сирийского будущего.

Есть производительность труда, а есть производительность греха. Грех — это не только пьянство, наркомания и прочее ничегонеделание и растрата ресурсов. Это полбеда. Ну, не делает ничего человек, просто сосёт кровь и деньги из окружающих. Даже в современной России таких людей — не ужасно много. То есть, их несравненно больше, чем в нормальных странах, но прокормить их вполне посильно. Так ведь есть ещё грех милитаризма, грех пропагандистской лжи. О грехе казнокрадства речи нет — это грех традиционный и небольшой. Не от казнокрадства Россия — страшный сон человечества, а от того, что оставшиеся в казне деньги, не украденные никем деньги идут на людоедство и кровопийство в планетарном масштабе.

Это — политика, а не религия? Это и не политика, и не религия, а печальная правда, которую российские вежливые работающие человечки пытаются скрыть неустанной ложью о людоедских замыслах американцев и прочих европейцев. Хорошо было при царе — просто и откровенно завоёвывали окружающих. Хорошо было при Ленине и до Горбачёва — просто и откровенно боролись с капитализмом. Окружающие, капитализм — это реально. А вот намерение Запада поработить весь мир — нереально. Милитаристский миф.

В этом контексте пьяница, наркоман и тунядец — почти святой, апофатический святой. Он хотя бы ни на кого бомбу не роняет. Некоторым надо платить, чтобы ничего не делали, привычного для них. Так ведь они же и не согласятся. Это ещё счастье, что в России производительность труда во столько раз ниже нормальной — а то бы жертв российского милитаризма было бы в разы больше. А так то ракета не взлетит,

то отравляющие вещества стухнут. Тем не менее, в XXI века только Россия, пока над ней хихикают, умудрилась расширить свои границы, и здорово расширить.

Политика по определению разнообразна, милитаризм однообразен. Однообразная лживость, пакостничество, крысятничество и прочие прелести солдатчины. Может быть, самое неприятное — в современной России — казарменная набожность. Вместо портретов Ленина опять в казармах иконы. Христа жалче, чем Ленина, Христос не заслужил... Он ведь не только сказал накормить голодного, но и щёку подставить. Представляете, что сделали бы с реальным Иисусом в реальной конкретной российской казарме? Ну, а так делают с Иисусом символически. Опускают Христа, прямо скажем. До своего уровня и ниже.

А всё-таки Христос воскресает и повторяет. Голодного кормить не потому, что он хороший, а потому что голодного надо кормить. Вооружать голодного — не надо! Самому тоже не надо вооружаться. Если есть деньги на оружие — раздай нищим, спали в печке, что угодно, но не на оружие. И не бойся, что тебя Россия или Америка завоюет. Ты же верующий, так? Выбирай — как говорил Бердяев — либо вера, либо атомная бомба.

Тут уже не российская проблема начинается. Вот если все западные, свободные страны избавятся от атомного оружия в одностороннем порядке — что, они обречены на завоевание людоедскими странами, у которых атомные бомбы останутся? Значит, не разоружаться?

Казалось бы, какая связь трудовой этики, благотворительности и вооружения! Да вот Христа распяли-то не безоружные. Безоружным бы это не удалось, женщины бы Иисуса отбили.

Невидимая, но осязаемая грань отделяет христианскую этику от нормальной. На 99% они совпадают, конечно. Работать, вкалывать, не рассчитывать на дядю, а быть «дядей». Руководить, творить, изобретать, читать, писать, рисовать, разносить пиццу, читать лекции, мыть полы и посуду (но не одной тряпкой!), ставить эксперименты, пасти овец, решать уравнения, преподавать, шить, — в общем, обычная мормонская или кальвинистская мораль, если подыскивать наиболее яркие христианские модели. Разбогатеешь — не пыжься, это уже из

православной модели, понимай, что твоё богатство далеко не только твоё, но ещё и Его и тех, кто Ему дорог, и что семья есть не только у тебя, но и у Него, и эта семья — все.

Только вот ещё: не убий никого и никогда. Работа на войну, работа на угнетение и порабощение, у которых всегда смерть последний аргумент, невидимый фундамент — это работа не для христианина. Это грех. Чем производительнее грех, тем хуже. Как и высокая производительность у сутенёра, у государственного лжеца, у политических (да и не только политических) людей лёгкого поведения, не к ночи будь помянуты, у изготовителей колючей проволоки — и не только из металла, но и из законов, предписаний, инструкций. У изготовителей и у исполнителей смерти и несвободы. А ведь как они любят кормить голодных, слов нет! Любят и умеют изготавливать нуждающихся, болящих, спившихся от тоски и несвободы, а потом этих несчастных десятилетиями поддерживать в безумном состоянии созависимости от гнусной и порочной власти. Как сказала святая Евфросиния Керсновская, «умереть не дадут, но и жить не позволят». А если кто попытается жить — убьют, это они умеют, это их основное занятие. Или посадят, как ту же св. Евфросинию, которую в норильские рудники отправили, так она там норму перевыполняла. Потому что христианка!

У надзирателей и у их овчарок нет производительности труда — только производительность смерти. Вот тут и появляется собственно христианская работа — производительность воскресения, любви и надежды.

28. НЕСЕНИЕ КРЕСТА

«И, подзвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк 8:34).

Любая аскетика, будь то аскетика через выработку у себя способности в самых райских условиях не благодушествовать и в самых адских условиях не озлобливаться, есть дело личное. Собственное решение собственных проблем.

«Несение креста» — решение проблем другого, других.

У Андерсена человек посылает свою тень, свою тёмную часть, к принцессе. Заканчивается тем, что тень женится на принцессе и приказывает казнить человека. Мораль проста: любимый человек заслуживает твоей подлинной, светлой натуры.

Любовь Божия посылает к человечеству Свою подлинность, Свой Свет, Сына, который Отцу дороже Себя.

Сын просит от Своих последователей только этого. Не замыкаться в себе, идти за другим. За другим с маленькой буквы, за Другим с большой буквы. За его болью, за его страданием, за его проблемой.

То, что «несение креста» стало в русском языке синонимом терпения, это чистое недоразумение, недопонимание. Как «нищий духом» стало обозначением дебилов, а не святых.

«Свой крест» это не свои проблемы. Разве Христос взял крест, потому что у Него были проблемы? Проблемы были у нас. Мы дерёмся, а у Спасителя кости трещат. Он взял наш крест, который мы заслужили. Перехватил.

«Несение креста» не есть исполнение неприятного долга. Чистить зубы, ходить на работу, не ругаться на тех, кого нужно бы обругать, не бунтовать, — это не несение креста. Иногда это просто жизнь, иногда, кстати, и грех (бунтовать между по-разному, отвечать на зло добром это страшнейший бунт, с точки зрения зла). Это не долг, это просто жизнь. Никто никому ничего не должен.

Никто никому ничего не должен, поэтому несение креста и есть несение креста, а не исполнение долга. Другой болеет — он не крест несёт, а болеет, это его болезнь. Ты можешь ему помочь и помогаешь — так и это не несение креста, а просто

помощь. Несение же креста – когда другой болеет, а ты ему ничем помочь не можешь, хотя и хочешь.

Здесь тайна подражания Христу не как аскету, который сорок дней постился в пустыне, не как уравновешенному проповеднику, который и столы менял опрокидывал без истерики, а и слова «ехидны» произносил не ехидно, а просто использовал все средства наглядной агитации и пропаганды, а подражания Христу как Тому, Кто нёс крест, хотя это было совершенно бессмысленное занятие. Кому от этого стало легче? Ну последовал бы уговорам близких, того же кузена Якова, да и Мамы, ну пошёл бы не в Гефсиманский сад, а взял бы на север, к автобусной стоянке около Сада Гордона, сели бы все в автобус и в Иерихон, что ли. Остался бы жив.

Несение креста бессмысленно и бесполезно – именно поэтому несение креста и только оно есть высшая степень обустройства верующего в мире. Когда все аскетические упражнения упражнились, когда душевное равновесие уравновесилось, когда спас сам себя, так что тысячи вокруг тебя начали спасаться, — и вот тогда-то и говоришь, как советовал Господь, что ты ничегошенько-то не сделал, не достиг, и самое главное впереди. Это так по той простой причине, что грех и зло – бессмысленны, и отвечать на грех и зло такими осмысленными делами как аскетика и филантропия совершенно бесполезно.

Адам и Ева согрешили не потому, что забыли помолиться, нарушили пост или не напоили страждущего змия. Они согрешили не «потому что», а просто согрешили. Бессмысленно и беспощадно. Они отказались нести крест, который несёт Бог. Это крест всякого творца, всякого созидателя, всякого, кто любит другого более себя. Крест любви, крест свободы, крест бессилия – ты ставишь себя целиком в зависимость от того, кто может избрать ненависть, рабство, насилие. И вот он избрал – что делать? Ничего. Просто страдать от того, что бессмыслица восторжествовала над смыслом.

«Нести крест» — все равно, что «нести электрический стул». Крест — неподвижность, «нести крест» означает «стой всякий, кто идет». Почему есть неправда в фантазиях, которые изображают Иисуса, идущим по миру в обличь современного человека, на которого никто не обращает внимания, и есть правда Достоевского: если Иисус придет в таком обличь, Его

дом — тюрьма. Заметят! Никто Ему разгуливать не даст. Иисус — на кресте, и следовать за ним означает быть вкопанным в землю рядом и «следовать» разве что духом — в Царство Божие. Так что «нести крест» означает не страдать, не быть бедным, а только — отвечать на зло добром и (для тех, кто умудрится сделать подлинное добро) прощать тех, кто на добро, пришедшее в мир через нас, отвечает злом. Обычно размышляют над тем, что Христос призвал взять крест. Но Христос призвал взять крест и идти, и не вообще идти, а за Собой. Свой крест есть у каждого, и большинство несет этот крест в противоположном от Христа направлении.

Между прочим, с правой точки зрения крест является собственностью не распинаемого, а распинателя. Так что мы поклоняемся собственности административно-хозяйственного управления 5 когорты 6 легиона личной его императорского и принцепского величества армии. И колесо святой Екатерины казённое имущество. И стакан с цикутой, который дали Сократу, с точки зрения Сократа был наполовину полон, а с точки зрения завхоза, который наливал цикуту, был наполовину пуст — сэкономил общенародное достояние, видел, что Сократ хилый, ему и ста грамм хватит, чтобы отбросить копыта. Оказался прав.

Много их было и есть — палачей, которые полагают, что «возьми свой крест и следуй за Мною» есть призыв распинать злодеев. Добро должно быть с кулаками, с крестами, с револьверами, с бомбами — лишь бы следовало за истинными высокими идеалами. Почему так получается, о Доброс-Кулаками, что ты вечно оказываешься на подхвате у сатаны? Может, это потому, что обзаведшийся бомбой заботится прежде всего о том, чтобы никто эту бомбу не мог отобрать, чтобы утвердить своё право на бесконтрольное использование бомбы? Ну в самом деле, может ли нищий советовать богачу, куда вкладывать деньги? Может ли не имеющий бомбы советовать имеющему, куда засовывать бомбу?

Самое трудное — делать именно то, что говорит Иисус, не финтя. Образ предельно ясный. Три глагола. Отвергнись, возьми, следуй. Ты неподвижен — начинай двигаться. Ты статуя, идол, окаменевшее величие собственного эго, — сбрось эту статую с пьедестала. Не можешь сбросить (что не исключено, уж очень забронзовела), просто плюнь и начинай движение.

Куда? А куда хочешь, главное — подальше от себя-идола. И не размахивай руками! Тебе же сказали — «возьми крест». Да не тот крест, который нательный или наперстный. Поперечину тебе на Голгофе выдадут, а ты бери вот это бревно. Что значит, чем это от субботника отличается? Ничем, разумеется! Субботник был пародией на Евангелие.

Так что берёшь вот это бревно — в центре тяжести, один берёшь, у нас-то не пародия — и идёшь. Оно кажется тебе надутым? Ну, в общем, оно, конечно, надувное... Главное, как и было сказано, занять твои ручонки шаловливые. Чтобы никому подзатыльник не дал ненароком, чтобы не вскидывался в нацистском приветствии и не подымал длани для благословений. А как говорить, если руки заняты? А ты помолчи. И иди, иди, иди... Движение всё, цель — ничто, поскольку цель — это ты сам и есть... Станет тяжело — скажи. Захочешь присесть и отдохнуть — скажи. Захочешь в туалет — скажи. Слушай, всё это затеяно исключительно ради того, чтобы ты научился говорить с Богом, ну не ради же таскания этой балясины с места на место!

Главным врагом становится тот, кто советует разжать кулаки — а это Он, Христос, и есть?

Древние спартанцы, сидя за древними партами, хором повторяли за учителем: «Со щитом или на щите. Со щитом или на щите». Кто произносил «ша» вместо «ща», тому привязывали лисёнка на шею и сбрасывали со скалы.

Христианину же следует выбирать — со крестом или на кресте. Да, в Церкви почитают тех, кто распинал Христа — потому что они раскаялись и предпочли оказаться на кресте, а не со крестом.

Добро не должно быть с кулаками, должно не должно быть у подножия креста с епитрахилью и крестом в руках, вознося молитвы о раскаянии казнимого и прощении ему грехов, добро не должно быть разумным в использовании силы. Добро должно просто быть. Беспомощное, агонизирующее, бессмысленное, не могущее ничем никому помочь, не в силах сойти с креста, но и не желающее бросать крест. Ответ великой бессмыслицы Бога Любви на ничтожный смысл тьмы, ненависти и зла. Ответ беспомощности, когда можно отвечать лишь собой, не каким-либо действием, и знаешь, что ответ не поможет, но другого пути нет.

29. ВОСКРЕСЕНИЕ БЕЗ ДУХА — БЛАГОДАТЬ НА ВЕТЕР

«Бог не есть Бог мёртвых, но Бог живых» (Мк 12:27).

Воскресение — очень позднее заимствование в иудаизме. Фарисеи в воскресение веровали, саддукеи — нет. За неверующими в воскресение правда древней традиции и здравый смысл. Ещё патриотизм: зачем заимствовать-та?

Только вот патриотизм сам — заимствование. Всё коллективное — заимствование. Ничего плохого в заимствовании нет, без него прогресса не будет, только желательно знать источник, а если требуется, оплачивать авторские права. Авторские права на веру, на религиозные идеи вроде бы не оплачиваются, разве что распятием или побоем камнями. Автор — всегда личность, человек, единица. Гордятся же — всегда многие, коллектив, народ. Это всегда смешно с точки зрения думающего человека, а иногда граничит с кощунством.

Всякий народ считает себя избранным, богоизбранным. Мы и древнее всех, мы умнее, изобретательнее, добрее, красивее, мы несчастнее всех, но мы и терпеливее всех, лучше всех умеем из кидаемых в нас помидоров делать кетчуп.

Бог избрал Авраама не потому, что тот был Эйнштейн. Прямо наоборот. Избрал «неможное мира», как выразился один еврей, и через всю историю Израиля это тянется — не лучшие, а худшие, не сильнейшие, а слабейшие, чтобы всем было очевидно, что победы — от Бога, а не от большого ума или великолепной армии. Если уж евреи что-то изобрели, так это послушание Богу. Но изобретатель редко сам пользуется своим изобретением. Не писатель изобрёл письменность, Элисон не пел на фонограф. Что ж, всё логично и разумно: передай добро по кругу.

Евреи заимствовали всё: письменность, язык, законы, праздники, даже идолов не брезговали воровать, саму землю заимствовали — ну, как бы по воле Божией. Бог же сказал — веруй в Меня, и у тебя многочисленное потомство в роскошной, изумительной земле.

Бог-то сказал, но что именно сказал Бог? Что Бог имел в виду? Сплошь и рядом Бог говорит одно, а потом всю жизнь

выясняешь, что же Бог имел в виду. Обычно совсем не то, что подумалось вначале, именно потому, что в начале ты был далёк от Бога, ты был с Ним еле знаком, понимал Его плохо, считая Бога чем-то вроде самого себя, только покрупнее, ты истолковывал Слово Божие в угоду своим представлениям о мире. А пожил — и, если не просто крутил педали на велотренажёре, а куда-то двигался, то стал лучше понимать Бога.

* * *

Вера в воскресение отсутствовала у Авраама, Исаака, Иакова, далее везде вплоть до Екклесиаста, который вполне садукей и в воскресение нимало не верит, а только удивляется, что с человеком после смерти? Как с животным — то есть, никак, или что-то другое?

Впрочем, Екклесиаст всё-таки это Авраам уже сильно повзрослевший. Это Авраам, который очень скептически относится к потомству. Исаак вырастет и будет Исаак, а не Авраам! Какое там бессмертие в потомстве — дай Бог, чтобы эти детки не свели тебя в могилу преждевременно. А ведь на бессмертии в потомстве держится вся идея Земли Обетованной и многочисленности песка на пляже. Если Бога нет, то на пляже будут нежиться финикийцы и прочая нежить, но Бог есть, так что пляж будет как кильками забит потомками и потомками Авраама.

Ага, а сам Авраам будет сидеть в доме для престарелых на 12 этаже и смотреть телевизор. Вот счастье-то!

Формально, если по-детски наивно относиться к словам, Иисус совершенно вздорным, идиотским образом выводит из выражения «Бог Авраама» идею воскресения. Аксиома: мертвецы гадость, табу, падаль оскверняет. Следствие: Если Авраам мёртв, то Бог Авраама это Бог падали, Бог скверны. Вторая аксиома: Бог свят, а не гадость. Вывод: следовательно, Авраам не мёртв, он был мёртв, но воскрес.

Идея воскресения есть идея очень творческая, очень новая, она плохо стыкуется как с иудейскими, так и с любыми языческими представлениями о жизни, мире, человеке. Древнейшая часть Библии исходит из того, что человек либо жив, либо человека нет. Вообще нет. Остаётся разве что тело. Жизнь есть дыхание. Есть дыхание человеческое, есть дыхание Божие.

Бог вечен, Он дышит всегда. Человек перестаёт дышать — всё, точка. Счастлив человек, который успел завести потомство — его дыхание теперь осуществляют его потомки.

У соседей евреев взгляд чуть иной, поутончённее (и Екклесиаст уже разделяет этот взгляд): не столько дыхание, сколько душа. Душа человека отличается от души Бога. Душа, жизнь человека — психика, душа и жизнь Бога — пневма. Эта конструкция неплохо ложится на миф о творении человека из глины плюс дыхание Божие. В человеке тогда есть три части: тело (глина, «адама»), душа и Дух Божий. Дух, душа, тело. Смерть — это уничтожение тела, возвращение Духа Божия к Богу, а неуточжимая, бессмертная душа мается где-то там. В серости. Шеол. Елисейские поля. Она — бессмертна, ей даже воскресать не нужно. Кровушки бы попить!

Воскресение при этом оказывается перемещением из серости в свет, из бескровности в полнокровность Авраама, да просто, наконец, попить кровушки — ну, небесной такой кровушки, типа амброзии, древнейшая мифологема: вечность это всего лишь бесконечная сытость и напоенность.

Под всем этим нешуточный духовный прорыв. О, совершенно не религиозный — человек открывает себя. Я — Авраам, но именно поэтому Исаак — не я. Многочисленное как песок потомство так же не я, как песок в почках, и так же мешает жить. Как горб. Как шест-балансир в руках канатоходца, когда канатоходец ходит не по канату, а по улице, в магазин за хлебом, в час пик — ну зачем ему шест? Вот оно — «всё суета сует и всяческая суета» — всю жизнь мы сооружаем себе шест подлиннее, помассивнее, подрагоценнее, а потом удивляемся, почему жить так тяжело, почему все от нас шарахаются и держатся на отдалении, но при этом всё равно мешают.

Вера в воскресение есть отрицание воскресения себя в потомстве, воскресения себя в своих стихах, прозе, симфониях, монументах. Вера в воскресение есть неверие в то, что другой может меня заменить. У нас незаменимых есть!

* * *

Иисус не производит никакой революции этим замечанием. Не Он внёс в мир идею личности, Он пришёл в мир, где ощущение себя как незаменимой личности уже нащупывается.

Всего лишь нащупывается, но Бог не ждёт, пока всё будет готово — не будет готово, если Он не придёт как можно быстрее.

Бог вообще поступает как американские филантропы (исторически, конечно, наоборот): даёт доллар, если нуждающийся вложит свой доллар. Может и десять долларов на один доллар дать. Сто долларов на один цент. Пропорции разные, смысл один: жизнь есть товарищество на вере. На вере, но — товарищество. Если ты лишь просишь пожертвования на храм своей религии, а сам не жертвуешь, значит, ты неверующий на самом деле.

Иисус не борется с коллективизмом. Коллективизм, родовое сознание, оно же национальное, сектантское, партийное и т.п., — слабый враг, детская болезнь, пройдёт по мере взросления. Иисус борется со смертью. Борется не тем, что умирает, упаси Бог! Умереть дело нехитрое — оба разбойника, распятые с Ним, умерли, да и распинавшие Его умерли, и Понтий Пилат, все умерли, вот такие чудеса. Иисус борется со смертью тем, что ловит смерть и вытаскивает её за шкурку оттуда, где она притаилась — а притаилась она в той самой личности.

Смерть коренится вовсе не в государстве, не в организациях, даже не в семье. Эти благородные институты хранят смерть, пользуются смертью, убивают, но смерть в них не живёт ввиду их полного отсутствия. Они же абстракции.

Смерть смертствует в человеке. Вот что с самого начала звучит в Евангелии инфразвуком.

— Преврати эти камни в хлеб, — говорит смерть Иисусу.

— Закон Божий попей и Любовью Божьей закуси, — говорит Иисус (обращается, заметим, не к смерти, а к нам — к жизни в нас). — Этот хлеб Мой Закон, это вино моя Любовь.

— Защити ближнего, ударь, — говорит смерть.

— Подставь щеку, — говорит Иисус.

— Жизнь она в чём, брат? — говорит смерть. — Жизнь она в деньгах!

— Блаженны нищие духом, — говорит Иисус. — Брось ты свой шест, если привык что-то таскать — возьми вон то бревно, перекладину от Моего креста, всё меньше беспокойства окружающим будет.

— Труп жив! — говорит смерть. — Только окоченевшая, умершая жизнь есть настоящая жизнь! Пошли на могилку праведника помолимся!

— Живой труп... — говорит Иисус. Впрочем, нет, это говорит Лев Толстой и ещё Николай Васильевич Гоголь из-за его широкой спины шепчет: «Мёртвые души... Я в гробу живее всех живых, не потому, что я жив, а потому что все живые мертвее мёртвых...».

— Мавзолеи вы в побелке! — в сердцах бросает Иисус. — Одного купоросу сколько ушло... А внутри...

— А внутри будешь Ты! — отвечает смерть и подзывает свою троицу: Иуду, первосвященника и Пилата. Трус, Бывалый и Балбес.

Иисус живой внутри смерти, тогда как мы мертвы внутри жизни. Сошествие во ад началось в день Рождества, и этот ад — личность, которая не хочет обрести лицо, хочет стереть даже то слабое подобие лица, которое у неё намечается, хочет родиться обратно, а это и есть смерть духовная, а иногда и убийство духовное — когда другого рожают в рабство, в ответственность, в подчинение.

* * *

Воскресение начинается задолго до того, что произошло в Иерусалиме две тысячи лет назад. Да и что тогда произошло? Разве это чудо — воскресение Христово? Это норма жизни. Вот наше воскресение — это будет чудо! И будет, и есть. Когда живой труп перестанет командовать. Когда мёртвая душа отпустит крепостных рабов на свободу. Когда забравшийся внутрь безопасности и стабильности выльпится на волю.

Это называется благодать. Воскресение первой ступенью имеет исчезновение Бога из гробницы, второй — исчезновение Бога с глаз наших долой, третьей — Пятидесятницу, появление Бога в нас, над нами, вокруг нас как невидимого огня, согревающего озноба, понимания всего и умения всем всё объяснить, остаться непонятым, самому не понять, что ты такое сказал, как на тебя Дух сошёл — и это всё и есть жизнь.

Отправная точка духовной жизни — открытие в себе Кого-то, Кто вовсе не ты, но Кто делает тебя тобой. Дух Божий. Сила. Мана. Благодать. Есть это — есть я, нет — я мёртв. Точнее, когда я мёртв — этого нет.

Вера в воскресение есть шаг вперёд, шаг в пропасть. Это вера в то, что совершенно недостаточно быть собой, чтобы

быть собой. «Да пребудет с тобою сила»? Ну, есть она со мной, и что с того? Врагов победил, вселенную спас, мир приобрёл, — и что? А ничего! Смерть. Мертвяк. Оказывается, тот Дух Божий, который делает меня живым, этот же Дух высвечивает, что вовсе я не жив. Какой там шеол-меол, Елисейские шанзелIZE и прочие исподние! Мне до ада расти и расти!

Благодать, Дух Святой — это, конечно, некоторая данность, без которой человек просто физически уже не человек. Можно ли эту благодать, силу, передать — то, что Библия называет благословением? Да конечно! Хорош ли этот подарочек? А вот это совсем другой вопрос! Мы думаем, что Святой Дух — гарантия получения Святой Земли, но разве Духу прикажешь? Книга Иова — тоже ведь о благодати, не о той благодати, которая даёт материальные блага, а о той благодати, которая пробуждает в богаче богослова, в счастливом — мудрого, в мудром — верующего.

Человек не горшок, куда можно засыпать камней — и останется место для песка, засыпать песок — останется место для воды. Человеку нужен воздух Божий — и деньги, успех, дети, всё то, что принято было называть «благословение Божие» — они вытесняют этот самый Воздух Божий. Бог в человеке начинает задыхаться от человеческого благополучия.

Воскресение без благодати — человечность на ветер. Дух Божий в человеке без человека в Духе Святом — божественность на ветер. А есть Дух Божий — так уже и воскресения не нужно, уже на вопль «Христос воскрес!» отвечают: «Человек воскрес!» Победены стражи, которых мы выставляем себя сторожить, чтобы нас не обидели — и которые не пускают душу наружу. Сорвана печать, которой мы опечатываем свою жизнь, чтобы сохранить равновесие и присутствие духа — и дух, задохнувшийся в сейфе безопасности, охватывает и несёт. Приходят друзья, близкие, любящие нас и спрашивают, где же труп, который мы так любили, с которым жили, который хотим вот маслом помазать, чтобы смердел поменьше, а им в ответ: а его тут нет, он живой, ждёт вас, догоняйте!

30. ТРОИЧНОСТЬ, БОГОЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

«И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте» (Мк 9:7).

Символ веры не упоминает Троицу, не называет Иисуса богочеловеком, даже не говорит «верую в Бога Духа Святого», просто «верую в Духа Святого». Самые умные и боговдохновенные из святых отцов хотели упоминание о том, что Дух Святой — Бог, но вселенский собор струсил. Вселенский собор можно понять!

Даже и в наши дни большинство христиан не понимает веры в Троицу и в богочеловечность, а многие христиане — именно христиане, настоящие — прямо отвергают веру в Троицу и веру в богочеловечность, как её формулирует так называемый «халкидонский догмат» V века. Например, вся Армянская Церковь — формально она еретическая, неправославная. Хотя, как сказал один очень православный мудрец (Никита Струве): католики формально не еретики, а еретики, армяне формально еретики, а — не еретики.

Историки (и «простые люди» с высшим образованием) говорят о трёх мировых религиях, «авраамических», «религиях Книги» — христианство, иудаизм, ислам. Но ведь ни один иудей, ни один мусульманин не считают христиан монотеистами. Христиане с их точки зрения многобожники — именно из-за веры в Троицу.

Казалось бы — почему бы не вернуться к христианству первых двух столетий? Именно это пытаются сделать Свидетели Иеговы. Вообще не использовать слова «Троица». «Да и нет не говорите». В православии по сей день во многих церковных гимнах Иисус называется очень скромно — всего лишь ангелом. «Предвечного совета ангел». Да и «сын Божий» — вовсе не «Бог» в первоначальном смысле слова, как «сын сатаны» — отнюдь не сатана. Просто в древних языках словом «сын такого-то» возмещали недостаток прилагательных. Не «светлый», а «сын света».

Была чистая вера первых христиан, а потом пришли — далее можно подставить самые разные имена: апостол Павел,

Ориген, Василий Великий, — в общем, пришли всякие разные и всё изменили. Может, из этого вышло количественное прибавление, а качество, качество?! Предали веру Авраама! Не монотеисты, а тритеисты!

* * *

Слово «троица», «триада» вошло в мировую культуру через греческого мыслителя начала III столетия Плотина. Правда, оно вошло с лёгкостью необычайной, потому что мышление в значительной степени основано на умении мыслить «трёх-тактно». В России это когда-то даже в школе детей заставляли выучивать: тезис, антитезис, синтез. Бог Отец — тезис, Иисус — антитезис, Дух — синтез. Очень красиво, даже кажется, что мы что-то начали понимать! Только это ошибка. Учение о Троице не помогает пониманию, оно не начало понимания. Прямо наоборот: оно взрывает ту видимость понимания, которая есть в учении о Единстве Божиим. Чего ведь проще и понятнее: один Бог! Все другие «боги» — в кавычках, ненастоящие, иллюзии.

Если бы христианство было тритеизмом, верой в трёх богов — оно было бы проще монотеизма. Но христианство — это монотеизм, как бы ни уверяли себя в обратном иудеи и мусульмане. Может ли вера в Троицу стать извращением монотеизма, верой в трёх богов? Конечно! Но извратиться может всё. Как вера в Троицу в наименьшей степени служила причиной для извращения веры в Единство Божие. Суеверы от христианства иногда веруют в трёх богов — Христа, Марию, Николая Чудотворца, иногда — в блаженную Матронушку, преподобного Сергия и в Христа, но уж меньше и реже всего они паразитируют на вере в Троицу. Слишком сложно и абстрактно.

Учение о Троице призвано не разъяснить, а описать. Не напасть на монотеизм, а защитить монотеизм. Если никто не нападает — ну и ладушки, можно о Троице не вспоминать, и большинство христиан о Троице никогда и не вспоминает, не говорят уж о «богочеловеке». Единственное — постоянное упоминание «Отца, и Сына, и Святого Духа». Это словосочетание потому и упоминается в молитвах так часто, что люди отгораживались от тех, кто Троицу отрицал — у тех были другие формулы: «Отца через Сына в Духе Святом». Человек

входил в церковь, слушал, какой именно формулой заканчивается молитва, и сразу понимал, он среди «своих» или «чужих». Но понимать Троицу он не начинал по любому! Учение о Троице как раз защищает непонимание, оно в этом смысле более любых других догматов христианства соответствует самой передовой форме атеизма — агностицизму, которая что видит, то видит, а гипотез на этом основании не придумывает.

* * *

Что же видит верующий в Троицу? Да всё то же: невысокий — метров полтора — разлапистый холм, Иисус, свет, в ушах звенит «Это Мой Сын», рядом вроде бы Моисей и Илия, но кто их разберёт, ведь ты весь в этом оглушительном звоне и ослепляющем свете. Потом всё проходит, и опять невысокий — метров полтора — разлапистый холм, рядом старые друзья, Иисус... Хотя какой Иисус? Да и какой холм, очнись! Улица, аптека, ларёк с газетами, прохожие, девочка с воздушным шариком...

«Троица» — это ведь не про то, что разобрались с Иисусом — Он богочеловек, Сын Божий, переходим к высшим тайнам. «Троица» — это продолжение попыток описать Иисуса. Опыт Бога есть опыт присутствия отсутствующего физически Иисуса, присутствия вполне физического — благодать, Дух Святой это же затрагивает меня, а я не струйка дыма, я это моё тело прежде всего, я цельное явление. Вот и пойми — как это так, что Иисуса нет, а ведь Он есть. Исчез? Это деньги со счёта исчезают, а Иисус не исчез!

«Христос», «Машиах» — это описание Иисуса по отношению к сообществу людей, к группе, нации, всему человечеству.

«Богочеловек» — это описание Иисуса по отношению лично к себе.

«Сын Божий» — описание Иисуса по отношению к Богу.

«Троица» — описание Иисуса по отношению к Духу Святому.

«Троица» — это описание Бога как победителя всякого иерархизма, победителя всякой власти, всякого неравенства, всякого отчуждения. Победа над разобщённостью не через единичность, а через единство. Победа над отчаянием человека, над попыткой человека самого себя сделать иерархией, ввести

бурю собственной внутренней и внешней жизни в чёткие рамки — попытка такая всегда ведёт к самоокаменению, к утрате себя. Да-да, как и во всех других случаях, описание Бога есть прежде всего описание себя. Ничего страшного, напротив, это и есть то, чего хочет от человека Бог, сотворивший человека по Своему образу и подобию. Это победа над антропоморфизмом, который пытается понять Бога и потому описывает Бога как человека, тогда как надо описать Бога, чтобы понять человека.

Драма веры — не только христианской — что часто описание есть, карта составлена, а движения по местности нет. Тогда начинается «идолопоклонство», «формализм». Человек вроде бы верует в Бога — но толку в этой вере нет, он ведь не молится, не живёт по заповедям. Так — просто вместе со всеми принадлежит к некоей традиции, к традиции иметь на стене карту — карту Америки, или Израиля, или России. Как российские демократы одно время вешали на стену портреты Ганди или Хемингуэя. Понятно, что из этого реальной борьбы за реальную демократию не выходило, уж очень Ганди с Хемингуэем не имели отношения к российской реальности. Только многие спились, думая, что у Хемингуэя «выпивка» — это стакан, а у него «выпивка» — это 50 грамм всего.

Христианские мыслители потому ухватились за слово «троица», что именно тогда, в III веке, начался количественный рост верующих, в том числе, ко Христу стали обращаться и образованные люди, и очень высоко образованные. Для них было очевидно, что вера в Единого Бога и вера в Христа одна вера, но на уровне языка — это два разных языка, две разные веры. Вновь встала та же проблема, что у самых первых учеников Христа: кто Он? Сказать «Бог» — язык не поворачивается, но «сын Божий» — сказать легко, а ведь не то, не совсем то... Есть какая-то новизна, и в этой новизне новая жизнь, новый факт веры, в этой новизне смысл воскресения и вознесения, сошествия Духа тогда и сейчас...

Греческая цивилизация — иногда её называют греко-римской, но всё-таки в античном симбиозе Афин и Рима культурная, словесная часть была прежде всего делом греков — греческая цивилизация была намного более развитой в информационном отношении, чем цивилизация Израиля. Больше текстов, больше диалогичности, больше пишущих

и читающих людей. Совсем другой уровень, качественно намного выше. Поэтому и подчёркивал апостол Павел, что Бог начал спасение не с греков — не с профессором, а с первоклашек. Первоклашки лучше профессоров только одним — у них чувства острее, они более чутки к происходящему вокруг, они — ходячий опыт, локаторы, наблюдатели. Профессора — осмыслиют этот опыт, опыт своего собственного первоклашничества. Или чужого.

Что греки стояли на более высоком уровне информационного развития, не означает, что они были лучше или умнее евреев. Просто в истории всё стоит на неравномерности развития и достижений. В III веке греки стали осмысливать опыт, полученный благодаря вере в Иисуса — вере вполне иудейской. Собственно, «более высокий уровень» означает прежде всего более высокую степень открытости чужому опыту — открытости не наивной, а критической, умеющей разделять истинный опыт и отвергать ложный. Вот греки и разделили веру в Иисуса, но стали осмысливать её, пользуясь развитым языковым аппаратом своей философии, своей литературы. Так и появилось учение о Троице и богочеловеке, сами слова появились. Изменилась ли вера? Конечно, нет. Двухлетний ребёнок потерялся в магазине и плачет: «Мама пропала!» Его спрашивают, как маму зовут, а он прямо и твёрдо говорит: «Маму зовут мама!» Всё просто как «Бог един». Пройдёт 60 лет, сын будет искать потерявшуюся в магазине маму, у которой тяжёлый Альцгеймер, и он будет говорить, что ищет Сидорову Марию Ивановну, 87 лет, рост такой-то, глаза такие-то... И это будет та же самая мама!

«Троица», «богочеловек» — эти слова расширяют наш, верующих, словарный запас. Они не изменяют Бога, они изменяют язык, которым мы фиксируем свой опыт Бога. Отказаться от языка вообще? Родиться назад, в глубину души? Вздор. Но как далеко можно зайти в изобретении новых слов, в новых описаниях? Это общий вопрос о языке веры, а ответ здесь простой: надо идти столько, сколько нужно. В истории человечества — и в истории Церкви — вновь и вновь люди пытались сказать: «Мы дополняем язык своей веры, и это дополнение последнее, других быть не может». Говорили, писали такое, подписывались. Проходило сто лет, двести — и приходилось дописывать.

Кто-то возмущался и не соглашался, уходил, а кто-то соглашался. Кто прав, кто нет? Где тот суд — настоящий суд, окончательный — чтобы определил правых и заблуждающихся? А нету его! Это же вера!! Судить может лишь Бог, но Он-то как раз всегда — рядом с нами, Он же участник Откровения, Его Автор, заинтересованное лицо, Он страдает и восхищается нашими открытиями вместе с нами.

Что такого дают слова «богочеловек», «Троица», что нужно обязательно дать? Ничего! Обязательно в религии вообще ничего быть не может, а уж там, где Христос и Дух Святой — особенно. Именно это и выражают слова «богочеловек», «Троица». Бог — Один и Един, но это не означает, что Иисус обязательно не Бог, что Дух Святой — не Бог, что молитва — только Отцу через Сына в Духе, а не Отцу, и Сыну, и Духу Святому. Кто-то молится только Отцу? Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу! Кто-то молится только Отцу и добавляет, что Сын Божий — не Бог? Ну, что поделаешь — Бог такого молящегося молнией поразил? Нет, значит, и мы можем не поражать и не поражаться, а продолжать молиться Отцу, и Сыну, и Святому Духу, потому что вот же Он — Бог. Точнее, вот он — я, оказавшийся перед лицом Божьим.

Вера в Троицу есть резкое смещение самой точки отсчёта. Не я центр системы координат, точка, из которой исходят высота, глубина и длина. Высота, глубина и длина — это точка, а моя жизнь вся отсчитывается от этой точки. Эта точка — Троица, богочеловек — объёмнее всей моей жизни. Она её порождает, не наоборот. Я, картина, пытаюсь описать своего Художника? Пожалуйста. Вот и выходит «Троица», «Богочеловек». Я — двумерное полотно, мёртвое в сравнении с Ним, а Он — и Отец, и Сын, и Дух Святой, единый в каждое мгновение и в каждое мгновение наполненный жизнью и полнотой, которые я не могу представить, но могу выдохнуть в этих словах — «Отец, Сын и Дух Святой».

31. ДУХ БОЖИЙ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЦЕРКВИ

«Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня» (Мк 9:39).

Как часто бывает, очень красиво на латыни: «Nolite prohibere!» Это ведь совершенно как лозунг 1968 года: «Запрещено запрещать». За этим следуют знаменитые слова: «Кто не против вас, тот с вами».

Запрет — это простейшая форма проведения границы. Вот я кладу прутик, не заходи за него. Моя кожа — это запрет другому касаться меня, так что моя кожа это граница моего тела. На самом деле, всё куда сложнее — во всяком случае, когда речь идёт о человеке. Если в полупустой вагон метро зайдут двое людей, незнакомых друг с другом, они сядут друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Так мы отмеряем наше «психологическое пространство», зону комфорта.

Ученики исходят из того, что последователи Иисуса — это общность, отличная от других общностей. У Церкви есть границы. Не надо думать, что если ученики были иудеи, то они не имели представления о границах между религиями и конфессиями. Как и в любую эпоху, как и в любое время, как и в любой религии, иудаизм не был монолитен. Он был даже более поделен на разнообразные течения, чем современный иудаизм, который изрядно сплотился, стал однороднее за века гонений.

Граница между учениками Иоанна Предтечи и учениками Иисуса, между учениками Гиллея и учениками Шаммая — была! При этом были и другие, более обширные границы — между иудаизмом евреев, живущих в Израиле, и иудаизмом евреев, эмигрировавших в Египет, Италию, да вплоть до Китая. Эмиграция была в течение веков — Израиль маленькая страна, прокормиться там было трудно, вот и приходилось искать лучшей доли, совершенно нормальный процесс. И над всеми этими границами — граница между иудаизмом и язычеством. Это ещё атеистов не было, а то была и граница между религиозными людьми, к какой бы религии они ни относились, и атеистами, агностиками, безбожниками.

Впрочем, минуточку: конечно, были атеисты, были безбожники. Они были внутри любой религии. Говорить об этом было не принято, афишировать это боялись, но если по совести сказать — большинство людей были вполне неверующие, только формально принадлежали к «религии предков». В общем, примерно как и в наши дни. Так что границы были довольно лицемерные, такими и остаются. Хотя в Израиле, хоть в США, хоть в Болгарии — поскреби верующих, и выйдет как с лотерейными билетами, где надо соскрести напыление, чтобы обнаружить, что выигрыша-то нет в тысяче случаев из тысячи ста.

Мало того, что так называемые «границы Церкви» слишком легко вмещают в себя абсолютно неверующих людей. Лицемерие, лукавство и формализм известны с глубокой древности, это не новость. А вот что новость — так это то, что границы Церкви не вмещают в себя носителей ровно того же Духа, который делает церковь — Церковь. Это стало понятно сравнительно недавно, когда стал быстро расширяться кругозор человека. Ведь один кругозор у крестьянина, для которого даже соседняя изба — замкнутая вселенная, где с соседом поговоришь пару раз в год, а остальное время поглощает изнуряющий труд, а другой кругозор у современного горожанина (а большинство людей теперь живёт в городах), у которого работа иногда прямо требует знаний о том, как живут люди в самых странах, контактов с этими людьми. А где контакт — там вдруг оказывается, что границы-то нет, во всяком случае, такой, как представляется в архаическом обществе, что другой не какой-то злодей, режущий детей в угоду своему идолу, а такой же человек, как и ты.

«Такой же» не означает «такой же плохой». Надо быть очень дурным человеком, отчаявшимся циником или жлобом, чтобы во всех видеть дурное. Нормальный человек при знакомстве — личном, сколько-нибудь основательном — знакомстве с другим, обнаруживает, что и другой вполне нормален. А ненормальному и родной брат кажется чудачком — Каин хрестоматийный пример.

Оказывается, спасение от ненависти, боязни чужого, страха перед другим, вполне может быть не от Бога, а от знания. Не страшно войти в вагон с китайцем, индусом или даже

с русским. Но, если есть возможность, всё равно сесть поставимся на расстоянии вытянутой руки — не потому что рука китайская, а потому рука человеческая. Популярно изречение: «Свобода моего кулака заканчивается там, где начинается щека другого». Но это ведь неверно — во-первых, другой с его свободой начинается за метр до щеки другого, во-вторых, нету у моего кулака никакой свободы. Есть свобода у моей ладони, у моих пальцев. Свобода гладить, свобода писать, свобода изготавливать что-то. А свобода бить — не существует вообще, «свобода бить» это «жареный лёд». Я бью, следовательно, я несвободен.

Ученики не спрашивают Иисуса о границах Церкви, они уверены, что границы эти чёткие и простые, как границы между фарисеями и саддукеями, иудеями и язычниками. Учеников беспокоит очень конкретный случай, который сегодня назвали бы «незаконное использование товарного знака». Так ведь и сегодня главная проблема не та, как относиться к отвергающим Христа, а как относиться к тем, кто ничего против Христа не имеет и спокойно включает Его в число «великих учителей человечества», «Божьих пророков» и т.п., и т.д. Кто Христа отвергает, тот сам границу Церкви и обозначает, а кто принимает — тот вроде бы нашу границу размывает. Он ведь в церковь-то не ходит, а Христа уважает, паразит.

Иисус отвечает на очень конкретную ситуацию, но ответ Его в высшей степени странен и универсален. Странен — потому что критерием оказывается всего лишь имя. «Всего лишь» — это с точки зрения тех, для кого имя так, условность. Имя — не рука и не нога, и не какая-то, как очень неприлично выражается Джульетта, «другая часть мужнины». Обменяй своё имя на моё тело!

Иисус утверждает нечто прямо противоположное. Он нимало не отрицает условности имени, чем отличается от легиона людей, которые из имени сделали идола. Он «всего лишь» совершает нечто, аналогичное тому, что Он совершил на Тайной вечери. Он словно говорит: «Это имя — Тело Моё и Кровь Моя. Если другой произнёс это Имя, другой стал частью Меня». Исчезает ли граница, когда двое любящих сближаются так, что уже нет «протянутой руки»? Конечно, нет — как не исчезают хлеб и вино во время литургии. Граница остаётся, но

изменяется так, что она не разделяет, а соединяет. Идеальный пример такой границы — бревно. Если бревно положить поперёк — это будет баррикада, препятствие. Если воткнуть — это прямо орудие казни вроде кола. А если перекинуть бревно через ров или пропасть, то это уже не бревно, а мост. Граница Церкви — это старая добрая граница между разными традициями, но граница повернутая через пропасть, не отгораживающая, а соединяющая. «Запрещено запрещать» — значит, запрещено использовать бревно для отгораживания, для изготовления шлагбаума. Если у тебя есть бревно в глазу — сделай из него мост!

На самом деле, всё ещё хуже для фанатиков, потому что и те, кто отвергают Христа, могут быть во Христе. Ведь Иисус говорит о тех, кто «против вас». Он не говорит «против Меня». Если человек поносит Христа — он действительно поносит Христа? Ну, во-первых, даже если действительно, в лоб, именно поносит Христа — и это простится, об этом Иисус отдельно сказал. А если «простится» — значит, человек уже внутри Церкви, внутри спасённого человечества. Во-вторых, ну кому вдруг взбредёт в голову ругать Христа как Христа? Ругают Христа как символ. Для кого-то Иисус — символ предательство единобожия, привнесения в иудаизма политеизма, ложного мессианства. Для кого-то Иисус — символ крестовых походов, инквизиции и прочих излишеств нехороших. Так ведь это ругань в адрес Христа, исходящее от бурления в человеке именно Духа Христова. Человек вырос в мире, где обитатели помойки называли свою помойку розой, и теперь ненавидит розы, ругает их, кто бы их ни упоминал. А настоящей розы не довелось видеть — но не он же в этом виноват! А может, он сам садовник и розы выращивает, только называет их иначе — именно об этом слова Иисуса, что немислимо сотворить чудо помимо Бога. Где жизнь, где добро, где человечность — там и Христос, пусть под другим именем, и надо стремиться не только к тому, чтобы знать, как звучало имя Иисуса в устах его Матери, но и к тому, чтобы узнавать имя Иисуса в делах мусульман, индуистов, буддистов, да просто любого доброго человека. Иной говорит «Иисус», а выходит — «Ленин», а иной говорит — ну, не Ленин, конечно, Ленин это за пределами, а, предположим, Ницше — но выходит Иисус.

Впрочем, что значит «Ленин это запредельно»? За границей, отделяющей Церковь от ада? Так ведь и этого нет. Ленин не был членом Церкви, потому что его сделали членом Церкви насильно, заставили учить Библию и сдавать экзамены по заповедям. Но даже Ленин был членом Церкви, потому что и Ленин знал любовь, и Ленин жаждал справедливости. Хотел хорошего, как сказал Фазиль Искандер, но не успел. Не в ту сторону поехал, крюка дал — и на этом крюке повисли и погибли десятки миллионов людей. А всё же — человек, и поэтому образ Божий был и ему не чужд.

Много было хулящих Иисуса, но был ли, возможен ли хоть один человек хулящий Духа и этим ставящий себя за пределы рая? Да нет, конечно. Самый злодейский злодей злодействует во имя Духа, даже если строит из себя бездушного циника. Духом Божиим жив человек — и если жив, то и носитель Духа. Даже те, кому Иисус пригрозил — мол, если будете хулить Духа, то ой-ой-ой — даже они хулят не Духа, а хулят, как им кажется, ложное понимание Духа. Иисуса распяли для защиты Духа Божия — почему Он и сказал, что «не ведают, что творят». Но есть творят нечто прямо противоположное тому, что им кажется.

Иисус много раз запрещал нечистым духам жить в людях, владеть людьми. Но нигде и ни разу Иисус не запрещал Духу Святому жить за границами Церкви — потому что такой запрет противоречил бы Его Миссии, Его делу — создать Церковь, в которой граница не разделяла бы людей, а соединяла, и этой границей стал Он Сам. Кто видит эту границу изнутри веры в Иисуса, счастлив, но кто не видит — не проклят, а всего лишь в листе ожидания, а ждать Бог умеет — у Него вечность, и Он знает, как ею поделиться, не нарушая самой нерушимой границы — границы человеческого «я», человеческой свободы, человеческого разума.

32. ОТ МЕГА-СВЯТЫНЬ К НАНО-СВЯТЫМ

«И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (Мк 1:17).

Вера начинается с потрясения, шока, открытия. В мире словно обнаруживается дыра. «В мире» или «в себе»? Немножко и в себе, но и вне себя. Если человек убеждён, что Бог, о котором говорят верующие, «глубоко в душе», значит, он, скорее всего, с верующими уже встречался, а с Богом нет. «В человеке есть дырочка в бесконечность» — выражение Николая Бердяева, но Бердяев в церковь ходил, хотя его там один раз священником аж антихристом назвал. Ходил, потому что внутри-то внутри, но то, что внутри, ведёт к бесконечности, которая снаружи. Или наоборот — встреча с Богом снаружи выбивает пробку, которая закупоривает душу внутри.

Первое, что делает человек (возможно, и не только человек) при столкновении со странным — он его помечает. Для памяти. Авраам после ночного откровения кладёт кучку камней в память о Встрече. Кучка, наверное, была маленькая — но любые пирамиды и соборы это ровно та же самая кучка. Потом Авраам от этого места далеко ушёл, но, где бы ни жил верующий человек, он всегда выделяет Богу особое место.

Особое, выделенное место для Бога может быть всего лишь полочка в книжном шкафу, как при советской власти, когда старались даже друзьям не показывать иконы. Это может быть красный угол в избе, может быть храм, может быть роща, луг, дерево, ручей, куда люди собираются помолиться вместе или поодиночке. Может быть целая гора — Синай, куда один Моисей смел ступить, а для других она была «табу», «запрет», «гарем». Да, «гарем» — это всего-навсего «посторонним В.», «private», то есть, «запретка». Сугубо негативное понятие. Так маленький ребёнок устраивает «секрет»: зарывает в землю что-нибудь, хотя бы стёклышко, и он один владеет этим секретом. Если с кем поделится — то лишь с самым близким, и сам факт того, что поделился, будет допуском в своё самое приватное, святое пространство.

Вера начинается с признания, что в этом мире, где Богу так же нет места, как художнику нет места в картине,

программисту — в компьютере, должно быть место для Невместимого. Это и есть «святое». «Святость» — это выделенность, особость, запретность не всего остального, «мирского», «профанного», «несвященного».

Верующий, однако, выделяет место для Святого, но именно потому, что он — верующий, верующий верует, что место это не случайное. Бог указал! Бог тут мне явился ночью, — сказал бы, наверное, Авраам, поэтому это место святое. Не я его выбрал — Бог выбрал. Сколько легенд о том, что икона появилась на месте, где следовало построить храм или создать монастырь! Сперва выбирает Бог, человек лишь следует Божьему выбору. Это даже и к полочке в книжном шкафу относится.

Неверующий скажет, что это суеверие. А то Богу нечего делать, кроме как выбирать место для храмов, икон, Библии! Ему-то какая разница?

Смотря какой Бог! Богу Библии явно не всё равно. Не потому, что Библия так говорит — Библия не скрывает, что в течение многих поколений евреи молились в самых разных местах, Иерусалим вообще им не принадлежал, был завоёван. Но Библия говорит и о том, что Богу этот Храм безразличен не был. Это — проекция на Бога человеческих представлений о том, что «мой дом — моя крепость», частная собственность — дело неприкосновенное, без спросу не тронь, и на Синай не подымайся — гора святая, запретная зона Божия?

Конечно, проекций много и в религии, и в атеизме, но верующий-то пытается через эти проекции прорваться, и Бог есть первый и самый главный прорыв через проекции, иллюзии, стереотипы, предрассудки. Богу — не всё равно. Творцу вселенной интересны сопля сапиенса! Странно? Отчего ж! Только плохой творец, халтурщик, не обращает внимания на детали. Левша-то не ковал подкову, которой блоху подковали, он выковывал гвоздики, которыми подковывали! Человек — гвоздик, на котором космос держится.

У святости есть своя и нетривиальная история. Она начинается с мегалитов, с огромных многотонных блоков, из которых устраивали святилища, с колоссальных пирамид, на которые ушла куда больше сил, материала, веков, чем на любой исполинский собор наших времён. И в абсолютных цифрах, и в процентах люди каменного века на обустройство святилищ

тратили в сотни раз больше сил и материалов, чем самые рьяные верующие в наши дни. Что же, вера ослабела? Или количество перешло в качество?

Христос одновременно говорил о том, что Храм — Дом Божий, Дом Молитвы, в котором не место суете, — и о том, что идёт время, когда Богу будут поклоняться не в зданиях, а в Духе, не на одной горе, а повсюду. В конце концов, Его за это и распяли — Он говорил о Себе как о Храме, как о Святыне, которую разрушат и которая вновь подымется в воскресении. Истолковали как призыв разрушить Храм — невинная уловка ради спасения святыни от явного экстремиста. Что же произошло?

Бог веками учил людей, что существует святость. Святость — Его свойство. Он — Свят, и только Он. Святость любого места, любого камня, воды, стены, текста — лишь от посвящения Ему, единственному подлинному Святому. Никакой физик не обнаружит ни малейшего отличия освящённой воды от обычной (не верьте суеверам, этим материалистам от религии!).

Бог открыл Себя людям как Святого, Запретного, Выделенного, Особого — чтобы затем перевернуть это открытие. Он повёл людей за Собой — к другим людям. Оказывается, «образ и подобие Божие» вовсе не в том, что у Бога так же две руки и две ноги, борода и аппендикс. Они в том, что человек так же свят. Такой же Особый, Отделённый, Выделенный. Такой же неприкосновенный для всех и вся. Такой же Свет, Истина и Жизнь. Такой же Путь — из Всего в Всего, из Ниоткуда в Никуда, из Вечность в Вечность. Такая же Любовь. И никто не смеет своими грязными руками — да и чистыми — влезать в чужую душу.

Что же тогда после этого религия? Было почитание святынь и Святого, а стало?

А стала «ловля человеков». Это лишь кажется, что метафора понятна. Рыбу — в сети, людей — в сети духовные. Духовные! Ага, только словечко «духовное» всё меняет. «Духовные сети» — это как «крабство у свободы». Ловить людей для Бога означает предоставлять людям бесконечную свободу, освобождать их. Бог Свят — стать уловом Божьим означает стать Святым. На ключке у Бога — это безумная, лихая вольность,

не то, что на очень куцей и степенной свободе среди людей и степеней, организмов и организаций.

Святость до Христа и после Христа — как негатив и позитив. До Христа святость есть нечто внешнее, за что можно и убить. После Христа святость — это глубоко внутреннее, твоё. А Божья святость что же — отменяется? Либо Бог свят, либо человек? Да с какой стати — Он же Бог, а не тришкин кафтан размером с космос. Он живой не как живо всё, Бог жив и свят не за счёт неравновесия, потребления, Бог жив и свят как источник бесконечного творчества и любви. От Него не убывает, сколько ни прибывает людям.

Святость из того, что относится лишь к Богу, становится судьбой, смыслом, предназначением каждого человека. Страшно сказать, но на практике всё не так уж трепетно, потому что всё равно это немислимо. Ну какие из людей святые? Как из карася поросю. Летающие на бреющем крокодилы. Немислимо, невозможно, смешно. Но ведь — есть такое дело! Святые стали случаться. Первые христиане вообще друг друга называли «святые». Все, без исключения — апостол Павел пишет письмо христианам в Эфес, и прямо так, в лоб — «святым пишу». Потому что мир вывернулся с Воскресением Христа. Инверсия! Невозможное стало не то, что возможным, а просто даже обязательным.

Святость такого рода — не воспоминание о встрече с Богом, а жизнь с Богом постоянная. Позволение Богу жить у нас за пазухой. Открыть форточку в душе, да все окна распахнуть, чтобы Дух Божий не поразбивал стёкла, налетая на них. Трепетно, с благоговением касаться самого себя — вот это да! А как это? Ведь привыкает человек, подлец, ко всему, даже к тому, что он святой — если он святой. А это так, что нет святости без покаяния, потому что нет святости одноместной. Святость — всехняя. Благоговение к себе — лишь миллиардная часть благоговения ко всем другим, к миллиардам человечества, а какое у нас благоговение к другим? Вот и приходится святым каяться, каяться и ещё раз каяться, иначе они вовсе и не святые. Оказывается, молиться не в Храме, а на любом месте — не такое уж бело-розовое занятие, молитва-то на три четверти покаянная, а на четверть благодарственная, что Бог спас, не даёт преуспеть в людоедстве, ежедневно не даёт.

Рыбаки обычные широко расставляют руки, показывая, какую рыбу выловили. Рыбаки Божьи делают этот жест, чтобы показать, какие у них грехи — у них, не у тех, кого они ловят для Бога. Была святость мегалитическая, стала святость нанометрическая. Была святость как недоступность, стала святость как доступность предельная, доступность ужасная, невероятная, подкожная. Была святость монументальная — стала святость живая. Была святость монолога — стала святость диалога. И кто ещё знает, как развернутся святость Божия и святость человеческая дальше — ведь Царство Божие только «приблизилось», только начинается.

33. ЦЕРКОВЬ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ

«И сказал им: для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике?» (Мк 4:21).

Слово «церковь» почти не упоминается в евангелиях, а то упоминание, которое есть, многие учёные рассматривают скептически: похоже на позднейшее дополнение. Такие учёные исходят из идеи, что, если Иисус ждал скорого конца света, Он бы не заморачивался организацией какого-то религиозного сообщества. Сообществ таких в тогдашнем мире было очень много и в рамках иудаизма, и в рамках греко-римской культуры. Сообщества были небольшие, но и населения было немногочисленное, так что и дюжина прихожан крошечной синагоги в селе из 30 домов — это внушительное явление.

Однако, учёные проецируют на Иисуса не какие-то научные истины, а свои психологические представления. «Если бы я ждал скорого конца света, я бы не стал заморачиваться...». Да почему ж? Хороший профессор, узнав о том, что ракеты с ядерными зарядами на подлёте к университету, не побежит в поля с бутылкой красного вина, оттянуться напоследок, а продолжит дискутировать с коллегами или, если он сидит над статьёй, оставит статью и поищет коллег для совместного наблюдения за атомным грибом.

Психология веры парадоксальна лишь потому, что парадоксальна психология человека в целом. Например, человеку часто нужно опуститься на дно, чтобы взлететь. Потерять надежду, чтобы вырваться из безнадёжности. Озвереть от одиночества, чтобы вырваться из одиночества к людям.

Конец света для Иисуса лишь повод поговорить о свете. Он ждал не конца света, а конца тьмы, Суда над тьмой и торжества света, поэтому и проповедовал, а не остался в пустыне.

Кстати, учёные сами занимаются наукой и потому, что не видят смысла тратить жизнь на суету и мелочи, но и потому, что хотят послужить как раз тем людям, которые суетятся и мелочатся. Вся современная наука организована по образцу христианской Церкви, воспроизводит её методы объединения,

её жажду истины, её структуру, соединяющую бескомпромиссность с дружелюбием. Конечно, в идеале, только в идеале Церковь именно такова, так ведь и учёные только в идеале такие учёные.

Две тысячи лет, как и сегодня, большинство верующих людей предпочитали верить «в глубине души». Если же человек искал общества подобных себе религиозных людей, он предпочитал, чтобы это общество было замкнутым. Таковы были и «перушим» (фарисеи), и ессеи, и последователи Иоанна Предтечи. Объединиться, чтобы закрыть собой пламя свечи, не дать ему погаснуть, пронести через века. При этом естественным образом возникает определённая иерархия внутри объединения, от новичков до мудрецов.

Это и есть то, что Христос назвал «горшком». Можно назвать это сектантством, кружковщиной, церковью сатаны, закрытым обществом. По-славянски «горшок» это «спуд», так что именно эта евангельская фраза породила в русском языке выражение «под спудом». У меня на необитаемом острове две синагоги, в одну я хожу, а в другую нет. Чтобы объединиться, надо размежеваться.

Иисус совершенно сознательно и системно создаёт совершенно другого типа объединение — открытое. В этом объединении есть своя структура, иерархия — и даже иногда более изощрённая иерархия, чем в любой закрытой группе — но эта система по определению всего лишь подсвечник для Света Христова. Для Духа святого. Для Бога.

Авраама Линкольна однажды издевательски спросили, какой длины должны быть у человека ноги. «Чтобы до земли доставали», — ответил он. Какого размера должна быть Церковь? Такой, чтобы Свет Божий был виден каждому человеку. Свет Божий, не больше и не меньше!

Было бы материализмом (и есть такой материализм) считать, что Церковь должна быть такой, чтобы у каждого человека на планете в часе ходьбы от дома был христианский храм. Это уже не подсвечник получается, а какое-то паникадило, под которым стоять страшно, вдруг цепь не выдержит и рухнет тебе на голову. Что и бывало. Это перелёт.

Недолёт — когда люди заявляют, что хороший подсвечник — духовный подсвечник. В глубине души! Большого

одного не собираться — будет лицемерие!! Где двое или, упаси Боже, трое, — там и неискренность среди них!!! Напоминает портных из «Платья голого короля». Только голый король — правильно одетый король!

Хороший подсвечник тот, который делает свет видимым. Если свет — Божий, то его свет — слова. Подсвечник Церкви — это подсловник. По этой причине Иисус посылал учеников парами. Не для того, чтобы контролировали или вдохновляли друг друга, а чтобы друг с другом разговаривали. Где двое или трое разговаривают друг с другом, там и Бог Слово среди них. Церковь посеяна Словом и сеет Слова. Собственно, все притчи и образы Евангелия о вере — они ведь о Церкви. Верующий — колос, выросший из зерна, но колос — это тот же подсвечник, не только потому, что спелое зерно светится, а потому что и колос не для колоса, а чтобы кто-то срезал его, выбил из него зёрна, смолот хлеб, и мог поесть. Так ведь и скотину зерном кормят, но скотина мычит, чтобы есть, а человек ест, чтобы говорить.

Диалогическая, коммуникационная сущность Церкви есть всего лишь следствие и условие того, что Бог Слово хочет спасти человека от бессловесия и бессловесия. Формально Церковь — это просто общественная организация, как и клуб филателистов или кружок любителей жёлтой синева. Исторически Церковь началась не просто с диалога, а с вспышки слов, с извержения слов, когда христиане на праздник Пятидесятницы вдруг из секты замкнутых в себе от шока после воскресения и вознесения Христова людей превратились в оживлённо говорящих людей, обращающихся к окружающим. О чём они говорили, было не так важно, — окружающих поразило, что все всё понимают, хотя среди окружающих была масса иностранцев.

Вот почему Церковь может быть большой или маленькой, жёстко централизованной или гуляй-полем, но она не может быть молчаливой, скрытной, неприступной, закрытой. Она должна говорить, и говорить понятно. В истории Церковь редко бывала на высоте своего Дня Рождения, Пятидесятницы. В наше время быстрее всего из разных церковных направлений растут как раз пятидесятники — и есть не только протестанты-пятидесятники, но и католики-пятидесятники,

и православные-пятидесятники. Можно надеяться — и поэтому надо молиться — чтобы дальше было ещё пятидесятнее, чтобы не только окружающие понимали христиан, но чтобы и христиане начали понимать окружающих. Церковь исчезает всюду, где верующий мнит себя богом и обращается с окружающими как бог — как бог безблагодатный, безлюбивый, глухой и самовлюблённый.

Именно то, что Церковь есть союз не меча, а Слова, объясняет существование в ней иерархии. Даже там, где иерархизм в Церкви выкорчёвывают — очень уж колючая штука — он всё равно образуется, потому что общение всегда начинается с обучения, и лишь на какой-то стадии превращается в качели, где на разных концах доски уместны люди одного примерно веса, и то один возносится, то другой, просто в разных сферах.

В русском языке с середины XX века появилось слово «церковность» как обозначение не просто формального членства в Церкви, но подлинной причастности человека к Церкви. Пока Церковь была государственной, общеобязательной для всех русских организацией, о церковности и не думали, разве что редкие энтузиасты говорили о «соборности», подразумевая особый способ принятия решений в Церкви. Но и соборности не было, одна мечтательность. Когда же тоталитаризм освободил Церковь, когда ходить в храм стало невыгодно и делом сугубо личного, сознательного выбора, тогда стало очевидно, что «бывать в церкви» и «быть в Церкви» очень разные вещи. Тогда и отчеканили слово «церковность» в подражание модному тогда слову «партийность».

Ничего зазорного в этом нет, ведь и слово «христиане» сперва было оскорбительным — мол, ты со своим Христом носишься как сторонники Цезаря, цезариане, со своим идолом. Зазорно понимать «церковность» как своего рода вхождение в круг избранных, настоящих членов партии, которые и Ленина (Евангелие) читают, и смысл обрядов понимают, и в субботах участвуют. Это — возвращение под спуд, стрижка «под горшок». От такой «церковности» поневоле расцерковишься, если душа не совсем омертвела. Это ведь обычный эгоизм, только коллективный и в шкуре свежееосвежёванного Бога. Никаким Светом Миру тут и не пахнет. Есть прожектор, ослепляющий всех, кто по неосторожности поглядит в его сторону.

Понятно, почему людей тянет под горшок после этого. Понятно, но под горшком от омертвления и эгоизма не спастись. Надо искать — а иногда, даже и строить — подсвечник. Быть подсвечником. Заранее предсказать, куда ходить, куда не ходить, совершенно невозможно, потому что не подсвечник решает, а Свеча решает. Жизнь в Церкви — это жизнь с Богом, и Бог не чучело, а несущий тебя — если ты не вырываешься, конечно.

Коммуникативная, словесная природа Церкви ни в чём так не проявляется, как в существовании богословия. Теоретически, возникновение богословия можно приписать влиянию античной цивилизации, которая — пока не рухнула — была невероятно развитой именно в отношении слов. Только для веры связь-то обратная: Бог так подгадал, чтобы Свет зажёгся как огонёк на мху — среди иудеев, а потом перекинулся на хворост намного более говорливой (и намного более диалогической) культуры. Апостол Павел много писал — потому что писал, как грек. Но ведь Иисус ещё и много говорил! Бог позаботился, чтобы это было записано, и записано было именно в формах античной литературы. Когда в IV веке христиане получили свободу, последовала вспышка конфликтов, ссор из-за денег и постов — но последовала и вспышка богословия, теологии, размышлений и споров о Боге.

Благосклонное внимание государства паразитировало на теологии и здорово теологам помешало, но государство пришло и ушло, а язык раскрепостился навсегда. Навсегда Церковь — это не только богослужение и благотворительность, но и богословие. Не для подготовки священников, вообще не для какой-то цели, а просто — слова о Боге. Это была революция в религии, да это и остаётся революция, единственная революция навсегда: человек стал говорить с человеком о Боге. Конечно, «о Боге» это, в конечном счёте, именно о самом важном в человеке, о самом таинственном и глубоком, Бог всё равно остаётся Богом неопишуемым и непознаваемым. Так ведь именно богословие делает непознаваемость Бога абсолютной, чётко описанной — а заодно открывает и непознаваемость человека.

Церковь начинается с краткого и ёмкого как зерно «Бог рядом». Церковь словно плод во чреве матери формируется

в земной жизни Иисуса, когда апостолы ссорятся и мирятся, соревнуются и предают, трусят и хорохорятся. Церковь расцветает в день Сошествия Святого Духа, и словно пушинки из одуванчика разлетается во все стороны. Легкие и невесомые пушинки-слова. Церковь и в рёбрах, и в брёвнах, и в огромных соборах, и в крохотном чулане, и в жутком концлагере, и во дворце Ватикана, в молчании созерцателей и в многотомных сочинениях богословов. Церковь увядает лишь под горшком замкнутости, высокомерия, командного настроения, но увянет — а потом Дух подует — и пушинки пробиваются сквозь глину и асфальт, через бюрократизм и усталость, и вновь творится вино из одуванчиков для застолья Божьего.

34. ОБЩИНА, ПРИХОД, ЭКУМЕНИЗМ

«И если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот;» (Мк 3:25).

Зло имитирует добро во всём. Кажется, что зло разнообразно, что зло саморазрушительно, что злодеи злодейски убивают не только хороших невинных людей, но и друг друга. Гитлер против Сталина, Хрущёв против Берии, Пол против Пота. Только зло — это меньше всего носители зла, люди. Зло — это невидимый, бесплотный, нематериальный вывих. Не какая-то часть творения, а морщина в творении, которая пытается распространиться на всё мироздание, собрать его в кривую ухмылку. Никакой не дантов ад, упорядоченный, иерархичный, а единство гниющей свалки, где невозможно отделить одну гниль от другой. Не может эта морщина начать себя разглаживать. Она может сменить одну складку на другую, ещё худшую, и в этом смысле победа Сталина над Гитлером укрепило Свалку Сатаны.

Иное дело Царство Божие, правление Божие, Церковь Божия. Пьер Безухов в пору своей незрелости сокрушался, что плохие люди объединяются, а хорошие не дружат между собой. Пройдя через ужасы войны и ненависти, он уже не сокрушался, он имел внутри себя мир. Он увидел, что единство тьмы это единство пустоты, единообразие небытия. Кажущаяся разъединённость хороших людей — это единство свободы, разнообразия, творческого изобилия. Не два города противостоят друг другу, город эгоизма и город любви к Богу, а свалка и огромный Божий Дом. На греческом языке «эко» — «дом», поэтому «экология», «эконом», но поэтому и вселенная для греков была «экосом», «домом» (да и «вселенная» означает именно «населённая», просто ухо так привыкло, что этого не замечает). Вселенная не просто материя, а место обитания, дом людей, а не морщина бесовщины. Дом красивый — «космос» ведь одного слова с «косметика».

Церковь есть единство множества комнат, домиков, многоквартирных домов, городов, деревушек, хуторов. Церковь единая, но это не единство времени и места, это единство общения.

Церковь — общность, Церковь — общение, но не абстрактное, обобщённое, а существующее в предельно конкретных формах — общинах.

Во многих европейских языках община называется производными от греческого слова «парокия» (например, английское «пэриш») — и корень тут опять «эко», всё тот же «дом», «пара-дом», как «парашют». Но дом общины — вовсе не обязательно храм. Более того, вся драма Голгофы случилась из-за того, что Христос говорил о том, что Храм будет разрушен и на третий день восстанет вновь — и Он имел в виду Своё Тело, «восстание» и есть изначальный смысл «воскресения». Бог «восстал». Храм — не восстал. Это драма, не трагедия. Трагедия — если человек так и не понял слов Иисуса в беседе с самарянкой: поклоняться Богу означает не ждать, когда ты дойдёшь до храма. На всяком месте, где люди общаются в Духе Божиим, находится община. Ведь общность человечества — это общность людей в Боге.

Поэтому община — это и богослужебный союз, когда люди сходятся в одно место, чтобы помолиться и вспомнить слова Христа «это Моё Тело», но это и союз верующих даже, когда верующие расходятся по своим делам. Церковь — Тело Христово, и это Тело не только в таинстве воспоминания о Теле распятом, но и в жизни с Воскресшим. Община — это приход, прихождение куда-то на встречу с единоверцами для молитвы, но прихожане расходятся, а приход не расходится — приход расширяется. Если, конечно, и члены общины не забывают о Боге и выравнивают свою жизнь от складок и морщин так, чтобы Богу было легче быть с людьми.

Община похожа на все формы человеческих контактов, от армии и семьи до магазина и метро, однако, община не должна превращаться ни в армию, ни в семью, ни в магазин, ни в вагон метро. Община это всегда организация, но ведь она и организм — то есть, самоорганизация, а чтобы совсем всё усложнить, община — это самоорганизация, в которой Бог активнейший партнёр. Этим община отличается, между прочим, от семьи, и горе общине, которая скатится до семьи. Семьёй должна быть семья, а не Церковь. Семья — для мира временного, Церковь — открыта в вечность, тут Отец за горизонтом и в то же время в самом сердце.

Понятно, что это идеал, который на практике достигается редко, а может быть, и вовсе недостижим вполне. Да и как можно достигнуть во времени — вечности? Людям по привычке хочется Церкви, похожей на семью или род, на партию, на народ, в общем — на что-то стабильное, преемственное, что можно проследить по адресу или обрядам. Не получится! Церковь настолько жива, что её невозможно анализировать по кусочкам. Тут всё перетекает во всё, порождая новую жизнь, обогащая, раздвигая границы, которые к тому же проницаемы для общения, света, единства. Всё равно что город, в котором дома и квартиры постоянно перемещаются, и при этом все окна и двери открыты, а у многих и стены двигаются или вовсе отсутствуют. Именно этому пытается подражать свалка своей слизью, именно это пытается подменить.

Свалка пытается добиться единства разложения, Церковь созидает единство жизни. Собственно, Церковь существует лишь потому, что Бог, как выразился апостол Павел, хочет всех спасти и привести в разум истины. Спасти всех не означает спасти всё население Земли в какой-то один момент в блаженном будущем. Спасти всех означает спасти всех, кто когда-либо жил и будет жить. Как можно спасти умерших, людей других вер и неверующих, которые уже за границами земного выбора? Мы не знаем, мы же не Бог. Мы знаем другое: Христос сравнивал верующих с крупичами соли, с дрожжевыми клетками, с зерном, которое вырастает в большое дерево, на котором живёт множество птиц. Это всё тот же образ города, в котором Вселенная лишь один из домов, но этот дом вмещает в себя бесконечность общения и калейдоскоп общностей.

Общины меняются, но люди в общинах сменяют друга обычно быстрее. Да и мало кто всю жизнь находится в одной-единственной общине, теперь уже не патриархальные деревенские времена, когда выбора не было. Впрочем, верующие и в аграрные времена бросали свою деревню, а то и страну, и шли, шли, шли в поисках того места, где их хочет видеть Бог. То ли дело теперь, когда иногда по всей планете люди кочуют. Понятно, что смена общины — дело серьёзное, а иногда и драматическое. Если муж и жена, члены одного прихода, развелись, и жена вышла замуж за другого прихожанина — что делать? Кого-то отлучить, кого-то оставить? Ответа не

существует, его придётся создавать каждый раз с нуля. Спасти всех — не ишака купить, не еретика сжечь. Тут такие комбинации случаются... Собственно, человечество и есть такая «комбинация». Бог терпеливо комбинирует и комбинирует из человеческих комбинаций. Для Бога Церковь — это всё человечество, но именно «всё», не какой-то срез во времени. Общность начинается там, где верующие умеют хоть немного любить всех так, как любит Бог. Христиане должны быть тут в первых рядах.

«Первые ряды», «соль земли», «кристаллы решётки», «узлы сети» звучит несбыточно, а то и саркастически. Реальная Церковь — всего лишь одна из многих религий, да к тому же «Церковь» — это нечто, во что веруют («верую во единую святую соборную и апостольскую Церковь»), а не что видят. Видят много разных христианских конфессий, некоторые из них претендуют быть единственной Церковью, а остальных христиан отмечают как неправильных. Хуже только, когда вообще с отчаяния машут рукой и убегают в наивность: мол, разницы нет, все одинаковые, не будем и пытаться быть общиной и общением. Книжку почитать, лекцию послушать, не более того.

Будем быть Церковью! Будем быть единой, святой и далее в бесконечность! Как? От слова «эко» есть ещё одно производное: «экуменизм». Слово родилось в начале XX века для обозначения довольно узкого явления: в Китае протестанты разных направлений попытались договориться друг с другом, да и с католиками и православными, хотя бы публично «сохранять лицо». Не говорить друг о друге гадостей — мол, католики идолопоклонники, только протестанты хорошие, но не все, а только кальвинисты... или только баптисты.

Идея была гниловата изначально и даже лукава — ведь речь шла исключительно о показной вежливости. Однако, в наши дни слово «экуменизм» обозначает не столько «экуменическое движение», формально — Всемирный Совет Церквей, в который не входят ни Католическая Церковь, ни православные (они там лишь «наблюдатели»), сколько сознание единства Церкви поверх всех границ, как в присутствии китайцев, так и без них.

«Сознание единства» похоже на единство как невеста на жену. Так ведь Господь Иисус Христос — Жених,

а Церковь — Невеста. Человечество невестится. Засиделось в девках, прямо скажем. А не надо грызться между собою! Сперва стать настоящей Невестой, потом уже Жена, облачённая в Солнце. Злобная, бормочущая себе под нос невеста с явными признаками раздвоения личности, ожирения, с прокисшим ароматом изо рта... Понятно, почему Бог медлит? Общинам ещё жить и жить в странном единстве с барьерами, быстротечностью судеб и традиций, пока не наступит Церковь как Церковь, и Царство Божие из приблизившегося станет единственной населённой реальностью.

35. ИУДАИЗМ, КАТОЛИЧЕСТВО, ПРАВОСЛАВИЕ, ПРОТЕСТАНТИЗМ

«Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря: никогда ничего такого мы не видали» (Мк 2:12).

Церковь это люди, прославляющие Бога. Не избравшие какое-то вероучение, не следующие национальной традиции, не ищущие утешения. Церковь даже не собрание верующих. Верующий, но не прославляющий, не благодарящий, не молящийся, — он не в Церкви. А если человек не чувствует себя верующим, но прославляет Бога словами, жестами (подняв руки, став на колени, наклонив голову, просто посмотрев ввысь), — он в Церкви. Вера это моё, молитва — это наше, а Церковь начинается там, где «моё» сливается с «наше».

Далеко не все начинают путь в Церковь с изумления перед чудом. Пожалуй, в наше время это скорее исключение, чем правило, да уже и в древности Иоанн Златоуст размышлял над тем, почему чудеса в Церкви так же не нужны, как парашют приземлившемуся парашютисту. Тем не менее, прославлять — не благодарить, благодарность это за случившееся с тобой или по твоему желанию — а именно прославлять — это суть Церкви. Прославлять за что-то невиданное — и открывшееся. Иногда — за то, что было, но не было видно. Человек вдруг понимает, что в мире есть смысл, невыразимый, но реальный, что есть в человеке нечто, несводимое к окружающей среде и внутренней биохимии, и не пугается этого, не отвергает это (что бывает, и очень часто бывает — бегство от вечности), а говорит «Слава Тебе!» Не «слава Богу!», а именно «слава Тебе». Если внутри «слава Богу» нет обращения в упор, лично — Личности, «слава Тебе», то это ещё зародыш молитвы, общения с Богом, Церкви.

«Ортодоксия» («ортодоксальный верующий») это соединение очень простого слова «орто» (ортопед, ортодонт, — «прямо») и очень непростого «докса». «Докса» — это и восклицание, и размышление. «Слава Богу» — это «доксология», прославляющее слово. Но для греков «докса» — это и философское учение. Общее одно: «докса» — это нечто,

объединяющее людей. Двузначность, двусмысленность совершенно нормальная и позитивная. Человек существо цельное: Кого прославляет, о Том и размышляет. Кто женщину целует, тот с ней и разговаривает, о ней разговаривает (к мужчинам это, естественно, тоже относится). Молитва — во всяком случае прославляющая — это же как поцелуй.

Казалось бы всё так просто: разные христиане по-разному прославляют Бога, поэтому одни католики, другие православные, третьи протестанты. Только вот незадача: вообще-то изначально христиан не было. «Все прославляли Бога» у евангелиста Марка — это не христиане, это иудеи. И смерть Христа, и воскресение Его ничего не изменили: верующие в воскресение славили Бога как были иудеи, так и остались. Славили за жизнь и за веру, за любовь и заповеди.

Первый вопрос: не о том, почему христиане разделены на конфессии, а почему иудеи разделились на иудеев и христиан. Где христиане потеряли изначальное название? Не один десяток лет прошёл, пока потеряли. Ну, веруют в воскресение Иисуса — и что? Ну, считают Иисуса мессией — и что? В тог-дашнем Израиле было много разных религиозных течений, как и в современном. Как вдруг разделились?

Дело не в христианах. Верующие в Христа вовсе не собирались выделяться. Апостола Павла иногда называют создателем христианства особого типа — открытого, отказывающегося от каких-то обрядов и традиций иудаизма. Но ведь и апостол Павел оставался вполне иудеем. Он не отказывался от иудаизма, он создавал промежуточный вариант иудаизма. К тому же его взгляды вовсе не были преобладающими среди христиан. Разделение произошло вовсе не из-за универсализма Павла. Это иудаизм бы выдержал.

А почему произошло разделение?

Это неправильно поставленный вопрос. Правильно поставленный вопрос: можно ли преодолеть разделение? Да, конечно. Можно и нужно. Ровно то же относится и к разделению христиан на три конфессии (на самом деле, это лишь издалека кажется, что три — на самом деле, в сотни раз больше, и дробление продолжается).

Не христиане ушли из иудаизма — христиан выгнали. Отлучили. Точно так же, как потом из христианства выгнали

ариан, антитринитариев, как выгнали из католичества протестантов. Иногда уходили сами, не дожидаясь, пока выгонят (например, мормоны или Свидетели Иеговы — из протестантизма, но, между прочим, христианами и Церковью те и другие себя считают). А что ждать, пока тебя выгонят?

Почему иудеи обозвали тех иудеев, которые веровали в Воскресение и мессианство Иисуса, христианами, и выгнали, отлучили их — прошлое. Есть ли будущее? Будущего, может, и нет, а вечность — есть, и вечность одна на всех.

Чем христиане отличаются от иудеев сейчас? Понятно — не обрезают детей, не соблюдают субботу (кроме адвентистов), едят свинину. А Бог — общий? С точки зрения христиан — да, с точки зрения иудеев — нет, христиане многобожники, ведь мы считаем Иисуса неразрывно единым с Богом. Другое дело, что в течение по меньшей мере нескольких десятилетий иудеи не видели в этом проблемы. Большинство. Конечно, были те, кто считал это недопустимым, кто травил будущих «христиан». Правда, тогда веровали в Иисуса, в Его Воскресение, но Богом — не называли. Это пришло потом, через несколько поколений, и это стало непреодолимой — по видимости — преградой. Но преградой для иудеев, не для христиан.

В прошлом христиане часто, обладая властью, оказавшись в большинстве, обрушивались на иудеев — факт, но это факт не из истории христианства, а из истории ненависти, национализма, фанатизма. Можно быть христианином и не считать, что «евреи Христа распяли», что евреи, поскольку они не считают Иисуса Христом, а ждут другого Мессию, враги Иисуса. Можно, но не нужно, безумно и греховно. Если первые поколения христиан так не считали, то и любой христианин может глядеть на иудеев как на единоверцев, которые просто почему-то оставлены Богом пожить без веры в воскресение Иисуса. Что тут ужасного? Все претензии к Богу. Можно подумать, мы обрели веру и храним её без проблем, без сомнений, без измен и грехов!

Для соотношения христианства с иудаизмом есть точный зеркальный аналог в соотношении христианства с исламом. Основатель ислама сперва подумывал о присоединении к Церкви, но был отвергнут. Есть и другие аналогии: отношения христиан к мормонам, которые не были отвергнуты, а сами

ушли, потому что их новое откровение этого требовало. Что мусульмане и мормоны не собираются возвращаться (или «присоединяться») к христианству — так точно так же христианство не собирается возвращаться к иудаизму. Самое большее — перестать ругаться и начать мирное сосуществование.

Что же это за болезнь раздробленности в организме, который должен быть безукоризненно здоровым? Что является носителем болезни, что противостоит Богу — а разделение есть именно противостояние Богу?

Да всё та же самая болезнь, которая есть главная проблема человечества: человечества-то нет, как нет и человека, чело-веков. Есть народы, нации, племена, культуры, государства, кружки, течения, движения, классы. Говорить о едином человечестве невозможно. «Человечество» такая же условность, как и Церковь, даже ещё условнее. Церковь всё-таки объединена верой, а чем объединено человечество? Интернетом? Международной торговлей? Интернет — да, существует и един, международная торговля торгует, не вполне единым образом, но всё-таки. А человечества-то пока нет... Потому что нет человека — человека как самостоятельного, свободного, не подчинённого никакому большинству существа.

Человека нет как того, кто определяет себя сам, а не того, кто не может быть, не примыкая к другим, не принимая на веру — безо всякой веры и даже без особого доверия — того, что создают и решают другие. Коллективы разнообразные есть, одиночество есть, а человека ещё надо освобождать, созидать, творить. В себе, конечно, иначе человек опять исчезнет, едва наметившись, и будет заменён руководителем, наставником, учителем.

Одиночество не спасает от коллективизма, только обостряет его. Каждый становится носителем всех пороков коллективизма — ксенофобии, властолюбия, глухоты — безо всяких положительных сторон, которые даёт объединение хотя бы в самый примитивный коллектив.

Отношения с Богом изначально строятся в мире греха — то есть, в мире, где коллективное более развито, чем личное. Люди в брак вступали, потому что родители нашли жениха или невесту! Да хотя бы и не родители — люди способны полюбить или разлюбить не от своего сердца, а от конформизма,

что и описано у Андерсона в «Дюймовочке». Что уж говорить о вере: для многих людей естественно было отсутствие религиозного выбора, самостоятельного опыта веры, принятие веры на веру. Только в наши дни стало получше, да и то не везде и не всегда.

В самом Евангелии, если приглядеться, нетрудно заметить разделение внутри самих иудеев, непосредственно повлиявшее на судьбу Иисуса. Это классическое противостояние жителей бедного, но набожного Юга с жителями зажиточного, но не слишком религиозного Севера.

Для жителей Иудеи и особенно Иерусалима — юга Святой Земли, «иудеев» в точном смысле слова — жители северной Галилеи, подбрюшья богатой Сирии, это высокомерные выскочки и невежды в религии. Приезжает мужик из Милана в Неаполь и объясняет, что кровь святого Януария вовсе не закипает, — может, его и не распнут, но фонарь под глазом обеспечен.

Таких противостояний было и есть множество, они как ма-трёшки, большие и маленькие, вложенные одна в другую или соседствующие. Узоры разные, лица разные, а суть одна — пус-то-та. Нежелание учить чужой язык, нежелание понимать, желание, чтобы тебя все вокруг понимали, как ты сам себя понимаешь, нежелание понять, что ты сам себя знаешь и понимаешь плохо, что уж о Боге говорить.

Иисуса ненавидели, потому что Он был с севера, из Галилеи. Апостола Павла ненавидели, потому что он был с ещё более дальнего Севера, из Малой Азии. Апостол Павел кажется победителем ксенофобии (еврей из Малой Азии в Иерусалиме был именно чужаком), но это не совсем точно. Он преодолел ксенофобию еврея по отношению к грекам — завоевателям и оккупантам Израиля, между прочим, ещё до римлян — но не более того. Хуже: греки, приняв эстафету Христа у Павла, не приняли его универсализма, они резко обрушились на иудеев. Так греческий антисемитизм из языческого стал христианским — что не означает, разумеется, что христианство причина антисемитизма. Так постепенно сформировалось худшее в византийском православии: поститься непременно не тогда, когда постятся иудеи, Пасху праздновать ни в коем случае не вместе с иудеями, свинину есть, даже если не хочется и т.п. Ну и погром время от времени, как без погрома!

Греческое православие и в наши дни остаётся националистическим, вплоть до того, что на Афоне стараются не допускать в монахи славян или грузин. Но греков постигло возмездие в лице итальянцев, они же древние римляне, после греков завоевавшие Израиль (Иерусалим несчастный город, кто его только не завоевывал, вплоть до британцев в 1917 году). Римляне обратились в христианство — и появилось католичество. При этом «католичество» — греческое слово, «ката-олос», «это-целое». Но в древнем Риме рассматривали греческую культуру как свою — трофей! Римлянин воюет, а его грек-раб читает ему пьесы вслух на ночь.

Теоретически в течение по крайней мере 7 веков, до 1054 года, католичество и православие были едины. На практике, это были две очень разные — нет, не религии, конечно, а церкви, две разные языковые традиции, обрядовые традиции. Теоретически, между прочим, так называемое «разделение церквей» 1054 года вовсе не было разделением церквей: папский посол, который тогда отлучил от Церкви византийского патриарха, не знал, что пославший его Папа умер, так что полномочий отлучать он уже не имеет. Но даже это ничтожное «отлучение» было торжественно аннулировано в 1965 году тогдашними папой римским и патриархом константинопольским. Никакого значения это не возымело. Культурные различия остались. И это не столько культурные, сколько именно национальные различия. «Католичество» в течение многих веков было прежде всего латинским языком и римской традицией. Постепенно, не вдруг, эта традиция утверждала себя как единственную и общеобязательную для всех верующих. Кто не верует так, тот схизматик, а то и еретик. Византиец, «ромей» (византийцы ведь считали себя римлянами), «грек»? Подозрительно! Византийцы отвечали ровно тем же.

Национальное стало имперским, и это имперское выдавало себя за вселенское. Каждая империя мнит себя вселенной, экуменой. Католичество сегодня воспринимается как нечто надгосударственное, но это не космополитизм, не сама по себе вселенскость, это трансформированная римская имперскость. Просто в какой-то момент императорский Рим стал Римом римских пап. Церковь поглотила империю, стала империей. Появление Италии как государства в XIX веке сделало эту

империю совсем виртуальной, но структура осталась именно имперской, и это даёт, к сожалению, себя знать. Православие пошло сразу по двум путям. Одно православие имперское, как и римское — это православие Стамбула, Константинопольского патриархата, который представляет уже несуществующую империю. Другое православие националистическое — православие Афин. Оба греческие, но очень разные. У православия в каждой стране есть свои особенности, далеко не всюду Церковь подчинена государству так сильно, как в России. Но главное в другом: настоящей вселенскости, настоящей «католичности», «экуменичности» ещё очень и очень мало. Словно у динозавра, у Церкви тяжёлый хвост. Он ничего не уравновешивает, этот хвост из опыта власти, доминирования, насилия. Он лишь тормозит, опрокидывает.

Вот откуда появляется протестантизм. Он пытается избавиться от средневекового насилия, и во многом преуспевает. Но ведь мало избавиться от хвоста, надо сохранить голову и лапы. Вот с этим есть проблемы. Протестантизм родился внутри Католической Церкви, во многом из-за той глупости, которую порождает абсолютистская власть. Но свой протестантизм породило и православие — и речь не только о старобрядцах, этом православном аналоге амишей. В сегодняшнем мире есть множество православных, выступающих против пережитков средневековья и национализма в сознании верующих. Правда, как раз в России таких православных очень мало, но причины тому вне Церкви, в России.

Такое разнообразие — иногда прикрытое формальным единством (в Католической Церкви существуют сотни разных течений и направлений), иногда нет — его нужно преодолевать? Или это разнообразие — как течения в Мировом Океане, нечто неизбежное и продуктивное? Ответ на этот вопрос не так важен, как понимание того, что единообразие и единство вещи разные. На самом деле, бытовые представления о «католической культуре», «православной культуре» абсолютно не отражают действительности.

Так христиане говорят о единой «исламской культуре», а ведь исламской культуры нет. Ислам есть, есть сильнейшая арабизация разных народов, исповедующих ислам — точно такой же феномен, как латинизация народов «католических». Но

ислам исповедуют регионы, где сотни и тысячи разных культур, движений и течений. Только для поверхностного стороннего наблюдателя все мусульмане на одно лицо.

Самое страшное — стать поверхностным христианином, для которого важно, чтобы все христиане были на одно лицо, в один день праздновали Рождество и Пасху, служили всюду на одном языке. Евхаристия — не гамбургер, который должен быть одного вкуса по всему миру. Цель веры — освободить творческие силы людей, сделать их едиными через личное своеобразие и разнообразие, а не вернуться в первобытную мегалитическую монолитность.

36. МЕЖДУ ЦЕРКОВЬЮ И СЕКТОЙ

«Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем» (Мк 6:3-4).

Древние римляне называли сумерки временем «между волком и собаком»: достаточно света, чтобы увидеть четвероное, но недостаточно, чтобы понять, это четвероногий друг или наоборот.

Свет Откровения, как ни странно, с точки зрения мира сего — сумерки. Не случайно одна из самых древних, ещё античных христианских песен до сих пор поётся именно на вечерних богослужениях: «Свете тихий, святягы славы, Безсмертнаго Отца Небеснаго, Иисусе Христе...» Это специально поётся, когда освещение притушено. Сумерки света. В Евангелии от Матфея говорится, что Иисус — Спаситель, потому что Иисус похож на Спасителя, как его описывает пророк Исайя. Слабак, который не может даже загасить дымящегося мха, сломать спичку.

На каждом этапе духовного пути, в каждой сфере духовной жизни по-своему обнаруживается противоречие между формой и содержанием, количеством и качеством. Вера открывает новое качество? Не вполне. Вера открывает Бога. Бог не есть одно из свойств, качеств материального мира. Бог — Творец. Качество и форма есть лишь у веры. Это наше, человеческое. Бога мы не можем не обозначит словом «великий», «большой», «сильный», но одновременно мы понимаем, что Он не материально большой, не физически сильный. Вот с верой и Церковью дело обстоит иначе. Мы спокойно говорим о «сильной вере», «большой», «крепкой». Но разве вера бывает большой, сильной, крепкой? Вера всегда лишь отпечаток Бога, Его Духа, Его благодати. Разве отпечаток тяжёлой золотой печати — тяжёл или хотя бы позолочен?

Материальное, животное начало в человеке всё время побуждает упрощать Бога (и это называется идолопоклонством),

побуждает оно упрощать и Церковь, Народ Божий, Спасённое Человечество. Подменять качество количеством.

Самый простой способ: считать, что истина всегда побеждает, прокладывает себе дорогу, так что истинная та религия, у которой больше последователей. Гы-гы-гы, всех английских православных можно уместить в одну телефонную будку, — издевался один апологет российской госрелигии. Или берётся другое измерение — ось времени. Истинна та религия, которая самая древняя. Кто пришёл раньше, уйдёт позже. Стоунхедж. Друиды. Да мало ли что! Наконец, можно взять пространственное измерение: правильная вера, которая повсюду.

В наши часто меняют знаки на противоположные. Мал золтник, да дорог. Бедняки отовариваются в огромных супермаркетах, миллионеры в крошечных бутиках еды и портков. Большая церковь для плебса, для истинных знатоков миниатюрные общины. Где двое или трое, там истина, а больше — там лицемерие и дешёвка. Время? Прогресс есть во всём, так что истина там, что сформировалось недавно. Никто же не изучает физику по учебникам столетней давности. Пространство? Точечно, точноно! Большие религии такую стандартизированную, безвкусную подделку распространяют как планетарные сети быстрого питания.

Вот откуда у современного человека очень острая смесь скепсиса и любопытства сразу во всех направлениях. Боятся и больших старых религий, и маленьких новых. И крошечных «сект», и огромных госрелигий. Но и тянет попробовать всюду. Совместить плюсы элитного ресторана с плюсами придорожной закуской.

В России классическим образцом проблем, связанных с материалистическим взглядом на религию является отношение к старообрядчеству. Уважительно-опасливое отношение. Когда-то главной причиной уважения к старообрядцам было то, что их было много. Формально, больше было новообрядцев — то есть номинальных православных госцеркви, но старообрядцы-то веровали не формально. Формальная вера не будет жертвовать комфортом и удобством. В современной России старообрядцы очевидное меньшинство. Большевики истребили 20 миллионов крестьян-старообрядцев. Старообрядчество стало верой горожан, часто очень хорошо образованных гуманитариев.

Старообрядчество при этом — отнюдь не за реформы, даже резко против, на этой почве оно и возникло. Однако, будучи против реформы богослужбной, против всякой новации богословской, старообрядчество резко реформационно в самосознании верующего. Это религия не коллективная, не конформистская, а покоящаяся на личном выборе и личной инициативе. Никакой государственной поддержки, активное дистанцирование от государства — это чрезвычайная новация для России, это реформа.

Историки сегодня избегают термина «секта», оно оскорбительно как термин «жид». Предпочитают выражение, устоявшееся в западной науке: «новые религиозные движения». Ведь «секта» в течение многих веков обозначало движение, отколовшееся от государственной религии, осуждённое церковной и светской властью. Но если светская власть и церковная разделены, то «секта» становится бессмысленным термином. Исчезает третейский судья, остаются двое верующих с разными позициями.

Все попытки изнутри религии отличить секту от церкви бесплодны. Критерии эти стоит перечислить. Размер — понятно, в чём ошибочность. Понятно, что любая религия начинается с одного, а потом идёт цепная реакция. Или не идёт. Но не голосованием же определяется истина, хоть научная, хоть духовная! Древность? Аналогично.

Самый смешной критерий: атмосфера. В «сектанты» могут записать и тех, кто «слишком вежлив» («заманивает»), и тех, кто слишком суров («подбирают мазохистов», «создают зависимость»).

«Секта» — это и организация, где руководитель слишком у вне подозрений, весь из себя ангел, и где у него нечистое прошлое. Церковь тогда дважды секта, потому Господь Иисус абсолютно чист и одновременно — был осуждён законным судом на смертную казнь.

«Секта» требует от своих последователей всё бросить, уводит их от «нормальной жизни». Как в Евангелии? «Кто не оставит отца и мать... Раздай имение нищим...». «Секта» агрессивно относится к тем, кто из неё уходит, проклинает их... Как Льва Толстого.

В «секте» запрещена критика руководства. Важный критерий, что и говорить! Но «почитайте наставников

ваших» — апостол Павел сказал. В некоторых религиозных общинах с самокритикой, прозрачностью и толерантностью всё отлично, в других — не слишком. Но прямой зависимости от вероучения никак не просматривается.

Может быть большая, древняя, всей нацией почитаемая Церковь, а по всем прочим признакам — секта, и быть в ней очень не хочется. А может быть маленькая группа, которая сегодня есть, а через полвека вымрет начисто — а там настолько идеально — человеечно-божественно — насколько может быть. Например, великий английский физик Фарадей был священником в такой крохотной группе.

В конечном счёте, ничто, никакие внешние признаки не могут освободить человека от необходимости вникать, думать, решать. Отсюда замечательный религиозный тип старообрядца, который мог раньше за жизнь сменить не один десяток «согласий» — так называли разные конфессии старообрядцев. Собственно, «кон-фессии» и есть на латыни «со-гласие».

Может показаться, что положение безнадежно. Это как с поиском своей половины. В мире миллиарды людей, а любовь, скорее всего, окажется с кем-то, кто чуть ли не в детском саду с тобой познакомился. Так, может, это и не любовь, а морковь? Но кто сказал, что в одном детском саду люди оказались случайно? Что мир случаен и иррационален? Ах, это атеисты сказали!..

То же относится к поиску своих единоверцев, к обретению своего места в Церкви. Теоретически безнадежно, на практике всё не так уж плохо. Редко кто совершает более двух-трёх переходов, и обычно это переходы — результат выбора не между разными богословскими или обрядовыми традициями, а между местом, где хорошо молится, и местом, где стало невозможно, невыносимо молиться. Откуда невыносимость? Да по-разному. Сменился священник. Сменился человек. Сменился состав прихода.

Важно помнить, что Бог — отдельно, а мухи — отдельно. Он — мёд, мы — мухи. Бердяев назвал эту принципом «достоинства христианства и недостойности христиан». Перелетая с места на место, надо помнить, что всё равно мёд у всех один, а местечко на нём всё равно нам не принадлежит. Навозная лепёшка наше место, а на меду мы так, «по благодати». Поэтому

летать — летай, а в тех, от кого улетел, не плюй, тех, к кому перелетел, не идеализируй. Всё-таки мухи, хоть и с крыльями, а не херувимы.

В современном мире редко действует принцип «где родился, там и пригодился». Люди все чаще переезжают в другие города, даже в другие страны. Не всюду есть отделения «своей Церкви», а если и есть — может оказаться неудобным. Да хоть бы и на одном месте всю жизнь прожить — священник, с которым сроднился, умрёт, а новый совсем какой-то окажется не родной. Что ж, терпеть? Господь терпел издевательства палачей, врагов, а от родных издевательства терпеть не стал, между прочим, ответил довольно резко. Заранее предвидеть все ситуации невозможно. Конечно, нужно смотреть на жизнь философски и понимать, что лучше хоть какая-то община, чем никакой, что идеально нигде не будет. В любом случае, не бросать камни в тех, кто ушёл, чтобы не вернулся камень, облетев вокруг земли. Все мы живём в одном стеклянном доме.

В общении — а Церковь это всегда общение — существует равновесие между минусами и плюсами. Любимому человеку мы всё готовы простить. Если нас в метро толкнули, мы поворачиваемся, чтобы возмутиться, и вдруг видим любимого актёра или писателя — простим! Очень даже простим! В самом скучном и недружном приходе может быть один прихожанин — или, увы для мужчин, чаще прихожанка, которая «светится». Не сильно ласковая, а просто вот светится, чёрт её побери, и ради неё мы никогда не покинем этой общины, в какие бы «ереси» та ни впадала. Вот и надо быть таким прихожанином или прихожанкой, чтобы ради нас не бросали нашей Церкви, чтобы свет Божий через нас проходил и помогал видеть, что это сектантство тут, если и есть, то случайно и неопасно, вроде экземы, а это именно Церковь

37. КРЕЩЕНИЕ И ПРИЧАЩЕНИЕ

**«Крещение Иоанново с небес было, или от человеков?
Отвечайте мне» (Мк 11:30).**

Крещение и Причащение — два главных таинства Церкви, поэтому вокруг них больше всего недоразумений и даже суеверий. Диапазон большой, но в основном связан с материальной частью. Главные же вопросы (и главные ответы) совсем о другом. Это даже не вопрос о том, кто совершает таинство — люди или Бог, благодать «с небес или от человеков». Главное: над кем совершается? Над человеком? Но кто есть человек? Дух, душа, тело?

Евфросиния Керсновская, православная и социалистка, когда чекист требовал от неё подписи о неразглашении того, что с ней было в коммунистических концлагерях (а на её долю выпали норильские рудники), отказалась. Потом она и написала, и проиллюстрировала свои воспоминания, в том числе, о каторге. Между прочим, чекист отступился, её освободили, как и требовалось законом. Он только с отчаянием спросил, почему она из-за такой малости упёрлась, ведь все подписывают. «У меня ничего нет, — ответила она. — Вы отобрали у меня всё, даже одежду. Я — это только моё имя».

Таинство крещения начинается с обряда оглашения. Сейчас они обычно соединяются, но в античность христиане иногда годами ходили в статусе «оглашенных», только перед самой смертью крестились. Оглашение — это во всей голос заявить, что ты отворачиваешься от сатаны и присоединяешься к Богу.

В православной литургии сохраняется возглас «оглашённые, изыдите!»: оглашённые ведь ещё не имеют возможности причащаться. Отсюда русское понимание слова «оглашённые» как обозначение каких-то кликуш, которые могут своими возгласами нарушить благоговение во время причащения, отсюда выражение «что кричишь как оглашенный».

Этот сбой в понимании, как ни странно, помогает понять, почему в той же античности был обычай в некоторых общинах после оглашения годами проводить обряд изгнания беса из человека. Были специальные экзорцисты, которые периодически

встречались с оглашенными, читали молитвы об изгнании бесов из человека (и сейчас «чин оглашения» это прежде всего такие молитвы).

Человек не бился в истерике, не плевал в крест — наоборот, он же заявил о желании креститься, он благоговейно слушает и повторяет: «Отрекаюсь от сатаны». В знак очищения ему клали на кончик языка немножко соли. Считалось, что соль очищает и поэтому засоленные продукты долго не портятся; отсюда слова Иисуса о том, что соль может «потерять силу» — ведь и засоленные продукты всё-таки в конце концов портятся, словно соль «обессилела».

Что же очищается в очищении, хоть солью, хоть водой? Человек, не тело же крестится, не тело разговаривает, не тело причащается. А человек — это имя.

Крещение есть очищение. Душ. Баня. Ванна. Сауна. Русское «крещение» от «крест» — результат поверхностного, принудительного крещения славян немецкими миссионерами во время святых Кирилла и Мефодия, даже пораньше. Говорили молитвы на латыни, проповедовали на немецком, славянин ничего не понимал, но князь приказал — надо. Главным элементом обряда сочли не воду, а крест, который целовали, который вручали для ношения, вот и назвали очищение — «крещением».

На самом же деле, крещение есть именно омовение, только извращённое. Нормальное омовение — когда человек моется сам. Интимное же дело! Только сам знаешь, с какой силой себя тереть. До Иоанна Предтечи омовение — это регулярно производимый именно религиозный обряд, очищение от телесной нечистоты, символизирующее очищение от грехов. Грехи-то изначально понимались прежде всего как действия абсолютно физические: украл, изнасиловал, поклонился не тому божеству.

С Иоанна Предтечи омовение — это принятие другого человека в качестве того, кто «погрёт спинку». Революция духовная! «Не плоть, а дух растлился» — и растление прежде всего в самоизоляции, в эгоизме. Пусть тогда другой польёт! Я передаю другому себя — и это искупление, преодоление моего эгоизма.

Понятно, что не тело очищается — душа очищается. Но «душа» — понятие странное и, в общем, неуловимое. Никто не называет себя «душой». У каждого есть имя. Поэтому

крещение очень быстро соединилось с обрядом дарования человеку имени. Поэтому оно стало совершаться и над детьми. Поэтому стали иногда менять имя в знак вступления в новые отношения с Творцом и людьми. Имя при крещении всегда — новое, даже если звучит оно как старое. Крещение — таинство обретения имени. Имени, которым меня позвал Бог, имени, которое и есть моё истинное и вечное я. Имя, которым меня позовёт Воскресение.

Понятно, что это имя — не набор звуков. Человек богоподобен, имя человеческое, как и Имя Божие — не звучит, а живёт. Это не имя-обозначение, это Имя, которое само обозначает, называет, призывает. Имя-в-общении, имя-во-взаимности, имя-в-любви.

Это имя нельзя предавать, это имя нельзя подписывать под грехом, под обязательством молчать, превращаясь в покорную бессловесную скотину. Это имя, конечно, будет ещё осквернено и предано мною самим, так что откладывать крещение на предсмертную минуту совершенно бессмысленно — и за секунду предам, и именно в предсмертную, может быть, секунду и предам из-за агонии, но это имя можно вновь и очистить. Но тут мы уже у таинства Причащения, Евхаристии, Литургии.

Сегодня, как и в древности, большинство христиан причащаются без исповеди. Только в России сохраняется поздний обычай перед причащением обязательно исповедоваться, но он уйдёт, это неизбежно. Не потому уйдёт исповедь как прелюдия к Евхаристии, что покаяние неважно, а потому, что Евхаристия важна. Не потому можно без исповеди к Телу и Крови Христа, что со свиньями ничего не поделаешь, ладно уж, пускай с ногами на стол забираются, а потому что Бог — не бифштекс и не кукуруза, которые кто смел, тот и съел. Бог — Огонь. Не шашлык на углях, а уголь, и уголь раскалённый.

Известно поверье, что, если узнать Имя Божие, то можно повелевать Богом или, по крайней мере, обрести всё, что хочется, от мерседеса до маракуйи. В общем, бессмертное счастье. Все умрут, а я нет!

Так вот нет у Бога Имени! Вообще нет! Нечего Богу нам открывать, называть, нечего у Него выведывать, и повелевать Им не получится. Имя — это человеческое. Не животное, а только человеческое, и за то, что человек есть, слава Богу.

У Бога нет имени, как нет у Бога тела, но — происходит Иисус. Случается Христос. Рождается тело. Человеческое тело? Да нет, животное, примат, какая-то там ступенька на эволюционной лестнице. Но хотя бы имя Иисуса — оно имя Божие? Да нет, у Бога же не может быть имени, как у Бога не может быть тела. Это вполне человеческое имя, условное, как все человеческие имена. Евангелие даже говорит, что Иисуса звали и Иисус, и Эм-ману-ил, что означает — добавляет евангелист Матфей для слушателей, не знающих иврита — «с-нами-Бог». У Спасителя и ещё россыпь имён: Палайас, Саршалом, Абиад, наконец, почти из Толкина — Эльгебур, «Сильный Бог» (Исайя 9,6). Ну что делать — когда не может быть имени, на свободном месте расцветает множество условных имён.

У Бога не может быть имени, не может быть и тела. Но — вот оно. Тело, которое можно родить — и родили. Тело, которому можно влить затрещину — влили. Тело, в которое можно вбить гвозди — и потекла кровь, и лёгкие стали тяжёлыми, и лимфатическая жидкость... В общем, лучше без подробностей.

Так вот, чтобы ни в одно тело, никто, никогда не забивал гвоздей, не плевал в лицо, не выносил смертного приговора, — «возьмите, ешьте, этот хлеб — Моё Тело, это вино — Моя Кровь».

Конечно, тут Бог пользовался образом спасения, который Сам и создавал у иудеев в течение веков: Пасха, Исход, выход из рабства в Землю Обетованную, в Израиль. Но Израиль — одновременно и имя родоначальника народа, и имя земли. Израиль — народное тело. Нет земли — нет народа. И это тело — от Бога. Примите, живите, это есть земля Моя, вам отдаваемая, реки мои, для вас изливаемые.

Но вот в этой земле, на берегах этих рек — убивают, лгут, творят кумиров направо, налево и ещё вглубь и ввысь. В общем, гибнут. Очень успешно гибнут, надменно держа голову высоко и прямо даже после погружения в полное д...о. Потому что земля — это лишь ещё одна ступень к спасению. Это спасение от рабства, но не свобода, спасение от чужого, но не обретение Божьего. Но зато на этой земле Бог может рассчитывать, что хотя бы один человек согласится выносить тело Его Сына, поделиться кровью с Его Сыном, родить, услышать,

понять, подхватить, послушаться и даже пойти с Ним в Иерусалим на Пасху — и на верную смерть и на такое неверное, ненадёжное, невероятное Воскресение.

Вот об этом теперь помните — не красивые нагорья, покрытые весенними цветами, ни извилистые речушки, не чудные пляжи и заснеженные горы, а вот эта лепёшка и это отнюдь не лучшее в мире вино — это Моё Тело, это Моя Кровь. Не страна, а личность — вот где довершается спасение и обретение себя.

Крещение и Причащение — как рождение и жизнь. Рождаются однажды, чтобы дышать всегда. Крещение — однажды, Причащение — всегда.

Вот почему крещение и причащение — два главных события в жизни христианина. Одно — уникальное, другое — хоть ежедневное, но никогда не повседневное.

Конечно, как и всё главное, эти таинства — таинство дать Богу своё неизвестное самому себе имя и таинство принять от Бога невысказанное для Него тело — в истории христианство обросли клубком споров и суеверий.

Для кого-то крещение действительно только, если в проточной воде, да молитвы читаются трижды, да церковь чтобы правильная, да окунать с головой, да то, да сё. Кому-то и вода не нужна — пришёл Дух и крестил. Или причащение: как его понимать? А если понимание неправильное — оно причащение? А если молитвы неправильные совсем или хотя бы чуть-чуть? А если зубы почистил с утра, можно причащаться?

Во всём этом можно (а кому-то и нужно) разбираться, но краеугольным камнем остаётся опыт веры, когда вдруг ясно, что камень может быть беззвучным именем «христианин», куском хлеба и каплей вина, а человек может отдавать сердце каменное и получить сердце Божие, принять чистоту и жизнь, не просто реставрировать старое, а получить нечто совершенно невысказанное, новое, непредсказуемое и головокружительно прекрасное.

38. ТАИНСТВА СИЛЫ: МИРОПОМАЗАНИЕ, ВЕНЧАНИЕ, РУКОПОЛОЖЕНИЕ

«я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым» (Мк 1:8).

Безуспешно пытаются люди провести различие между силой и насилием, обороной и агрессией. Нет этой границы, потому что человечество едино. Убивающий другого убивает себя, убивающий себя убивает всё человечество. Змея не может себя пожрать, заглывая собственный хвост, а человечество — запросто.

Спасение не отвергает силу как принцип жизни, как содержание жизни. Жизнь должна быть сильной, иначе какая же это жизнь. Три церковных таинства можно назвать таинствами силы. Миропомазание делает человека царём, взрослым, повелителем жизни. Венчание делает человека главой семьи, властителем любви. Рукоположение делает человека священником: пастырем, руководителем, учителем.

Миропомазание у православных слито с таинством крещения. Оно так в нём затеряно среди троекратного хождения вокруг купели, что его легко можно и не заметить. У католиков как в старину: крещение и миропомазание разделены, миропомазание — «кон-фирмация», «под-тверждение». Человек не просто умер, утонул в воде крещения и воскрес. Он не «вернулся к жизни», он «родился к новой жизни». Умер балбес — родился гений. Умер садист — родился добрый и нежный святой. Умер сексуально озабоченный кролик — родился принц с альми парусами. Всё чудесно, только вот пуповину надо обрезать и завязать, чтоб назад не вытекло.

Запри за собой, чтобы в новый дом не протиснулся старый грех. Сатана запечатывает тебя в склепе, пещере, гробнице своей печатью — Бог запечатывает за тобой небо Своей, «печатью дара Духа Святого», говорит священник, помазывая миром человека. Помазывает уши, руки, ноги. Корсет Духа. Чтобы слышал не только звуки, но и смысл, невысказанное, невыразимое. Чтобы видел не только внешнее, но и внутреннее, чтобы ходил «по пути правды», а не только по пути, где продукты подешевле, а зарплата повыше.

«Миро», как его ни «вари», это просто смесь масел и отдушек. Мироваренная палата в Кремле — да, где изготавливали миро на всю страну — до сих пор благоухает, хотя там давно музей. «Все мы одним миром мазаны» — много-то мира было не нужно, несколько капель всего. Драгоценное-то миро получается в стране, где подсолнечного масла до открытия Америки не было, оливковое было на вес золота, а какие были, вроде репейного — те как-то не сильно благоухают. В Израиле же иначе: когда пророк Самуил хотел обозначить, что царём иудейским станет Саул, он щедро, от души полил его оливковым маслом — и Саул не обиделся. Это же масло! Для еврея той эпохи оно как нефть для современных русских, один из главных источников жизни. Отсюда странный для нашего уха оборот в псалме: дружить это так здорово, так здорово... как если бы тебе на голову вылили столько масла, что оно стекает, пропитывая всю одежду!

Любой христианин — царь, любая христианка — царица. Помазаны на Царство. Царство, правда, Небесное. Вот здесь и начинает работать вера — та вера, которую выразил Иоанн Предтеча: я силён, потому что за мной идёт Намного Более Сильный. Вот у гавайских лодок делали балансир — вынесенное далеко за борт бревно уравнивало борт, когда на высоких скоростях или крутых поворотах лодочка кренится. На яхтах таким балансиrom яхтсмены делают собственное тело, резко откидываясь, держась за верёвку.

Не сорваться, не задавить никого, не саморазрушиться от избытка силы, — такое возможно только, если у тебя, Великого и Могучего, есть балансир, который не равен тебе по весу, а неизмеримо тебя превосходит. Ты кренишься в тоталитаризм — Он тебя возвращает в вертикаль творчества. Тебя клонит придать другому ускорению — Он тебя за воротник оттаскивает. А то бывали случаи... прецеденты... Ох, бывали! И в результате — «кто хочет быть первым, будь последним».

Ты Царь? Очень приятно, становись на колени и мой ноги своему дворнику. Как и Господь Иисус Христос апостолу Петру. Сила Божия в слабости совершается. Какое миропомазание было самым первым-то? А вот когда Иисусу перед распятием шанель номер пять на ноги вылили... А без распятия самодержавие личности недействительно.

Ровно то же с венчанием. Венчание — последнее по времени появления таинство-обряд. Понятно, что женились христиане всегда, дай Бог каждому так жениться. Понятно, что женились с молитвой. Женились по-разному, потому свадебные обычаи у всех народов разные. Сходны эти обычаи в одном: брак — это тоже смерть и новое рождение. Двое неполноценных умирают, рождается один полноценный. Были Машка с Ивашкой, стали «государь и государыня». Венец — он и для крепостных жениха с невестой царский венец. Перед Богом и друг другом они — цари не меньше Николая Александровича и Александры Фёдоровны.

Почему ж тогда в молитвах венчания то и дело «святые мученицы, молитте Бога о нас» — в смысле, о новобрачных? Медовый месяц или желаем помучаться? В истории христианства — как и в истории человечества вообще — отношение к браку как к мучению отнюдь не редкость. Плачем, воем, но лезем на кактус. А что делать — хозяйство-то вести надо? В старости от кого-нибудь стакан воды получить надо, пусть даже совсем не хочется пить? Пенсию обеспечить в виде законных детей надо?

Нет, не надо. Святые мученики никого не мучали, ни от кого стакана воды не ожидали, хозяйством пренебрегали. Кто не пренебрегал — тот и не мучился, а хозяйствовал. Да и пенсия мученикам не положена.

Мученики к браку имеют лишь одно отношение: они готовы пожертвовать собой ради Бога. Не женой и не детьми, а собой. Но и не ради жены и не ради детей. Кто готов всем, включая себя, пожертвовать ради семьи — скверный семьянин, опасный муж и никуда не годный отец. Таинство венчания — это получение силы, но на что сила? На любовь? Ну, любовь и есть сила, ей больше ничего не надо, кроме самой себя. Получение силы на отказ от силы! Получение силы на то, чтобы уметь быть слабым. Не «быть слабым», а «уметь быть слабым», качественная разница! Сильный человек тот, который умеет быть слабым — быть с умом, с юмором, с принятием слабости как любовного приключения или приключения в любви. А вот сила приключением быть не может. На танке не сделать тех пируэтов, которые делают на коньках.

Сила слабости нужна любви, чтобы справиться с силой насилия. Таинств семь, число в европейской традиции священное со времён доевропейских, вавилонских, поэтому монашество — постриг в монашество — таинством не стало, хотя очень, очень хотелось многим богословам его зачислить в таинство. А зачем? В таинстве брака предостаточно монашества. Это называется «целомудрие». Взаимное послушание, взаимная бедность. Всё принадлежит — нет, не другому. Если считать, что в браке всё принадлежит любимому человеку, это не целомудрие, а уловка, как у коррумпированных деятелей, которые записывают бриллианты на жену, а яхты на сына.

Имущество супругов нераздельно, но если супруги христианские, то имущество не их, а то ли Божье, то ли любого, кому понадобится. Заранее не скажешь. Поэтому таинство брака и возможно только с верой — с постоянной открытостью Богу, с постоянным прислушиванием к Богу, общением с Богом, молитвой Ему, принятием Его воли, которая редко выражается в словах, а чаще в разных происшествиях — отнюдь не всегда приятных.

Есть в таинстве браке и взаимное послушание, обоюдное самоотречение, но главное — есть постоянное воздержание. Воздержание от секса? Не совсем. Представления о том, что секс нечист, что постом секс недопустим — это из того средневекового фарисейства, которое и к менструациям относилось, как будто апостола Павла не существовало, и вообще утопало в суевериях. Что же, секс чист? Да нет его, секса! Есть много разных сексов. Самое важное — есть секс-для-другого, а есть секс-для-себя, и речь вовсе не об онанизме, который из всех сексуальных грехов самый безобидный. Речь об использовании другого. Для чего? Неважно, ключевое слово «использование». Любовь пользы не имеет!

Польза и любовь несовместимы как стиральная машина с бракосочетанием. Не венчают стиральную машину на мерседесе! Людей венчают, не резиновых кукол! В том и чудо любви, что секс она превращает... превращает секс... Ну как «превращает секс»... Молнию туда-сюда, туда-сюда... Что-то мешает. Да не «что-то», а «кто-то» — я сам и мешаю. Потому что параллельно с любовью-к-другому у меня идет любовь-к-себе, любовь на своих условиях, со своими привычками. Воду

в вино превратить легче. Но всё же — превращает! Таинство брака, как и все прочие таинства, лишь начинается в обряде венчания — а длится всю жизнь. В каждом браке, если он настоящее таинство, всегда есть место монашеству, воздержанию, целомудрию.

* * *

«Невеста», «царь», наконец, «священник» — всеми этими образами жонглирует Евангелия, пытаясь выразить то новое, что происходит с человеком в Христе. Таинство рукоположения — не о том, что в Церкви есть свои пастыри, жрецы, иеремии. В Церкви им не место. Крест мешает, отфильтровывает. Рукоположение делает человека священником? А как же. Формальный жест, возложение рук, тоже, естественно, из времён Авраама, Исаака и Иакова. Но что делается со священником после Голгофы и Воскресения? Вновь и вновь — ничего не делается. Просто возрождается дохристианский феномен: есть Бог, есть покупатели Бога, есть священники.

Покупатель даёт мясо, священник принимает и передаёт взамен благодать и прочие вкусы духовности. Да, это осквернение и кощунства таинства Благодарности, Причащения, Памяти о Смерти и Воскресении. Так Церковь вовсе не гарантирована от кощунства, иначе бы она не была победой над кощунством. Гарантии убивают, свобода животворит.

Сила священника (епископа, патриарха — все они лишь вариации на тему священства, или, если угодно, наоборот: священник есть заипованный вариант епископа) — в силе Божией. Если священник не слаб перед Богом, то он не священник, а антихрист. Поскольку Бог — в каждом человеке, то и священник вовсе не «пастух», ни «лидер», не «руководитель» и уж подавно не «духовный директор», а уборщица духовная, что ли... Если и директор, то сугубо в смысле директории, справочника, дорожного указателя. Дворник? Да, и дворник. Дживс при Вустере. Даже не шофёр, а дворник на лобовом стекле — туда-сюда, туда-сюда, чтобы дорога была видна.

Священник — среди всех детей ничтожных мира всех ничтожней он. Без «может быть». Поэт — «может быть», а священник — точно. Только поэтому его можно подпускать к совершению таинств. Чтобы не заслонить Бога. О, конечно,

заслонит всё равно — но тут уж на первое место выходит мирянин, да и мирянки, в общем — овцы. Церковь — единственное овцеводческое хозяйство, где овцы могут и должны контролировать пастухов. Потому что Христос так велел! Опять парадокс первых и последних. У язычников пастухи пасут овец, а у Христа овцы должны пасти пастухов. Чтобы не прелюбодействовали, не вдали, не крали... А те в благодарность — то повенчают, то крестят, то ещё что... Чаше-то священники нужно не для таинств сила, а для таинств слабости...

39. ТАИНСТВА СЛАБОСТИ: ПОКАЯНИЕ, СОБОРОВАНИЕ

«И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо;» (Мк 2:3).

Это ведь прямо детская загадка: куда один на четверых едет, чтобы одному без четверых ходить. Если священник — дворники на автомобильном стекле, то Церковь это автомобиль, и каждый в Церкви кому-то одно из колёс, кому-то приборная доска, кому-то мотор, но и для каждого Церковь — и колёса, и руль, и мотор. А бензинчик-то Дух Божий! Сидит человек в автомобиле, и автомобиль его, и если он мотор не заведёт, то не поедет. Священник тоже может не помочь — как и стеклоочистители не стеклоочистят ничего, если не залить жидкости, чтобы прыскать. Без жидкости просто размажется грязь по лобовому стеклу. Что

Зачем нужно исповедоваться перед священником, если кажется человек Богу? Ну да, зачем нужно колёса, если едет машина по дороге. Почему Христос не пришёл к расслабленному на дом? Да потому что это человек, физически расслабленный, а духовно-то явно был не слаб. Разыскал людей, готовых ради него землю рыть (буквально, потому что крыша была не деревянная, а настил из веток, соломы, земли). Убедил их, что есть смысл напрячься. Убедил и себя, между прочим.

К расслабленному духом Бог, конечно, приходит на дом. Слушает, утешает, прощает, исцеляет. Вот поэтому-то человек и идёт на исповедь — он исцелён. Он здоров, поэтому идёт исповедовать грехи. Больной духом не исповедуется в грехах, больной духом грешит. Грешит, думая, что третий не нужен. Грешит, думая, что все сволочи, а попы особенно. Грешит, замыкаясь в себе — это замыкание и есть эталонный грех. Это не уединение, это одиночество, и преозлобленное.

Исповедь — это даже не первый шаг к выздоровлению, это уже здоровье. Духовно мёртвые не исповедуются. Хотя каются, возможно, каждый вечер, и грызут себя, и пьют, а толку нет, потому что они сильно больны. Больны силой. Они мужественно сражаются с собой и своими проблемами.

А расслабленный — искал, кто бы его к Богу подтащил, признав, что слаб, не Маресьев нимало, не доползёт.

Покаяние — не таинство, а исповедь — таинство. Таинство не тем, что человек преодолевает стеснительность и говорит другому о своих слабостях, а тем, что человек видит в другом не судью, а помощника и спутника. В человеке видит — в слабом человеке. Значит, верует в Бога! Исцеление начинается в момент, когда о своей оторванности от человечества говорят человеку. Но если нет Бога — исцеления не будет. Будет выздоровление, может быть, будет психотерапия, будет утешение. Но силы Божией — не будет. А человек без силы Божией — эволюция на ветер. Хорошо модерированная обезьяна, не более.

Исповедь родилась у сильных людей. Это были монахи, которые жили в раскалённых пустынях Египта или в кишачих мошкаркой болотах Ирландии, люди гордые и самостоятельные, способные голыми выжить там, куда десантники без пуда снаряжения не сунутся. Потому что они пошли не убивать, а убиваться о своей слабости — о том, что сил много только на то, чтобы портить жизнь другим. Кирпичи об голову разбивать, когда нужно из кирпичей дом строить. Другой оказался для них не целью, а спутником. Один другому говорил, о чём вчера в одиночку каялся, а другой клал ему руку на шею и отвечал: «Твои грехи слились на меня, брат». Или сын. Или отец. Или мать. Кстати, женщины часто бывали и бывают исповедниками мужчин, хотя прочесть отпустительную молитву в православии пока — прерогатива священников.

В течение многих веков православные причащались один раз в год, а то и реже (хотя по древним правилам — не реже раза в месяц), а исповедовались и того реже. Это были весьма Средние века. Чем более зрелым и свободным становился человеком, тем чаще он приходил исповедоваться. В России накануне революции многие даже чаще исповедовались, чем причащались. А затем вдруг всё изменилось — там, где люди остались свободными, они постепенно стали исповедоваться всё реже и реже, и сегодня опять у католиков раз в год, а у православных, возможно, чаще, но только эти частые исповеди как раз не совсем исповеди. Как говорил американский православный священник Александр Шмеман, русские

эмигранты используют батюшку в качестве бесплатного психотерапевта. Это как автомобильным дворником очки протирать. Всем плохо.

Таинство исповеди не в исповеди, не в человеческих словах, будь то слова кающегося или священника, молящегося о прощении кающегося. Таинство исповеди в прощении. Просить и принять прощение может лишь сильный слабый человек. Но чтобы стать сильным слабым человеком, надо перестать быть слабым сильным человеком, который убить запросто, а признать, что убил — не в силах. Изнасиловать — пожалуйста, а признать, что изнасиловал, а не «она юбку короткую наде-ла» — нет сил.

На самом деле, даже искренне кающийся человек всё же не достоин прощения. Простишь — а он за старое. Вырабатывается даже привычка каяться, когда гресишь — и уже заранее вписываешься в колею «я грешу, Бог прощает, слава Богу». Нельзя прощать человека! Вредно это ему! Наказать его надо! Ну вот приносят Христу расслабленного, а Он ему: отжаться десять раз в знак покаяния! Вот почему «епитимья» — на греческом это всего-навсего «по-учение», по старославянски «на-казание» — вовсе не обязательная часть таинства исповеди. А что обязательная? А обязательной части нет вообще. Твёрдо можно сказать, что исповедь — не о чужих грехах разговор, не «согрешил ненавистью-завистью к соседу, который берёт взятки, сволочь». Этому выучиться нетрудно, не более 30-40 лет уйдёт. Вот как так вздохнуть, чтобы выдохнуть себя и вдохнуть прощение — этому не научиться, а произойти может в любой момент. Ощутить это можно? Ну... Таинство оно потому и таинство, что оно далеко не всегда ощутимо. Иногда после прощения такая слабость... И слава Богу, окружающие целее будут! А то пойдёшь опять косячить...

Вот почему последнее из семи таинств — соборование — такое редкое. В современной России оно стало не таким уж редким, Великим постом по несколько раз проводят, а раньше соборование — это как крещение, только впритык перед смертью, а не после родов. Лучше всего, как это обычно и бывает, описано соборование у Льва Толстого, с этой сцены роскошной начинается «Война и мир» (как венчание лучше всего описано им же, в «Анне Карениной»). «Соборование» — потому что

это единственное таинство, которое должен проводить сбор священников, собор, собрание из семи человек. Семеро молятся о здоровье восьмого — одного или многих восьмых. Семеро читают семь евангельских рассказов об исцелениях. Семеро помазывают больного — или, по крайней мере, чувствующего себя больным, в общем, слабого человека — маслом, «елеем», почему это таинство называет ещё «елеосвящением».

На деле, конечно, во многих обстоятельствах семерых священников не набрать, обходятся тем, что один читает молитвы за семерых. О чём молятся? Об исцелении? О том, чтобы человек никогда не умирал? А если Бог вдруг станет на каждое таинство соборование отвечать исцелением, на что будет похоже существование верующих счастливыхчиков? На пародийную увертюру, где завершающие возвышенные аккорды взметались — а потом опадали, и так раз сорок не могли закончить.

Как и в таинстве покаяния, тут другой — один священник, четверо или семеро — это друзья, через которых несут к Богу свою слабость, своё бессилие, и одно то, что человек молится при друзьях указывает на силу этой слабости и на силу его веры. Академик Сахаров сказал однажды, что любого политика можно поддерживать лишь условно. Вера говорит человеку не то, что Бог поддержит его безусловно и всегда, а прямо наоборот: Бог, может, и готов поддержать меня безусловно, но я прошу о другом. Собственно, я прошу, а не требую.

Я могу и даже должен требовать от Бога объяснений — как Иов требовал, но я не могу требовать бессмертия. Я могу и должен требовать от Бога безусловной любви, но было бы неверием требовать от Бога счастья без всяких условий. Любовь по определению безусловна, а всё остальное — условно.

Таинство соборования не есть таинство безусловно исцеления. Как, между прочим, и таинство исповеди не есть таинство безусловного прощения. Бывает, что прочтёт священник молитву о прощении, скажет, что «прощает Бог все прегрешения твои», а Бог вовсе и не простил. Не потому что Бог дурной, а потому что покаяние было дурное. Приоткрылся Богу не до конца — а прощение в щель не пролезает, ему нужно распахнуть душу. Это можно сказать и о любом другом таинстве, как и обо всём, что есть подлинно вечного в жизни человека.

Любое таинство, и таинство венчания может быть фикцией. Может, и священник из рукоположения не получился, может, и человек не крестился. Не потому, что какие-то условия не были соблюдены, а потому что человек принимает безусловную любовь, безусловную благодать и разменивает на пользу, уют, спокойствие, счастье, а то и карьеру. Бог может заступить место предателя — и защитит жену, детей, прихожан, заполнит С собой обрыв, свяжет провода. Только это слабое утешение, потому что не ради же галочки в отчёте живём, а чтобы каждый был жив и никто не был мёртв, ни душой, ни телом.

Таинство соборования именно тогда, когда оно совершалось над тяжело больными, вполне показывало настоящий смысл любого таинства. Статистически, конечно, результат был, мягко говоря, почти нулевой. Как с предсмертным причащением: получается, что Евхаристия — предисловие смерти. Уж на что суеверны суеверы, а рассказов про целительную силу предсмертных таинств немного. Тут и обнаруживается, что Бог — это Бог. Не протянуть подольше, не устроиться получше, а прильнуть покрепче и обнять по сильнее. Будь что будет, но быть вместе. В здоровье и в смерти, в богатстве и в нищете, в силе и в слабости Бог остаётся с человеком, и это таинство, потому что механизма соединительного нет, а единение — есть. Вечность не просматривается нигде и ни в чём, а любовь есть, когда исцеляющая, когда нет, но всегда — именно вечная и именно Божья.

40. КАНОНЫ, ИЕРАРХИЯ, АНАФЕМА

«И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе» (Мк 6:8).

Бога не выбирают, Бог выбирает и ставит перед выбором. Человеку хочется приватизировать Бога, сделать Бога частью своей жизни, чтобы жизнь стала спокойнее, гармоничнее, уравновешеннее. Окружающим тоже станет от этого лучше. Я сыт, так и другим перепадёт.

Бог выбирает человека не для спокойствия, а для спасения. Это не только к апостолам относится. Ведь Иисус посылает учеников проповедовать конец света с покаянием, а не гомеостаз с умиротворением. Ученики люди не богатые, но и не бомжи, благоразумные, не буратины, у них с собой было. Они этим и Иисуса кормили, между прочим. Но теперь Иисус предлагает им всё бросить и идти, надеясь то ли на Бога, то ли на людей. Примут, выслушают, согласятся, накормят — хорошо. Пошлют куда подальше — идите куда подальше. В животе бурчит? Ну, проповедуйте соответственно. Сытый голодного не разумеет, а сытого никто не разумеет. От сытого пахнет сладковатостью морга, от голодного пахнет Богом.

Ходить по воде — безобидное развлечение в сравнении с хождением проповедника среди мещан. Но других людей у Бога для апостолов нет. Только мещанин нуждается в спасении, тот мещанин, который сидит и в самом возвышенном мистике или философе, в Льве Толстом и в Лео Таксиле, как и в Смердякове и Ленине. Не убедишь мещанина? Иди к следующему мещанину, на твой век хватит. Мещанин тебя примет, выслушает, накормит? Не забудь сказать спасибо, попросить у него имейл, оставить свой, и двигай дальше.

С глубокой древности дорога — символ мысли и жизни. Иисус — учитель не потому, что учит, а потому что у Него есть учение, но слова «учение» в Евангелии нет, оно слишком абстрактное для той культуры, а есть слово «путь». Оказывается, Церковь — это не клуб по интересам, не сообщество верующих, Церковь — это правила, каноны, и первое правило: вперёд! Марш отсюда! Иди! Путешествуй! Иоанн Предтеча

призывал приготовить путь Богу, а идти по этому пути людям, верующим людям. Остановишься — всё, погиб. Надел рюкзак, взял в дорогу фургон, трактор, крестный ход — всё, погиб. Ты уже не на Бога надеешься, а на крестный ход надеешься, что с собой взяли, чем подкрепиться. Надеяться надо чудо — что другой поверит и в благодарность покормит.

Из этого первого канона вырастают все остальные. Конечно, не все каноны одинаково каноничны, но сам принцип каноничности никуда не деть. Правил нет лишь в абсолютно бесправном обществе, а Церковь, Царство Божие — это победа прав над бесправием, над обязанностями, над тоталитаризмом, над ответственностью.

Церковь — это победа самоорганизации над организацией. Ну что значит «победа»... Победа до Страшного Суда — это всегда поражение с точки зрения верующего. Верующий — он тоже человек, ему хочется такой победы, чтобы не осталось греха, чтобы хоть в Церкви было светло, сухо, мухи не летали, священники не насиловали детей и не полоскали мозги. А Церковь — Тело Божие, у Бога другие представления о победе, Богу и Голгофа победа, не только Воскресение. Бог очень даже умеет отличать победу от поражения, Бог не демагог, но Бог ценит поражение как освобождение от неприятной обязанности наказывать врага.

Как самоорганизация Церковь, естественно, ближе к организму, чем к организации. Страшный Суд не наступает, потому что реально пока Церковь ближе к организации, чем к организму. Христиане всё ещё надеются на чудо превращения организации в организм, но Бог может превратить воду в вино, но не может превратить чиновника в человека. Самоорганизация и есть умение не допустить чиновника в Церковь, и этого умения пока ещё очень мало.

Каноны могут быть разные. Исторически каноны в Церкви выросли из римского права, не из тех правил, которые запечатлены во Второзаконии и Левит. Разница, впрочем, не так уж велика, потому что право оно и есть право, в отличие от бесправия, которое причудливо и разнообразно-омерзительно. Попытка самоорганизоваться без правил, потому что они-де от лукавого, суть наивность, плавно доходящая до лукавства — просто каждый начинает свои представления о жизни возводить в каноны.

Каноны менялись, меняются и будут меняться. У католиков за один двадцатый век дважды составлялся новый кодекс канонического права. У православных теоретически каноны сохраняются в неприкосновенности с античных времён. Но это чисто теоретически. Практически, разумеется, даже самые заикленные на авторитете древности фанатики не смотрят врачу в... Нет, не в рот — канон запрещает лечиться у врача-иудея, а признаки иудейства не стоматолог определяет. В реальности именно у православных, как ни смешно, как раз потому, что каноны это просто набор ни на что негодных, кроме демагогии, лозунгов, даже сильнее элемент самоорганизации. Хочешь быть Церковью, приходится договариваться с другими о правилах — настоящих правилах, настоящих канонах. Всё это через пень-колоду, а если Церковь попадает под контроль государства, что бывает, то колода часто бывает типа эшафота. Что ж, путь Церкви — путь Христа, путь с палачами и пыточными орудиями. Преодолеем! Главное, быть на этом пути не палачом.

* * *

Отдельные каноны не так важны, как механизм реализации канонов. Механизм просто до ужаса — действительно, ужаса, буквально — это анафема. Отлучение! От чего отлучение? От Церкви? Ну как сказать... От самоорганизации отлучить нельзя, на то она и «само». Отлучают от участия в таинствах и обрядах. Например, самое знаменитое отлучение России — отлучение Льва Толстого — было запретом отпевать Льва Николаевича. Синод в своей мудрости додумался до идеи, что Толстой смертен. И вот умрёт — и надо его отпевать, он же по анкете православный. Синод мог рассчитывать на то, что вдова и дети на пушечный выстрел не подпустят священника ко гробу, но вдруг бы подпустили? Каково было бы отпевать человека, который всякий обряд заклеил как кощунство и формализм? Ну, подстраховались. Вышло — как и всё, то выходит у бюрократов и организации — что перестраховались. Дышло вышло.

Церковь до сих пор оправдывается, но неубедительно, потому что всем понятно, что двойной стандарт. Почему вдруг с Толстым решили применить каноны, а с ещё несколькими десятками миллионов человек — не применять? Ведь, как стало

ясно уже через 7 лет после кончины великого писателя и великого религиозного мыслителя, в России минимум половина населения были ещё менее православный, чем Толстой.

Что же, отлучать всех, кого следует, или забыть об отлучении как методе вообще? Но самоорганизация невозможна без самоочищения. Не всякий Иуда уйдёт и удавится. Тот Иуда был человек с совестью и сердцем, а большинство Иуд только встряхнутся и сделают вид, что ничего не было. Христос воскрес? Воскрес, так какие могут быть претензии, я только помогал процессу! Всякий посетитель публичного дома мнит себя борцом за сексуальную свободу.

Анафема — слово страшное, но страшное оно лишь для верующего человека. Ведь анафема это всего лишь отказ причастить. Просьба воздержаться. На протяжении тысячелетий большинство христианство причащались так редко, что фактически постоянно сами себя анафематствовали. Как можно отказаться причастить?

Простейшая ситуация: человек убил, убил публично, не делая из этого тайны и пришёл в воскресенье на литургию, как всегда — причащать? Он на фронте убил, не в подворотне, он орден от правительства получил. Но правительство — организация, а Церковь — самоорганизация. Правительство стоит на мече, а Церковь — на Кресте. Правительство — на тех, кто убивает, а Церковь — на Том, Кого убили, по приговору абсолютно законного правительственного деятеля. Понятно, почему святой Василий Великий, один из Отцов Церкви, предписывал отлучать солдата, убившего кого-то на фронте, на 3 (три) года?

Ситуация посложнее. Трое прихожан, муж и жена, а ещё одна прихожаночка. Муж ушёл от жены к прихожаночке. Что, причащать всех троих как ни в чём не бывало? Да они тогда все трое развернутся, уйдут и правильно сделают. Если не сделают, значит, совсем уж конец света близко, совсем православие порушилось. Сказать «разбирайтесь сами»? Да вот они поразбирались и доверяют священнику разобраться. Третейский судья.

В Средние века было просто — были прејскуранты, где чётко указывалось, как компенсировать тот или иной грех. Есть такой «епитимийник» («наказывательник») XV века,

принадлежал преподобному Кириллу Белозерскому. Там самое маленькое, крошечное наказание — десяток поклонов — за «еще кто похулит дождь или снег, Божье творение». Что ж теперь, и о погоде не поговорить?! Говори, да не ругай! Женщин не любить, с мужчинами не целоваться? Люби, целуйся, а не изменяй и не обманывай, и не обманывайся! Будешь обманывать и причащаться — как говорится в одной из молитвы, «ты же приговор свой съел». Ты на ступеньку в ад сошёл. Ты окаменел. Ты уже не вполне ты, а так...

* * *

Вот здесь в самоорганизации появляется страшное чудовище — иерархия. Неравенство. Вот апостолы без куска хлеба, даже без кредитки идут в путь — кто им епископ? Тот, кто их накормит. Он их причастит своего дома, своего труда, своего продукта, в общем, тоже «своего тела». Церковь есть свобода, анархия, но именно анархия знает цену архонтству, принципу старшинства.

Анархист потому анархист, что старшинство другого признаёт от сердца — от своего сердца. Организация подменяет иерархию доминированием, которое похоже на иерархию как вертикаль власти на яблоню. Конечно, в истории Церкви анархизма пока было не так много, как хотелось бы. Так в истории Церкви было мало и истории, и Церкви, в основном бардак и инквизиция, но это же не повод разбежаться. Наоборот — надо собраться и начать быть Церковью по-настоящему. Это означает полное равенство — а полное равенство подразумевает, что равный может принять суд равных себе. Суд пэров. Суд присяжных.

Суд одного или двенадцати? А это как договоримся. Вот в интернете все равны, но никто не отменяет провайдеров, международный орган, регулирующий раздачу доменных имён и т.п. Причём, этот орган — не государственный, хотя многие хотели бы сделать его именно государственным, пусть даже межгосударственным. Боже упаси! То же и с Церковью.

Бывало, что Церковь становилась государством, бывало, что государство становилось Церковью. Было и было, и былём поросло. Сегодня это всё спитой чай, хвост динозавра. Конечно, может повториться, вот и надо принимать меры, чтобы

не повторилось. И эти меры — не разбегания по квартирам, по глубинам души (есть ли что-либо бездушнее глубин души?! Нету!), это реформы, это перестроение, это жизнь в Церкви не потребительская, а нормальная, анархическая, творческая, свободная. С иерархией, конечно, и с обрядами, и с формами. Филателистам можно, а христианам нельзя? Наоборот!

Самоорганизация тем сложнее и тем более нуждается в правилах-канонах и иерархиях, чем более глубоких вопросов человеческой жизни касается. Если нужно поприветствовать вождя — достаточно флеш-моба. Собрались, гаркнули, разошлись. Если нужно любить — у, тут и обручальное кольцо может понадобится, и пару лет друг вокруг друга круги писать. Если дети — тут уж точно без иерархии никак, дети же не равны родителям, они намного выше. Вот и получается Христос и Его Церковь, где, как ни смирайся, а всё равно глава Церкви — Христос, и Он бесконечно ниже тебя, и поглаживает тебе пятку, поглаживает, «кисонька, лапонька», и всё ждёшь, когда будет «брысь под лавку», а нету! Вот оно, счастье, канон, иерархия и вечное блаженство!

41. ВНУТРИ ЦЕРКОВНЫХ СТЕН: ОТ КЕЛЬИ ДО КОСМОСА

«А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат» (Мк 4:20).

Опыт благодати, встречи, откровения — религиозный опыт — потому так часто сравнивают с влюблённостью, что это опыт восторга, который может доходить до эйфории. Какое там «тепло ему на свете»! Тепло батарее, а тут жар и трепет! Вода остаётся водой — ну и пусть! Гора с места не страгивается — не больно и хотелось! Я изменился, я стронулся!

Человек переживает даже не второе рождение — первое. Никто ведь не помнит своих переживаний при первом рождении, которые, судя по всему, были далеко не восторженные.

Радость эта потом уляжется, но не сказать, что человек «возвращается к норме». Даже если потом человек потеряет веру, прежним он уже не будет, как человек после развода не вернётся к состоянию «до». Не «реабилитируется». Любовь и вера — это не то, от чего нужно «реабилитироваться», «восстановливаться».

Самый лёгкий путь потерять веру (и любовь) — быть пассивным потребителем. Марк Твен ехидничал: якобы он соорудил из бумаги модели синагоги, мечети и костёла. Положил внутрь синагоги кусочек сахара, выпустил на стол несколько муравьёв, принесённых из сада, и все муравьи побежали в синагогу. Переложил сахар в костёл — муравьи побежали в костёл, поместил в мечеть, так все муравьи приняли ислам.

А сахар-то не бесконечен, в отличие от Бога!

Вот почему всякая коллективная религиозность обречена на исчезновение (исчезновение коллективной религиозности называют секуляризацией). Длиться коллективное потребление религии может тысячи лет, но коллективы распадаются, сахар заканчивается, муравьи ищут другой муравейник.

Человек не муравей. Поэтому первый порыв человека, открывшего Бога, влюбившегося в Бога, наслаждающегося любовью Божьей — сделать что-то для Бога. Вот откуда в храмах

сахар: фрески Микеланджело, музыка Моцарта, вдохновенные проповедники.

В пределе это вообще ведёт к монашеству. Монашество вовсе не обязательно — в монастыре. Монашество по определению — «моно», то есть, переход в одинокое состояние, уединение с Богом, посвящение всей своей жизни Богу. Как говорил один диакон, отказываясь петь для друзей своим замечательным голосом светскую музыку: «Пою Богу моему дондеже есмь». Бог существует, следовательно, петь нужно только для Бога. Пою Богу, следовательно, пою по-настоящему. Только творчество для Творца есть подлинное творчество.

Так появляется религия как форма. Не только христианство. Отнюдь не власть заставляет людей посвящать свои таланты и способности Богу. Конечно, кто-то работает для Церкви только за деньги, оставаясь вполне атеистом. Но всё лучшее в религии создано самими верующими, для Бога, не для себя. Кстати, многое исчезло — именно потому, что не ради славы своей, а ради славы Божией, которая не нуждается в публике.

По мере освобождения Церкви от государственной ласки, изменяется и монашество. Появляется идея «монашества в миру». А как иначе, если построить большой монастырь с роскошными зданиями мыслимо только в ситуации, когда государство поощряет набожность, причём избирательно. Все считают себя православными, но внутри люди чувствуют противоречие между свободой, которая неотъемлема от веры, и принуждением, которое неотъемлемо от всеобщности, насаждаемой властью. Тогда человек бежит от власти, бежит в лес, в пустыню, отгораживается от власти. Тогда к этому человеку идут другие, подобные ему — вместе легче выжить. Наконец, к этим монахам начинают идти — на время, не навсегда, идти в поисках настоящей веры — начинают идти и суеверы, так и те, кто, подобно Льву Толстому, и хотел бы покинуть лицемерный и рабский мир, но насовсем уйти не решается, так хотя бы в отпуск, в паломничество.

Когда государство оставляет верующих в покое, не нужно никуда убегать. Живи себе в городе. Так жили первые христианские подвижники, часто — общинами. Так и сейчас живут настоящие монахи — в городе, на жизнь зарабатывают как все: преподаванием, программированием, да мало ли чем.

Редко крестьянствуют — плетением корзин в современном городе много не заработаешь. Врачами работают. Но вечером встречаются в монастыре, который напоминает общежитие. Так ведь «общежитие» это термин как раз из истории монашества! Были монастыри «особножительные», где у каждого было своё имущество, своя пайка, а были — «общежительные». Коммуны, скажем прямо. Так ведь «коммуны», «коммунисты» — это отнюдь не те, кто положил жизнь на управление другими, которое всегда заканчивается банальным самоуправством, а те, кто положил жизнь на самоуправление.

Опыт монашества учит, что для того, чтобы стать «моно», надо сперва побыть «поли». Как в обычной жизни человек начинает с коллектива — семьи, а потом уже становится самостоятельным, так и в духовной — в «схиме», полное уединение идут лишь после опыта жизни в общине.

Монашества в современной Церкви мало, но желания жить для Бога немало. Здесь уже сама Церковь часто бьёт по рукам. Восторг от встречи с Богом всё-таки прежде всего — проекция религиозного опыта на эмоциональную сферу. Разум подтягивается потом. Оно и в любви так, и отнюдь не только в любви к Богу. Ничего плохого или подозрительного, свидетельствующего о самообмане, в этом нет, просто так уж устроен человек. Восторг Колумба при виде Америки не означает ведь, что Америки не существует. Просто Америка больше, чем ожидалось.

Восторг от веры часто имеет эхо: отвращение к тому, что не Божье. Опять как с влюблённостью! Любовь — не морковь, не уборка квартиры, не деньги, не планирование... Полёт!

Этап полного погружения в религиозную жизнь, когда ни на что более человек не обращает внимания, бывает далеко не у всех. Проходит у всех. Во всяком случае, у тех, кто потом действительно посвящает себя Богу — должен пройти. Восторг первооткрывателя одно, а жизнь в первооткрытой Америке совсем-совсем другое. Человек понимает, что любовь к Богу — как и любовь к человеку — это не презрение ко всем, кто не Бог, не любимое существо. Это источник любви ко всему, кого любит Бог. Но источник должен истечь, течь, впадать то в Каспийское море, то в больницу, то в науку, в общем — наружу.

Вот почему неопиту так часто дают по рукам — если есть, кому дать — чтобы не бросал учёбу, не бросал семью или жену.

Да, Господь Иисус сказал «оставить всё», но сказал это не всем и не навсегда. Люби Бога — и всё, бросок совершился. Всё осталось позади. Уходить никуда не надо. Надо идти к Богу — и вдруг за Богом начинает просвечивать и привычная работа, и поднадоевшая семья... Но их уже не узнать — ведь теперь человек видит их если не глазами Бога, то в свете Божьем. Всё преображается.

Оказывается, что можно быть и с Богом — и в семье, науке, творчестве. Даже в политике — христианские демократы это не пустой звук. Можно быть и христианским недемократом, христианским антидемократом, такое бывало и будет, к сожалению. Вот и надо быть таким христианином, чтобы свободы было побольше, а несвободы меньше.

В результате стрелка церковной жизни устанавливается обычно где-то посередине между маниакальным стремлением всё и вся посвятить не то что Богу, а прямо-таки религии и потребительским посещением храма, когда захочется. «Посередине» — это не на 50 (если по шкале от 1 до 100), это на 10. Отсюда библейская идея десятины. Десять процентов от дохода на религию — это очень много! На практике такое встречается крайне редко, у некоторых протестантских общин. Один американский бизнесмен поступал настолько радикально, что платил десятину до уплаты налогов. Что напоминает: жертвовать на добро только, если делают налоговое послабление, дело неплохое, только не имеющее ни малейшего отношения к вере.

В исламе и в иудаизме десятину часто трактуют как отдачу денег не на религию — обряды, здания и т.п. — а на помощь нуждающимся. Нуждающимся, конечно, помогать надо, но всё-таки десятин — это Богу. Нуждающимся, к сожалению, нужно намного больше — посмотрите на норвежцев, которые и сеют, и жнут, но отдают нуждающимся до 40 процентов.

Тем не менее, даже пять процентов, даже четыре процента на церковь — на церковные стены, скажем условно — это очень и очень много, если процент постоянный. Этого достаточно, чтобы двенадцать человек могли платить постоянную зарплату, равную своей собственной, тринадцатому, а духовенство обычно получает лишь половину от средней по региону. Этого достаточно, чтобы религиозная организация, которая

бессмертна и не платит налогов на наследство, а иногда и никаких налогов, постепенно богатела, тогда как люди то богатеют, то беднеют.

В результате Церковь начинает напоминать лодку Робинзона Крузо. Первую лодку: Робинзон изготовил её из самого большого дерева, потратив несколько месяцев, и только потом сообразил, что не в силах стронуть её с места. Наследство тормозит, расплющивает наследника — такое и вне религии бывает сплошь и рядом.

Это справедливо не только для стен, но и для духа. Верующие пишут книги, сочиняют музыку, рисуют картины, — но верующие умирают, а их творчество остаётся, и что тогда? Даже если сохраняются верующие как преемники по религии, это верующие уже освоили бывшее прежде, новое стало для них знакомым, они ищут и жаждут нового нового. Достижения церковного хозяйства превращаются в обузу. Если нет жажды нового, если не превращаются, это ещё печальнее: значит, Церковь превратилась в музей.

Может быть, самое опасное для Церкви — хотя самое, казалось бы, естественное — это существование «освобождённых» служителей Церкви. Что плохого в том, что священник, тем более епископ целиком отдаются своему служению? У любой общественной организации, если она не совсем крошечная, есть свой административный аппарат. Да то плохо, что повышается риск отчуждения. Священник или епископ — не психолог, который хорошо, если профессионал.

С этим прямо связана другая проблема: споры о допущении женщин к церковным должностям. Во многих протестантских церквях спор уже давно завершён, есть женщины и среди епископов, и среди священников, не говоря уже о теологах. В православии с католичеством споры идут. Но зачем спорить о том, может ли женщина преподавать теологию, когда надо спорит о том, допустимо ли вообще преподавать теологию в государственном вузе?

Пока в Европе ещё сохраняются доставшиеся от Средневековья с его принудительным христианством нормы: новорожденных записывают в католики или протестанты, теологию считают нормальной гуманитарной дисциплиной... Всё это неизбежно исчезнет в ближайшие десятилетия, вопрос

только в том, станет ли это для христиан несчастьем, которые они примут, сжав зубы, или христиане сами сделают рывок от средневековья к свободе.

Был совсем недавно в России, и не только в ней, феномен «старчества», когда какого-то монаха назначали вести приём приезжающих в монастырь мирян и давать им советы. На Западе такой же феномен называли «директор духа». В Средние века такого феномена не было — он результат повышения и грамотности, и мобильности, и зрелости людей. Церковь оказалась при этом чем-то вроде огромного неврологического диспансера.

Ясно, что, когда Христос говорил о Церкви как о дрожжах, Он имел в виду совсем другое. Церковь часто больница, но больные выздоравливают, слава Богу, а Церковь остаётся. Люди уже научились жить самостоятельно, в старцах не нуждаются, и это и для потенциальных старцев очень хорошо, могут посвятить себя целиком тому, чему хотят себя посвятить. Но что же тогда можно и нужно делать для Церкви? Как ей служить?

Наверное, можно для Церкви и здания строить, и книги писать, и музыку сочинять. Ничто не запрещено. Просто это надо делать со смирением, понимая, что это нужно тебе, а не другим. Это не ради Бога, это самореализация. Ничего дурного в самореализации нет, просто религиозное творчество перестаёт быть самоцелью, идолом, вытесняющим Бога.

Исчезает и дамоклов меч пожизненности. С древнейших времён, задолго до Христа, верность Богу понималась как окончательность выбора. Священник, епископ, монах — так навсегда. Это не результат того, что Бог вечен, это результат проекции на Бога человеческих предрассудков.

Сила понимается как способность противостоять изменениям, а изменения понимаются исключительно как распад. Всё течёт, всё изменяется — это плохо, это предсмертная агония. Вечная жизнь есть неизменность, и в религии человек награждается способностью создавать островок неподвижности в бушующем океане гниения и смерти. Спасение есть замирание. Творчество есть преодоление движения. Бог — идеальная остановка. Вечная жизнь — вечная неподвижность. Идеальная любовь — это замершие в торжественных позах люди.

Иисус пришёл не остановить, а напротив, исцелить от неподвижности. Одно то, каков Он был, как проповедовал, каким Иисус не был — это наглядный пример, прорыв жизни вечной как движения в жизнь временную как вечного движения. Ничто материальное не может быть признаком Бога. Неподвижность? Мертвец тоже неподвижен. Движение — проявление несовершенства? Только несовершенное движение или движение в сторону несовершенства. Огромный первичный испуг перед миром создал миф о неподвижности как святости, восприятие Бога как победителя не греха и смерти, разъединённости и злобы, а победителя какой-то одной черты мироздания.

Бог — Творец? Творчество — движение? Любовь — движение? Но это означает, что не всякое изменение — измена, что измена может заключаться как раз в отказе меняться. В истории отношений человека с Богом это сплошь и рядом. Всякое обрядоверие, всякое ханжество — подмена верности неизменяемостью.

Что же, и разводиться можно? И уйти из Церкви не грех? Покинуть монастырь? Может, и при крещении говорить, что «соединяюсь со Христом на пару лет, аминь»?

Покинуть монастырь точно не грех. Если, конечно, при этом никого не обмануть, ничего не украсть. Вот оставаться в монастыре, если ты стал атеистом или если ты завёл подругу на стороне, — точно грех. Грех лжи и измены. Да не монастырю — подруге!

А вот изменить жене или мужу — грех. И ныне, и присно, и как там — ах да, во веки веков. Потому что любимый человек — не часть мира сего, не секунда во времени, не этап, который можно пройти, а сама вечность, живая, стремительная, меняющаяся — не старящаяся, это лишь о том, чем врачи занимаются — а растущая, расширяющаяся, творящая. Как Бог. Образ и подобие!

Коллектив — явление статичное и потому увядающее, разлагающееся. Личность — динамична, потому что вечна. Вот почему жизнь с Богом отстёгивает десятину на церковные стены, но церковные стены — не только стены, меньше всего стены. Опять вспоминаем евангельское «дрожжи». Как перед входом в магазин ставят по морозу тепловую пушку: это пушка? Она убивает? Стена тёплого воздуха — стена?

Десятина — это часть не только от дохода, это часть от жизни, а жизнь-то не доход, жизнь — полёт. Посвятить Церкви лучшие свои порывы — и порывы вернутся сторицей, ещё и другим достанется. Быть верным Богу, Который идёт, а не лежит на печи. Идти с ним, слушая Его, расспрашивая Его, не боясь переспрашивать, радостно пересказывая друзьям, что услышал, — и тогда Церковь из сообщества станет сообщением, из спасательного круга — бесконечностью творчества, из кучки выживших — жизнью космоса.

42. ЦЕРКОВЬ И СВОБОДА: СЕКУЛЯРИЗМ, ГУМАНИЗМ, БИОЭТИКА ОТ ПРОБИРКИ ДО ЭВТАНАЗИИ

«И когда Он вошел в лодку, бесновавшийся просил Его, чтобы быть с Ним. Но Иисус не дозволил ему, а сказал: иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя» (Мк 5:18-19).

Русское «город» означает место, окружённое стеной. Между тем, с XIX века все развитые города теряют стены. Сносят. Если стены остались — как в Иерусалиме или в Таллине — значит, было экономическое отставание. Стены мешают дорогам. Риск быть завоёванным оказывается ничтожно мал в сравнении с риском оказаться в изоляции и отстать.

Города стен лишились, а души нет. Доходит до смешного: мы повторяем молитву о восстановлении стен Иерусалима. Стены-то восстановлены, лучше прежних, в XVI веке турецким султаном. Самое же смешное: что, как сказал однажды Иисус по другому поводу, «не понимаете, о чём молитесь». Не нужны стены! Ну обходятся Париж, Лондон, Нью-Йорк без стен, и отлично живут!

Исчезновение городских стен — результат изменения отношений между людьми. Дело не только в торговле, конечно, торговля следствие. Люди стали свободнее, а стена — это ведь издревле символ не столько защищённости, сколько господства. Иерусалим — столица, господствующая над городами и городками, у которых не было таких роскошных стен.

Почему люди Западной Европы стали свободнее? Почему с XVI века утверждается идеал личной свободы, гуманизма, демонтируется система, которая уходит в незапамятную древность: в каждом государстве есть господствующая религия. Можно поменять религию (как Константин Великий менял язычество на христианство), но принцип господства неизменен. И вдруг — отменяется!

Хочется верить, что и вера в Христа внесла свою каплю мёда в появление общества открытого, без стен, со свободой веровать или не веровать. Смущает — прежде всего, смущает нехристиан — что многие христиане по сей день считают

необходимым в той или иной мере восстановить стены. Чтобы защитить от зла и сохранить добро, конечно — но именно стены. Запреты. Например, пусть будут запрещены противозачаточных средств, зачатие в пробирке, однополые браки, аборт, разводы, эвтаназия.

Любопытно, что запрета разводов сегодня не требуют даже самые фанатичные противники «цивизации смерти», как называют открытое общество, общество гуманизма и прав человека. Многие из этих фанатиков сами разводятся вовсю, но ещё больше просто не понимают, что, если выполняют программу по биоэтике — от запрета противозачаточных средств до запрета эвтаназии — то логика несвободы потребует вернуть времена, когда брак без венчания считался прелюбодеянием, дети от этого брака считались незаконнорожденными и лишались многих прав, у матерей-одиночек вообще отбирали детей в приюты, да и их самих тоже, если молодые, отправляли на вечное перевоспитание...

Если ещё дальше, то разве не разумно восстановить — к общему благу — государственную заботу о том, чтобы все правильно веровали? А те, кто производит неправильные идеи, разве не подлежат такому же наказанию как фальшивомонетчики? И не восстановить ли смертную казнь, а ювенильной полиции поручить пороть детей, когда этого пожелают родители — чтобы дети не таили зла на родителей и чтобы исполнялась фраза Библии, предписывающая не жалеть розог для детей.

На самом деле, пока ещё ни в одной стране мира не достигнут вполне идеал гуманизма и открытого общества. В наше время положение даже несколько ухудшилось в сравнении со второй половиной XX столетия, потому что в свободном мире выросла ненависть к мусульманам. Государственные религии во многих демократических странах сохраняются, хотя их государственность очень условна, как власть английской королевы. Правда, с каждым годом пространство религиозной свободы постепенно расширяется.

Свобода оказалась неожиданной для Церкви как целого. Всё казалось таким идеальным в «Высокое Средневековье». Все католики — если страна католическая, все православные — если страна православная, инаковерующие и инославные

живут в анклавах, гетто, знают своё место, не лезут на глаза и во власть.

Что же плохого, кроме хорошего, в такой идиллии? Да то, что веру нельзя навязывать. В стране, где все должны быть христианами от рождения, все верующие — но одни верующие реально, а другие фиктивно. Причём, фиктивные верующие сами не догадываются, что их вера — не настоящая, а суеверие. Рано или поздно, однако, это даёт себя знать в абсолютно нехристианском, антихристианском поведении. Исправлять поведение? Нет. Отменять необходимость лицемерить. Религиозная несвобода — антирелигиозное явление. Первыми её жертвами становятся как раз верующие. Ведь фиктивно верующие лучше делают карьеру, они не ограничены стремлением следовать воле Божией. Они с чистой совестью отождествляют свою волю, свои представления о правде с волей Божией. Опыта богообщения у них нет, только опыт навязывания убеждений. Их принудили — и они убеждены, что принуждение и есть источник веры. Какая уж там благодать...

Это не со Средневековья началось, и не с христианства, а Наверное, уже и в палеолите было так, только письменности в палеолите не было и не сохранилось протоколов тогдашней инквизиции.

Средневековая Церковь выкопала могилу средневековому христианству своей проповедью Евангелия? Или средневековый экономический взлёт дал возможность людям обрести уверенность в себе? Или средневековое просвещение, начиная с университетов, которые именно в Средние века появились, открыло людям путь к личному росту, самопознанию, освобождению от дикарских представлений о религии и государстве?

Наверное, все эти причины и многие другие. Важнее другое: как сегодня христианам строить отношения с обществом. Поняли и приняли христиане, что они — общество, не совпадающие со страной, государством, народом, нацией, с обществом?

Христиане уже были (в первые три века после Воскресения) маленьким обществом внутри большого нехристианского, даже антихристианского общества. Сегодня мы стремительно возвращаемся в это положение, возвращаемся математически.

Но душой возвращаться не следует. Страдание не обогащает, опыт страдания обогащает, сказал Николай Бердяев.

Опыт господства — это не опыт победы, а опыт страдания, это опыт болезни, это опыт патологического повторения христианами той ошибки, которую совершали все другие религии — расчёт на силу. Страдание нехристиан, но и страдание христиан, потому что христиан с совестью не может не страдать, глядя на костры инквизиции и понуждение к вере огнём и мечом. Этот опыт нельзя забывать, чтобы не повторить ошибку. Не мечтать о возвращении в средневековье, даже в самом миниатюрном виде. Понимать, почему это страдание — и для людей, которых силой обращают в христианство, и для Небесного Отца. Для Христа. Для Духа Божия.

Как же тогда относиться к тому, что составляет суть современного мира и может быть обозначено словами «гуманизм», «секуляризм»? Гуманизм родился как христианское движение, но очень быстро стал вполне секулярным, сегодня он даже антирелигиозное обычно явление.

Секуляризм — это название политики конфискации церковных земель в XVII-XIX веках, теперь слово обозначение конфискацию — отобрание у Церкви полномочий по участию в управлении государствами и обществом. Не просто «отделение Церкви от государства» — от общества тоже. Особенно от школы, с яслей до университета. Это вопрос простого соблюдения принципа «не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали с тобой». Хочет христианин, чтобы мусульмане или индуисты, если они вдруг в государстве составляют большинство, учили его, христианина, как жить и веровать? Вот этого наивного высокомерия и спасает секуляризм.

Гуманизм разный, отношение к гуманизму и секуляризму может быть разным. Это неважно. Важно, что это отношение не может выражаться ни в каких насильственных действиях против гуманизма, атеизма, воинствующего безбожия, противозачаточных средств, абортот и т.п. Кто применяет силу для борьбы со злом, хоть свою личную, хоть государственную, тот уже по ту сторону Нагорной проповеди.

А как насчёт силы слова, убеждения? О, пожалуйста! Одно маленькое условие: слово должно быть личным, а не обезличенным, не «Церковь учит», а «я уверен». Хоть у папы

римского, хоть у проповедника техасского, хоть у патриарха стамбульского. Не потому, что Церковь учит иначе, а потому от себя — действенное. Сто человек, ухватившись за одну нитку, не смогут вдеть её в игольное ушко — а один человек сможет! И блоху подковать — не к миллиону людей надо обращаться.

На количество, а не на качество уповают те христиане, которые стремятся выстроить нечто вроде пирамиды или цепной реакции атомного взрыва: есть правда христианства, а христиане обязаны её транслировать. Кто не транслирует, тот предатель. Христианин в парламенте голосует за разрешение разводов или абортов? Так он сам себя отлучил от христианства.

Это плохая новость для тех, кто сделал смыслом своей жизни борьбу с разводами, абортами и т.п. Для них есть и хорошая новость: если они не присоединятся к христианам, проповедующим запрет войны и смертной казни, это не грех, не предательство, не отсутствие солидарности церковной, это вполне допустимый личный выбор. Кто-то против абортов, кто-то против войны. Одни пикетируют у клиник, другие у военных министерств.

Не совсем понятно, где пикетировать против гуманизма. Только зачем против него пикетировать? Что в гуманизме атеистического — это не гуманизм, а атеизм, можно пикетировать против атеистов, если найдётся их коварное гнездо. Что в гуманизме гуманистического — человечность, доброта, уважение к жизни, отношение к человеку как к явлению, которое важнее любой организации и любого учения — заслуживает не пикета, а глубокой признательности. Так оно и есть. Свобода? Конечно! Права человека? А мы что ж, без прав хотим остаться? Или мы избирательные права человека? Мы за то, чтобы у нас было право избирать — какие права каких людей соблюдать, а какие нет?

У христиан нет авторских прав на доброту, любовь, человечность. Автор — Бог. Если Бог даёт эти качества неверующим или даже атеистам — Его решение, не верующим с Ним спорить. Принять волю Божию и пользоваться: если голодного можно покормить только на паях с гуманистом — спаиваться. Если жаждущему можно дать воду только из-под крана секуляризма — давать. Не требовать указывать на каждом куске хлеба и на каждой бутылке воды, сколько процентов — от

гуманистов, а сколько — от христиан. Всё — от Бога, все — курьеры Божии, кто сам про себя этого не знает, не виноват, а виноват, кто эти гордится и это выпячивает. Делай добро так, словно ты не верующий, проповедуй так, словно от веры никому не было добра, — щепетильному и смиренному скорее поверят.

Нет «цивилизации смерти» и «цивилизации жизни». Все хотят жизни. У кого-то из этого желания получается аборт, у кого-то — тюрьма для еретиков, у кого-то — мировая война и Освенцим. Представления о жизни разные, и надо радоваться, а не ужасаться тому, что прямых сатанистов почти нет. Злу и смерти в открытых формах поклоняются обычно подростки с проблемами или не вполне вменяемые взрослые.

Смерть сеяли и сеют очень приличные люди, часто христиане или верующих других религий, но часто и атеисты, агностики, даже учёные. Сеют из лучших побуждений — чтобы победить смерть. Только смерть победил Христос. Эти слова многим кажутся бессмысленными — допустим, даже если Иисус воскрес, говорят они, какое отношение это имеет к моей жизни? Бог мне пособия на ребёнка не назначит, от коричневой (жёлтой, чёрной, зелёной) чему не защитит. На Бога надейся, а сам не плошай. Запрети, посади, возьми под контроль.

Единым фронтом выступить против презервативов... Сплотиться всем как один перед наступающей эвтаназией... Ответим единением и соборностью на зачатие в пробирках...

Только вот разные есть мнения о зачатии в пробирках, не говоря уж о презервативах. Разница не между верующими и неверующими, а между христианами и иудеями, индуистами, мусульманами. Разница между католиками, протестантами и православными. Да между католиками — самой, казалось бы, сплочённой из больших конфессий Церковью — тоже не без разногласий. Просто одни не скрывают разногласий, а другие предлагают считать, что кто разногласит — не католик. Иногда в результате такого счёта остаются два-три человека, которые даже папу римского считают неадекватом, только себя — настоящими римо-католиками.

Соборность и единство Церкви в социальном вопросе вовсе не в том, чтобы стать партией, где есть единые ответы, обязательные для произнесения всеми членами партии. Церковь

есть единство в общении, Церковь там, где люди больше общаются и лучше общаются, потому что Христос — воскресший Иисус — посредник в общении. Не всегда явный, но всегда реальный в общении и отсутствующий в подчинении, этом главном тормозе общения. Аборты, войны, инквизиция, эвтаназия плохи именно тем, что создают ситуацию, в которой общение более невозможно. Общение с нерождённым, казнённым, умершим. Родить — и на всю жизнь посадить в карцер, это хуже аборта, это бесконечная агония, когда быстро станут умолять об эвтаназии, кто не превратится в овоща.

Самое скверное — когда лукаво перекладывают убийство на другого. Инквизитор — на светскую власть, мучающийся от боли — на врача... С абортом опять всё очень сложно, потому что сам себе человек не может сделать аборт, это почти стопроцентное самоубийство или жуткое самокалечение. Помогать? Плакать! Для начала — плакать. Потом — думать. Потом ещё плакать. Предлагать денег, просить отдать на усыновление-удочерение, ещё плакать... Общаться, разговаривать, обсуждать... Но не запрещать, любой запрет — тот же аборт, только нематериальный. Но для верующего это, пожалуй, даже хуже — убийство души.

Общество — не Иерихон, который нужно обходить хоро- водом, трубя о том, какие мы великие и какой великий наш Бог, чтобы рухнули стены и захватить, истребить, заселить собой. Общество — это общая земля, стен давно никаких нет и не нужно их строить, а нужно, как сказал Иисус бывшему бесноватому — рассказывать, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя. Лично тебя. Не убедил? Расскажи иначе. Опять не убедил? Молись Богу, чтобы найти говорящих лучше тебя. И вместе не убедили? Проси Духа Святого рассказывать и обращать. Но никогда, никого, ни за что не насилуй, не возвращайся в беснование, которое пытается всех подчинить и в итоге порабощает лишь бесноватого.

43. ЦЕРКОВЬ И РАВЕНСТВО: ПОЛИТИКА, ВЫБОРЫ, ДЕМОКРАТИЯ

«Иисус же, подозревая их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк 10:42-45).

Свобода это не жизнь, это одно из условий жизни. Споры о том, должна ли Церковь — через духовенство или через христиан-политиков — влиять на жизнь людей, ограничивая или, напротив, расширяя их возможности и права, это спор об условиях жизни. Можно представить, что спор этот придёт к какому-то завершению. Будут рождаться все, кто должен родиться. Кто не хочет рожать, не будет рожать. Разберёмся с браками, многополыми и однополыми, разберёмся с местом религии в государстве и в школе. Что дальше?

Дальше то же, что было и бывает в самых разных странах и эпохах. Идеальной свободы пока не бывало на земле, а государства бывали и будут, разные формы правления и социальной жизни были и будут. Кому жить — один вопрос, а что делать тем, кто жив — другой вопрос, и его решать надо самой собой.

Со времён Французской революции этот вопрос обычно формулируют как вопрос о равенстве. Не о равенстве физических или умственных способностей, конечно, а о равенстве перед законом. Разные политические формы — самодержавие, демократия, олигархия, аристократия, тоталитаризм — это разное отношение к равенству перед законом. При монархии царь не просто стоит выше закона — он является источником закона. Поэтому царя или короля нельзя судить. При тоталитаризме закон вообще исчезает, все равны перед беззаконием. Между этими двумя полюсами огромное пространство разнообразных вариантов. Есть ли какой-то предпочтительный для веры вообще и для веры в Христа в частности?

Современный человек хорошо знает, что Церковь поддерживала монархию, что было торжественное помазание царей священным миром, коронование в соборах. Однако, это явление сравнительно недавнее. В Библии монархия появляется поздно, причём пророк Самуил от имени Бога сообщает, что монархия — это неправильно, что царь соперник Богу и будет угнетать народ. Монархия для евреев это прежде всего обычай языческих империй, которые постоянно угрожали Израилу, разоряли его, делали из евреев рабов. Царей терпели, но никак не считали монархию лучшим способом правления. Сохранялась ностальгия по патриархальному обществу. Это сходно с политическим идеалом ислама, для которого цари — халифы, шейхи, султаны — это отнюдь не идеал. Как у древних евреев, у арабов эпохи Мухаммеда монархия — это прежде всего строй жизни враждебных империй, Византийской и Персидской, угрожающих свободным жителям Аравии.

Кроме того, отношения Церкви, точнее, церковных иерархов с монархами, царями, короля всегда были не идеальными. Провозглашался идеал «симфонии», «двух мечей», когда у светской власти своя сфера влияния, у духовной своя. На практике, обе власти постоянно конфликтовали. Это относится и к православию, и к католицизму, и к протестантизму. Всегда шло перетягивание каната. Принято считать, что православные в этом перетягивании обычно проигрывали, у них сложился «цезаропапизм», когда церковь превращалась в одно из ведомств государства, а вот у католиков был якобы «папоцезаризм», когда церковный аппарат превращался в подобие надгосударственной структуры, имевшей и собственное небольшое государство («Вотчина апостола Петра», центральная Италия). На деле, и католическая Церковь никогда не была полноценным государством или чем-то вроде ООН, и православные церкви отнюдь не были только марионетками царей. К тому же со временем всё больше католиков, православных, протестантов стали жить в странах Азии и Африки, где господствовали представители других религий.

В современном мире, где в большинстве стран с христианским прошлым религия отделена от государства, проблема уже не в том, должны ли иерархи Церкви по должности заседать в парламенте. Кое-где, кстати, ещё заседают, но вряд ли это

продлится долго. Проблема в том, за кого голосовать христианам, да и голосовать ли вообще. Не лучше ли система, при которой управление — удел специалистов, элиты. Может быть, не стоит давать право голоса тем, у кого нет образования или кто не имеет работы, или дать право голоса только бизнесменам, людям, доказавшим, что они инициативны, не иждивенцы. Да хотя бы и давали право голоса — нужно ли им пользоваться, если, как сказал Черчилль, демократия лишь наименее плохая форма управления из всех возможных. Христианин не должен выбирать из зол, он должен выбирать между разными видами добра.

Черчилль, хотя и организовывал сопротивление Гитлеру, был не демократ, что и видно из его остроты. Он был аристократ, более того — гусар. Имеет право христианин быть аристократом? Конечно! Как имеет право христианин быть и королём, и демократом. Ещё христианин имеет право отречься от престола, отказаться от всей своей собственности, поместий, крепостных, отказаться от титулов. Имеет ли право христианин отказаться от свободы? От своей — конечно. Найти себе рабовладельца — тоже есть такое право. Себе, не другому! Кто верит в существование таких людей, которым можно навсегда доверить руководство окружающими, — пусть доверяет им себя. За других решать не следует.

Заметим, что монашеское послушание, самоотречение — вовсе не проявление доверия к свободно избранному начальнику. Давая обет послушания, монах отлично понимал, что игумен или аббат такой же грешный человек, как он, и на смену этого архимандриту придёт другой, тоже не совершенство. От своей воли отказывались не из доверия другому человеку, а из доверия Богу. Кто раздавал имущество нищим, делал это не потому, что был уверен, что нищие сумеют распорядиться неожиданным богатством, а потому что был уверен, что сам не должен больше им распоряжаться. Это психология прямо противоположная психологии самоуверенного человека, убеждённого, что его успехи — доказательство того, что он лучше нищего может руководить государством.

Идеального политического строя быть не может по определению. К патриархальному обществу это тоже относится. Оно формально напоминает идеал анархистов, либертариан,

но и патриархальное общество, даже одна-единственная семья Адама и Евы — это уже союз грешных людей. Почему Каин убил Авеля? Любой психолог напомним, что проблемы детей — это проблемы родителей. Что было не так в отношениях Адамы и Евы? Грех тут проявился сразу и ярко — в неравенстве. Ева составляет меню, Адам покорно ест, что дадут, но зато в какой-нибудь другой сфере будет приказывать Еве. Вот и микромодель гнилой политики. Сделка, где обе стороны выигрывают самоутверждение, а проигрывают любовь, уважение, свободу.

Вот почему не только о государстве, но о любой семье — и не только о семье, но и любой форме социального взаимодействия, от кружка любителей кино до государства — Иисус сказал: есть общежитие через господство друг над другом, а есть через служение друг другу. Можно даже стать рабом — но самому. Впрочем, а зачем становиться рабом? Чтобы отдать за другого жизнь, сравняться с Господом Иисусом Христом? Кому это нужно, кроме своего тщеславия? Может, лучше изобрести, наконец, таблетку от насморка — самой мучительной болезни человечества (если не считать грех)?

Знаменитые слова Спасителя про «кесарю кесарево, Божие Богу (Мк. 12, 17) это, конечно, лёгкая насмешка над «кесарем». Характерно еврейская насмешка — ведь для еврея изображать людей (и вообще живых существ) был грех, «кумиротворение». На этой монете такая гадость — ну и отдайте её тому, кто эту гадость придумал. Это именно ирония, это не цинизм, не отрицание возможности государства (и денег) вообще, как изгнание торгующих из Храма — не отрицание торговли.

«Кесарю кесарево» потому и стало популярным, что это простой и чёткий лозунг сопротивления всякой власти, которая заходит слишком далеко. Но где начинается «слишком»? Что такое, наконец, «Божие — Богу»? Понятно, что Богу от человека нужно одно — человек. Любящему от любимого нужно одно — любимого. Означает ли это, что вся любовь Богу, людям кукиш? Наоборот, любовь к Богу укрепляет любовь к людям.

Бог — Слово, любовь к Нему может быть выражена одним — словом. Так и в отношениях с людьми так же — слова, слова, слова. И это замечательно! Ну не «булки, булки, булки»,

не «знания, знания, знания». Конечно, именно слова — слова любви, слова доверия, разные слова.

Тогда становится понятен критерий в политическом поведении людей: политика есть искусство слов. Не бомб, не насилия, а именно слов. Какой бы вопрос ни предстояло решить — ввинтить лампочку в подъезде или отразить падение астероида — без слов не обойтись. Политика есть состязание словами, обещания словами, планы словами, наконец — обратная связь, тоже словами. Слова — это вовсе не обязательно звуки, пространные речи. Словом может быть галочка в избирательном бюллетене. Свободные и равные выборы — это та же речь, когда говорят все, кто хочет, все равны возможностью поставить галочку там или в другом квадратике. Обратная связь может быть и без всяких галочек, просто руки поднять, если школьники выбирают, куда в поход идти. Обратная связь может даже выражаться взглядом или вздохом, если это в семье. Важно, чтобы обратная связь была, её формы, уровень точности и охвата, — бесконечно разнообразны, как бесконечно разнообразна жизнь людей вместе.

Обратная связь, как и всякое общение, всякий обмен словами — добро, в отличие от начальственной немоты, тоталитарной глухоты, насилия и войн, которые всегда зло и только зло. Выбирать тут можно только внутри общения, а не между общением и разобщением, и равенство людей — это равенство в общении, а не повиновении. Политическое развитие человечество ещё далеко не закончилось, потому что люди ещё только начинают говорить и общаться по-настоящему, и лучший способ послужить Богу и людям — это общаться с Богом и с людьми на равных, и это равенство явлено было Христом: равенство с людьми в смерти, равенство с Богом в воскресении.

44. ЦЕРКОВЬ И БРАТСТВО: ТВОРЧЕСТВО В МИРЕ ВОЙНЫ

«Мир имейте между собою» (Мк 9:50).

В греческом оригинале тут глагол. «Мирствуйте». Когда для всех достигнута свобода от дискриминации, когда все равны перед законом, начинается настоящая жизнь и настоящие проблемы. Свобода и равенство — как выпить и закусить. Дальше-то что? Поели, попили... Сколько же убийств совершается именно на излёте дружеских пирушек и семейных посиделок!

Мир есть война всех против всех. Если «все» ограничиваются, условно скажем, Адамом и Евой, будет война полов. Если война полов имела хотя бы два перемирия и в результате налицо, условно скажем, Авель и Каин, будет война Каина против Авеля.

Война Каина и Авеля превентивная, война справедливая — с точки зрения Каина. Война цивилизаций, война экономическая, война классовая. Один земледelec, другой пастух. Уважительная причина бояться нападения? Ничуть не хуже любых других — и ничуть не лучше. Любая причина для война — не причина, а повод. К ссорам, самым пустяковым, это тоже относится.

Поводы для войн эволюционируют и совершенствуются. Рыжий Исав и нерыжий Иаков — и вот уже налицо тысячетлетняя война арабов и евреев. Автомобилистов и пешеходов, остроконечников и тупоконечников, северян и южан.

Мир без дискриминации, мир свободы — возможен, как и мир равенства. Это решаемая проблема — коли уж ликвидировано рабовладение или публичные дома, страсти успокаиваются и становятся непонятным, как вообще можно было опускаться до такого непотребства.

Мир без братства, мир как мир — проблема нерешаемая в принципе. Как есть глаголы совершенного вида, есть несовершенного, так «мирствуйте», «миряйтесь» — вид несовершенный, не перфект, а нескончаемое действие. Технически невозможно выключить войны и рознь, хотя технически возможно выключить рабство и дискриминацию.

Мир не есть отсутствие войны, мир есть какое-то постоянное усилие, как ходьба, еда или чтение. Война так же калечит и убивает человека как пролежни и инфекции убивают того, кто не двигается, как голод убивает того, кто не ест, как невежество убивает того, кто не читает. Не всегда физически, далеко не всегда быстро, но — убивает.

Евангелие начинается с утверждения, что теперь, когда Рождество, «на земле — мир», но Иисус Иисус настойчиво говорит, что враги человеку «домашние его», братья и сёстры, мать и отец. «Не мир, но меч» относится именно к этому — это не призыв к мечу, это предупреждение: появление мира вызывает сопротивление. Люди нервно себя чувствуют рядом с теми, кто «мирствует». Не надо обманываться: жить мирно не означает пользоваться симпатиями окружающих. Добрых любят, миротворцев — нет. Все заповеди блаженства — парадоксы, противопоставления: кого выгнали люди — того примет Бог. Довели до слёз — Бог утешит. Выгнали — Бог даст приют. Где противопоставление в «блаженны миротворцы»? Ведь им самое лакомое достаётся — они будут приравнены ко Христу, «сына Божьими нарекутся»? Да потому что быть миротворцем означает принимать на себя шишки и синяки. Все будут считать тебя предателем и дезертиром — Христа таким считали.

«Мирствовать» означает не бесконфликтный конформизм, не бесхребтничество, а умение предвидеть конфликты, творчески смягчать и преодолевать конфликты и, наконец, готовность стать жертвой конфликта — лишь бы не уничтожить того, с кем конфликт. Бог с людьми не воюет — вот образец мира. Рождение Христа — не появление Бога в стане врага — человечества, для инфицирования, заражения, внутреннего преодоления. Просто жертва Собой. Отказ воевать, более того, отдача себя в заложники.

Призыв «мирствовать» повторен в Новом Завете несколько раз, в послании к римлянам (12, 18) с добавлением страшной оговорки: «Если возможно». Что страшного? «Если невозможно» — как это обычно бывает — то воевать? Да нет, «если невозможно» — то умирать. Не всегда физически, но всегда душой. Это и есть «погубивший свою душу спасёт её». На самом деле, всё не так плохо — «невозможное людям, возможно

для Бога» (Лк. 18, 19). Свобода и равенство и без Бога вполне возможны, вот мир — только с Ним. Это хорошая новость — для верующего.

В современном мире многие христиане боятся глобализации. Да и не только христиане: как не бояться огромного пространства без защиты от произвола богатых, хитрых и алчных. Своё государство, где можно призвать чиновника к ответу, люди, язык которых ты понимаешь, психологию которых ты понимаешь, — хорошая защита от угроз. Мир без границ — угроза даже не войны, а результата войны: поражения и порабощения. Свой мир с чёткими границами — спасительный «домик».

Только на самом деле границы — средство не защиты и мира, а результат проигрыша, шрам от какой-то проигранной или выигранной войны. Где-то поступательное движение людей к нормальной мирной жизни было прервано войной, ссорой, и вот появились пограничники — а это та же армия. Разделение по нациям и государствам — разделение, при котором одним покровительствуют, других ограничивают — это не средство защиты от других, это средство нападения на других. Война заградительных торговых пошлин, поощрение «своих», «своего» языка, «своей» культуры. Пусть книжка бесталанная, зато язык «свой» — ей предпочтение, а если «чужой» автор — то нехорошо, нехорошо.

Именно для христианина такая война — в виде защиты «своих» — неприемлема, как и любая другая война. Нет «своего», есть Царство Божье, есть «народ христианский» — и где ни живёт христианин, он христианин. Глобализация — возможность где угодно быть, и быть собой, возможность откуда угодно получать информацию и передавать информацию — это плод христианства, результат выхода благодати из колыбели на простор космоса.

Конечно, вполне возможно глобализация имперская, «вавилонская», глобализация рабства и угнетения. Многие люди считают себя достаточно умными и ответственными для того, чтобы объединит человечество под своим мудрым управлением. Такие люди всегда в состоянии третьей мировой войны — обдумывания, планирования, частичного осуществления. Их оружие — отнюдь не торговля, а вполне банальные солдаты

и оружие, пусть и очень усовершенствованное, но всё равно средство уничтожения, не средство торговли и просвещения.

Глобализация как преодоление границ не столько снимает опасность войны, сколько переводит воинственность и агрессию на другие рельсы — в личную жизнь. Потребность в миротворчестве от этого не уменьшается, а возрастает. В концлагере не нужны экскурсоводы — они нужны там, где есть свобода передвижения. Настоящее миротворчество востребовано не во время войны, и не там, где все успешно отгорожены друг от друга колючей проволокой. Глобализация мира требует локализации мира, требует и поощряет — ведь становится легче обратиться к другому за помощью или с помощью, легче делиться миром. «Легче» не означает «проще»: «мирствовать» там, где нет колючей проволоки, нужно виртуознее ровно в той степени, в какой и война становится виртуознее, невидимее, перемещается из военных ведомств и фронтов на кухни и в спальни. Зато и миротворчество настоящее именно тут, а не там, где разговоры о Боге ведутся под сенью беспилотников. Ну как беспилотнику объяснить бессмысленность его действий? Пилоту надо объяснять. Высший пилотаж миротворчества — обращаться к пилоту войны без самолётов, без фронтов, даже без противника.

«Мирствовать», «творить мир» — это процесс и максимально личный, и максимально общий. Как и воевать. В истории христиане часто соединяли личное стремление к миру с соучастием в войне как общем деле. От себя — миротворец, от Церкви — танкотворец, ядернобомбоосвященник и т.п. Был такой дворянский род с парадоксальнейшей фамилией «Святополк-Мирские». Мало того, что «святополк» — это как «христопилат», так ещё и «мирские», хотя по деяниям сего рода — совершенно воинские. Очень немногие христиане отказываются служить в армии, и на таких косятся свои же собратья по вере. Так ведь неслужение в армии — это лишь начало, это маленькое упражнение в «мирствовании».

Война как раковая опухоль пронизывает самые прогрессивные страны, и миллионы людей работают на военнопromышленный комплекс, сами того не сознавая. В России этот комплекс составляет три четверти промышленности. В оправдание ссылаются на то, что войны способствует развитию

науки — это как утверждать, что сифилис способствует развитию медицины. Тормозит, отвлекает от настоящих проблем! Вот англиканская церковь — взяла и отказалась вкладывать средства пенсионного фонда в акции заводов, выпускающих военную технику. Там доход выше, чем в производстве санок. Пенсии у духовенства сразу стали меньше, а они и были небольшие. Вот это — «мирствовать».

Правда, уже после этого, в 2013 года выяснилось, что часть акций вкладывалась в фирму, которая производила посудомоечные машины, моторы, а ещё военные беспилотники. Всего три процента у этой фирмы — военная промышленность, но верующие возмутились — нельзя! Как выразился священник Кейт Хебден (его в Америке арестовывали за «нападение» на штаб управления беспилотниками): «Это означает, что мы заинтересованы в войне». Нет войны — нет производства оружия — нет прибылей.

Тут оказывается, что жить «в мире друг с другом» можно понимать не как «жить в мире со всеми людьми», а как жить в мире с друзьями. Тогда понятно, почему «жить в мире друг с другом» не сопровождается оговоркой «если возможно». С друзьями и самый мерзкий и порочный человек живёт в мире! Как Господь Иисус и сказал — друзей любить кому ума не доставало, вы врагов любите, как Бог всех любит. А если «всех» — то и «невозможно» сразу образуется.

«Мирствовать» трудно не только потому, что мир со всеми — это как квадратный круг. Мы же привыкли к выбору: либо — либо. Либо мир, либо со всеми. Проблема в том, что мы слишком слабы, чтобы жить в мире со всеми. Цену мира надо узнавать о военных, которые перестали быть военными. В истории Церкви такие бывали. Не ботаники. Вполне быть «в мире с кем-то», хотя бы со своими детьми или родителями, или даже с друзьями, может быть лишь человек, который может и воевать. Сильный, очень сильный человек. Слабый человек не «мирствует», он «слабствует». Евнух не может хвалиться воздержанием.

Здесь и источник надежды. Бог не зовёт быть слабым, Бог зовёт быть сильными. Звать человека к слабости бесполезно, человек не создан для слабости и поражений. Звать к силе можно и нужно — сила в человеке есть, вот с употреблением

этой силы есть некоторые сложности. Точнее, человек настолько упрощает жизнь, что возникают сложности с миром. Например, среди определений справедливой войны было такое: справедлива та война, которая начинается, когда все средства к миру исчерпаны. Хороший такой критерий, он в принципе делает всякую войну несправедливой, ибо невозможно исчерпать все пути к миру. Нельзя исчерпать то, что нужно созидать, творить, а не просто искать по закоулкам.

Творческая сила человека — вот главное средство «жить в мире со всеми». Художники и изобретатели, балерины и политики, продавцы и бухгалтера, — все профессии творческие, на всяком рабочем месте производится мир — или война. Не прекращается производство и дома, и на пенсии, и даже в реанимации — и доктора, и умирающие, и выздоравливающие производят либо войну, либо мир. Только военные и те, кто работают на войну, ограничены в своих возможностях. У них — без выбора, в этом ужас войны, совершающийся и тогда, когда войны нет. Радость быть в Церкви — это радость быть в мире, в ситуации анти-войны, когда невозможно воевать ни с кем, ни за что. Не может сильный человек воевать, как не может слон гоняться за мышами. Пока гоняемся — мы слабы, мы не пользуемся силой Божией, а упражняемся в слабости человеческой. Мы не «мирствуем», мы «воинствуем». Впрочем, «воинствуем» — слово вполне обычное, привычное. «Церковь воинствующая» — вот до чего дошло. А Церковь начинается там, где заканчивается слабость войны и начинается сила мира, сила Божия.

45. ВЕРА В АД И ВЕРА В БОГА

«И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый.» (Мк 9:43).

Господь Иисус Христос говорит о геенне огненной. Это — не откровение Бога о загробной жизни, это — разговор Бога с людьми, которые убеждены, что геенна огненная существует.

Картина мира у древних евреев (и не только у них) была гееннальной. Был и свод небес, причём небес было несколько — апостол Павел говорит о семи. Хорошо хотя бы, что Павел не призывает — в отличие от митраистов — стараться последовательно восходить на эти небеса. Побывал на экскурсии — и достаточно.

Была и преисподняя. Притча о Лазаре и богаче помещает выдуманных персонажей в такой ад и в такую геенну, которые никто не считал выдуманными. Малоприятное место. Когда Христос говорит, что грешники пойдут в огонь вечный, Он абсолютно серьёзен. Другое дело, что Его серьёзность выражается не на Его языке — не на языке абсолютной Любви, не на языке абсолютного Знания — а на языке слушателей, людей очень относительно добрых и не менее относительно понятливых.

Древние евреи не были оригинальны в представлениях о загробной жизни, да и представления эти развивались синхронно с представлениями других народов этой части света. У всех были представления о некоем суде, о месте, где бестелесные остатки людей мучаются в жажде настоящей, полнокровной жизни — и о месте высшем, где умерший живёт в теле, а потому ест и пьёт в своё удовольствие и в отличной компании. За вечно праздничным столом подают всякие вкусняшки — например, левиафана, огромное чудовище, воплощение зла, которое хорошо тем, что его на всех хватит — как на всех хватало искушений зла тут, на земле. А кому не хватит, так у левиафана есть и женский вариант, самка, «бегемот», тоже очень недурно, особенно если хорошо потушить, а для соуса использовать не красное, а белое вино.

Это преставления, уходящие в глубокую — то есть, шумерскую, угаритскую, вавилонскую, египетскую — древность. Но жизнь не стояла на месте, как и представления о смерти. Апокалипсис Иоанна рисует совсем другой загробный мир, чем Апокалипсис Варуха (есть такой среди апокрифов) или «Малый Апокалипсис» в Евангелии от Матфея. Образ рая, в котором 144 тысячи праведников стоят перед алтарём, увенчанным Агнцем, изображался художниками тысячи раз. Но этот пряник как-то не очень вдохновлял и вдохновляет даже верующих. Редкий христианин дочитает Данте даже до «Чистилища», а в Раю просто сдохнуть можно от скуки — то ли дело девять кругов Ада, хоть в исполнении Данте, хоть в исполнении Босха.

Для современного человека «загробная жизнь» представляет не одну, а две больших проблемы. Одна материальная, другая духовная, и духовная, как всегда, больше.

Материальная — потому что современная, научная картина мира никак не совместима с представлениями о делении мира на небеса, землю и подземелье (преисподнюю). Но это проблема чисто техническая. Ведь именно современный человек — по-настоящему современный — умен не механически, умен методологически, понимает, что любое описание реальности и сама реальность не совпадают, более того — не могут совпасть. Это не беда, беда была бы принимать описание за реальность, не чувствовать разрыва, вечного отставания нашего восприятия от бытия.

Спасение, счастье, смысл не в том, чтобы человек идеальным локатором, датчиком, точно воспринимающим и отражающим космос, а в том, чтобы человек стал, наконец, вполне человеком. Как это будет в смысле расположения молекул, атомов, аппендикса, какие бактерии тогда нас будут населять, какие извилины и как будут извиваться, — это мелкие технические детали.

Духовная проблема есть проблема справедливости, и это, видимо, изначально. Покойников боялись (отсюда языческая благоглупость — «о покойниках либо хорошо, либо ничего»), потому что первое острое чувство, которое пронзает, когда умирает близкий человек — как же я виноват! Чем виноват, почему виноват, где виноват? Виноват — и всё! Я виноват уж

тем, что я живой. Справедливость в том, чтобы он был жив, как и я.

Это — когда умирает близкий человек. «Близкий» — по Евангелию — тот, который, по выражению Жуковского, «животворил» нашу жизнь. «О милых спутниках, которые наш свет Своим сопутствием для нас животворили, Не говори с тоской: их нет, Но с благодарностию: были.

Когда умирает тот, кто нашу жизнь, скажем мягко, не совсем животворил, первая реакция другая: «Наконец-то!» Никто не скажет о собаке: «собаке собачья смерть», а о том, кто мучал и истязал, и это скажут, и геенну огненную для него обустроят, и скрежету зубовного подбавят. Всё по справедливости!

Только это несправедливая справедливость. Справедливость равновесия. Око за око. Только равновесие — свойство не духовного, а материального мира. Творец и творение — разного веса, ведь Творец не весит ничего. Любовь — неравное явление, в любви каждый весит больше другого. Так что к механической несправедливости, которая на поверности (нельзя за временное зло расплачиваться вечно, будь ты хоть трижды Ленин), прибавляется несправедливость духа. Она двойная: не может грешник расплачиваться за грех бесконечно, не может праведник кушать гефилте бехемот, пока кто-то не кушает. Авраам и Лазарь не получают ни малейшего удовольствия от рая, пока богач в аду. Спасение в том, что Иисус по дороге в рай забегает в ад и за этим богачом, и за всякой сволочью. Вместе страшно, врозь противно.

Христиане по разному решают эту проблему. Традиционное решение — как-то так истолковать тексты Библии, чтобы вышло и нашим, и вашим.

Неплохая попытка у Свидетелей Иеговы, которые все тексты о геенне, вечной зубной боли и сковородках объявили метафорами (что, между прочим, абсолютно верно, а это у Свидетелей Иеговы нечасто), а идеалом объявили полное и безоговорочное исчезновение грешников. Был мыльный пузырь — и лопнул. Это же не мучение — взять и исчезнуть? Мучается тот, кто существует, а нет человека — нет и проблемы.

Правда, Свидетелей Иеговы не хватило на то, чтобы своё решение объявить именно своим. Они попытались найти ему обоснование в Библии, вышло неудачно: слово «олэтхрон» (2

Фес. 1,9) означает вовсе не аннигиляцию. У Софокла один герой просит другого «олэтхрон» отсюда, что, конечно, можно перевести как «сгинь», но в ещё менее буквальном смысле, чем «скрежет зубов». Великий Демосфен обозвал не вовремя подвергнувшегося Эсхина «олэтхрон граматеус», — ну, тут уж классикое «проклятый», а не «несуществующий». Проклятый писака.

Впрочем, в эсхатологии (так называется учение о жизни в вечности) Свидетелей Иеговы это не самое печальное. Те, кто не исчезнет, резко делятся на две категории — одни выше, другие пониже, и большой вопрос, кому лучше — дюжине дюжин тысяч праведников, которые мучаются, непрестанно изображая хор, невзирая на наличие или отсутствие у себя слуха и голоса, или тем, кому посчастливиться остаться внизу, на Земле. Конечно, это лучше Данте, это даже лучше «Мастера и Маргариты», где человек «успокается» за вечной застольной беседой с друзьями, тёмные аллеи, просекко и пармезан... канделябры... павлины духа... Тьфу, какая гадость эта ваша заливная рыба! Кому-то нескончаемый салат оливье и вечный Рязанов по телевизору — рай; вот бедолаги! Ад — это место, где люди не подозревают, что возможна нормальная жизнь.

В теологии Свидетелей Иеговы всего лишь как в лупе фокусируют все слабые и глупые стороны более традиционных христианских представлений о счастье, блаженстве, загробной жизни. К счастью, христианство это не совокупность наших представлений, а представление одного-единственного Бога. Представление не в смысле «представления к награде», а в смысле «выйти на сцену». Временная жизнь — это театр, не сознающий своей театральности, временности, условности, ограниченности. Балаган, который мечтает длиться вечно. Рай — это вечность, которая мечтает спасти время, а если Бог о чём-то мечтает, это совершается. Не быстро — с нашей точки зрения, из времени, зато справедливо — с точки зрения вечности.

Справедливость не по ту сторону смерти, она по эту, и она не в том, чтобы установить равновесие или, тем паче, всех людей превратить в белых пушистиков, а в том, чтобы каждый не растворился, а влился в разговор — бесконечный разговор Творца и людей, где Творец — не Тот, Кто замкнул на себе

внимание, купаясь в аллилуйе, а Тот, Кто присутствует в любом диалоге, стоит между бывшим палачом и бывшей жертвой, принимая на Себя все удары, всю ненависть, гася их и превращая — возвращая — в любовь, понимание, открытость. Только здесь и сейчас люди свободны не видеть этого райского блаженства, или видеть и отвергать его, а там и навсегда — люди будут свободны по-настоящему, свободны не в смысле выбора из двух и более зол, а свободны творить, свободны прощать, свободны любить, наконец.

46. БЕССМЕРТНОЕ ОБЩЕНИЕ И ОБЩИТЕЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ

**«И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте
здесь и бодрствуйте» (Мк 14:34).**

Жизнь не делится на вечную и не вечную. Если жизнь не вечная, то это смерть. Христос уничтожает традиционное представление о рае как о месте, которому противоположно другое место. Иисус рассказывает притчу о богаче, который из ада просит послать из рая кого-нибудь на землю, предупредить об адских мучениях, и получает отказ: уже послали, бесполезно. Иисус рассказывает эту притчу, но ведь это же глубокий парадокс, это как сказать «все мои утверждения лживы, включая и это». Иисус ведь послан, Иисус-то пришёл! Пришедший разбудить заверяет, что разбудить невозможно — зачем? Да чтобы разбудить! Есть абсурд греха: человек не может грешить, в принципе не может и не должен. Он же человек! На абсурд греха Бог отвечает абсурдом Христа: спасает тех, кого нельзя спасти, спасает так, как спасти невозможно. Словом спасает! Острым, парадоксальным, но всего лишь словом. Иногда словом с высоты горы, иногда словом с креста, иногда — разговором, иногда просьбой просто побыть рядом и бодрствовать. Не разговаривать, не присоединиться к Его молитве, просто бодрствовать.

Кстати, «бодрствуйте» — образчик отличного перевода. На латыни это «вигилате», а на греческом — «грегорейте», ровно от того же корня, что имя «Григорий». Стражник. Стражник, конечно, бодрствует, пялится в темноту, но переводчик из всего, что заложено в «сторожить» выбрал именно усилие не заснуть.

Бодрствующий не обязательно бодр, но обязательно делает усилие. Это усилие делает Иисус, обращаясь к Отцу в последние минуты перед арестом. Он не впадает в транс, не уходит в экстаз, Он — говорит. От апостолов не требуется даже этого. Просто силиться быть.

«Быть или не быть» интуитивно понимается людьми про-странственно. Быть там-то или быть в другом месте. На этом

и основано представление о делении жизни на поюстороннюю и потустороннюю, а потусторонней на низ («ад») и верх («рай»). У Бога другой взгляд — да и любой нормальный человек понимает, что «рядом» не есть «вместе». Поэтому наибольшее одиночество человек испытывает часто в «толпе» — а «толпа» есть любое количество людей, хотя бы и один, если ты чем-либо не объединён с этим человеком.

Пространственное представление о жизни (и смерти) достигает апогея в «Божественной комедии» Данте. Каждому сверчку свой шесток. Точнее, каждому грешку. Страшный суд оказывается всего лишь механическим процессом, похожим на селекцию в Освенциме: этот совсем плох, в огонь, а этот крепкий, пусть послужит. Попоёт Богу.

Понятно, почему даже верующие иногда повторяют остроумное «в раю погода получше, в аду кампания повеселее».

Правда же заключается в том, что жизнь — это общение. Иногда словами, иногда — усилием не заснуть, иногда — едой. Чем домохозяйка, положившая жизнь на то, чтобы все были вовремя и вкусно накормлены и чувствовали себя согретыми и утешенными, отличается от Христа, на Тайной вечере и на каждой литургии говорящего «Примите и ешьте, Сие есть Тело Мое»? Ничем. Господь это Сам и подтвердил, сказав, что на Страшном суде спасутся те, кто кормил, а не те, кто болтал. В течение Своей земной жизни Христос обличал не домохозяек, не безмолвных обывателей, мещан, пастухов, а как раз высоколобых и длиннородых проповедников. «Ты заботишься и суетишься о многом» — это о ком? О говорливых, а тех, кто полагает, что без их руководства и проповедей Бог не Бог, заповеди не заповеди. Женщина, всю жизнь тихо обслуживавшая этого деятеля, это как раз Мария, а он — Марфа.

Всё зло в мире — от обывателей, мещан, тихих и мирных людей, потому что и всё добро в мире — от них же. Они не ходят на демонстрации, они даже и на выборы ходят редко. Тем не менее, именно они — те, кто в решающий момент и выйдет, и проголосует, и закроет своей грудью кого-то, не видя в этом особого подвига. Они хранят кусочки разбитого андерсеновского зеркала не для себя, а для других. Они работают на Бога, часто не подозревая этого, вполне неверующие, а то и атеисты.

Зачем же тогда веровать? Как тогда понимать последнюю фразу Евангелия от Марка: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет»? Во-первых, понимать, что эта фраза — не Марком написана, а приписано спустя, как и несколько предыдущих. Заметим, что «не будет креститься» всё-таки отсутствует, полной симметрии нет. Во-вторых, понимать, что, когда слово «веровать» приобретает столь мощное значение, то оно приобретает и другой смысл. Верует ли Великий Инквизитор? Субъективно — конечно. Как и Каиафа с Иудой. Спасутся ли они? Будем надеяться, ведь тогда и у нас появляется шанс! Мы же не лучше их, спросим себя вкрадчиво.

Можно ли человека, который до седьмого пота вкалывает день и ночь, чтобы прокормить семью, назвать неверующим? Иисус так никогда не делал. Таким Он просто открывал объятия, чтобы утешить и подставить плечо. Таким Он просто говорит слова поддержки и любви. Не обязательно через ангелов — через жизнь, через обстоятельства. Что уж говорить о семье бедолаги!

А если бедолага поступает работать в Освенцим истопником? А если бедолага убивает по пьянке жену, а то и всех детей, бывает ведь и такое? Каково ему будет, если на Страшном суде Бог простит и пригласит в рай? Ему ж мучительно будет, разве нет?

Это любимая мысль многих проповедников христианства. Мол, сказано же в Евангелии, что между праведниками и грешниками непреодолимая пропасть — непреодолимая в обоих направлениях. Мы к вам, вы к нам — не ходоки.

Сказано в Евангелии такое. А сделано — прямо противоположное. Описать это невозможно, а выражено это словами «Христос сошёл во ад». За святыми, за праведниками — да. Но кто сказал, что там кто-то остался?

Просто мы вновь мыслим пространственно. Бог — большой, Рай — огромный, а грешник-то мааленький. Ему будет страшно в раю. Бог — Огонь, а грешник — бумажный тигр, ему в раю будет нестерпимо жарко и он убежит. Не втыкают европейский штепсель в американскую розетку.

А Бог — не большой, Бог — живой. Бог — Слово. Быть лиллипутом среди великанов плохо, но быть лиллипутом среди

говорящих великанов — ничего страшного. Неужели Бог-Слово не найдёт таких слов, которые самого распоследнего обывателя — условно говоря, Ленина или Гитлера — не образумят, не сделают безболезненным вхождение в Рай? А святые в раю — они что, немые, как их обычно и воображали, и рисовали. Знают лишь слово «аллилуйя» и его воспевают? Боже, какой кошмар эта ваша проекция своих представлений о рае на Рай! Ах да — ещё святые урчат, глядя на мучения грешников в аду.

Если человек способен получить удовлетворение от мучений другого — хоть Сталина, хоть Бен Ладена — этот человек уже в аду. Но и его Бог спасёт! Уговорит! Уболтает!

«Мне отмщение и Аз воздам» есть совершенно особое представление о мести. Бог не говорит людям, что мстить бесчеловечно, Он обещает отомстить, но Его месть — это Христос. Воплощённое Слово. Не меч, а «Прости им, ибо не ведают, что творят». Так это — о творящих зло, но ведь большинство людей вовсе не творит зло. Грешим — да, но чтобы вот эдак торжественно творить зло, геноцид и прочее, так это нет.

Означает ли это, что Церковь и всякую религию нужно распустить, священные книги сжечь, и всем сидеть по домам и друг друга кормить?

Кстати, вечную жизнь часто представляли в виде вечного пира. Конечно, это большой шаг вперёд по сравнению с идеей кинозала, где крутят ужастик про ад, но всё же еда — это всего лишь прообраз общения, условие общения, но не само общение.

Когда Иисус шёл последний раз в Иерусалим и предупредил учеников, что Ему предстоит гибель, апостол Пётр стал убеждать Его повернуть назад (Мк. 8, 32). Тут Иисус ответил крайне резко, даже резче, чем в Гефсиманском саду, когда Он упрекнул учеников, что они не настолько Ему сопереживают, чтобы не задремать. «Сам иди прочь», — это если смягчить сказанное Петру, а вообще-то «пошёл к чёрту». Видимо, Петра перекосило и он сказал что-то про то, что вовсе не имел в виду, не бросит, и пойдёт за Ним куда угодно, потому что Иисус буквально прокричал через его голову всем: «Кто хочет идти за мной, должен отвергнуться себя и взять себе крест».

«Отвергнуться себя» не означает убить себя. Это даже не означает замолчать. Это означает всего лишь понять, что быть человеком иногда означает смерть, но смерть — не вечна.

Беда в том, что чаще всего человек, который хочет сберечь себя, свой дом, свою жизнь, рассуждает не как личность, а как «все». «Все», «народ», «семья», «коллектив», просто «мы» — это нечто несуществующее, но могучее. Это средство освобождения и защиты, становящееся целью, ради которой и убивают, и лгут, и просто насупленно молчат и уходят в сторону. «Мы» — последнее прибежище несостоявшегося «я», «я» испуганного, незрелого, струсившего, не находящего слов, чтобы выразить себя, не имеющего достаточного словарного запаса, чтобы понять слова другого, ближнего, дальнего, Бога.

«Мы» не может спасти от эгоизма и гордыни. «Мы» это и есть эгоизм с гордыней, только склеившиеся с чужими эгоизмом и гордыней. Спасает «я», нашедшее общий язык с другим «я». Общий язык, а не общую территорию, не общего врага, не общую кормушку. И язык этот — Бог.

Бог спасает нас только тем, что даёт нам Себя. Всё остальное — мелочи. Бог есть общий язык человечества и человечности. Осваивая этот язык, человек из «мы» становится «я». Это означает, что если человек «я», а не «мы» — он знает Бога. Не язык определяет, каков человек, а Бог определяет.

Тут ответ на вопрос о том, возможны ли «анонимные христиане», возможны ли праведники, даже святые, не верующие в Бога, а то и атеисты. Они не возможны, они — необходимы!

Бог не спасает человека от человечности. Бог не спасает человека от дара речи. Бог спасает человека от безличности, от замены дара речи болтологией, штампами, клише. Речь превращается в болтологию постоянно, ежедневно и ежеминутно. Человек обладает способностью и опошливать свою человечность, превращать её в пустую форму, — и тогда он величайший преступник, обладает человек и способностью воскрешать в себе дар слова. Есть слово — есть Бог.

Это не означает, что слово есть Бог. Бог есть слово с большой буквы. Бог есть сама возможность человеку говорить и общаться от себя, от сердца, а не от безликих абстракций. Вот — норма, вот — рай. Ад там, где человек, мучается он или наслаждается, сопровождает это чужими, заимствованными словами, не превращая их в свои. Рай там, где «здрасьте» звучит как только что рождённое, неповторимое, оригинальное слово.

Критерием отличия мёртвого слова от живого, разобщения от общения является не форма слов, а дух. Никаких других, формальных критериев в речи быть не может. Вот почему иногда живое слово — это молчание, иногда — слёзы, иногда еда, афоризм, а иногда длинный монолог. Но никогда слово не может быть ненавистью.

Если слово ненависти — значит, не слово, а пустой звук. Другое дело, что бывает фальшивое добро, бывает и игровая ненависть, игрушечная и вовсе не ненависть на самом деле, но только в общении выявляется, каким является то или иное слово. Не один человек это определяет — двое. Вот это — в общении с Богом — и называется верой. Вера есть признание человеком Слова Божия — Богом. Может быть, Слово Божие горькое, обидное, неяркое, странное, доказать, обмерив и сравнив со словарём, тут ничего нельзя, но вера — знает и признаёт.

Спасает не вера в Бога, спасает Бог, и далеко не всякий спасённый верует, но всякий спасённый жив Богом — опять возвращаемся «вы накормили Меня». Очень жаль, что некоторые живы только верой в Бога, но и это лучше, чем ничего, и это, кажется, просто часть огромного Труда Спасения.

Понятно, что менее всего говорят Богом люди, которые заявляют, что вера «в глубине души», где слов вообще нет, что все слова — это негодные средства, а уж за Символ веры вообще в аду люди будут гореть. Это тот же догматизм, та же глухота к Богу, что и у фанатиков слов, только вывернутый наизнанку.

Молчать о Боге так же само по себе не спасает, как и говорить о Боге. Это физиология. Спасает молчать — если молчишь с Богом, если бодрствуешь, пока Христос Сам с Собой спорит о последней чаше. Спасает говорить — если говоришь с Богом. Или с тем, Кого Бог пошлёт поговорить. Как отличить самозванцев (случаются и такие) от посланцев? А никак! Приходится то верить, то проверять, а чаще — просто идти на риск. Кто не рискует открыться людям, тот рискует тем, что ему Бог не откроется.

Притча о сеятеле говорит о семенах, которые по-разному прорастают. Иисус объясняет: семена — это слово Божие. Прорастает оно по-разному. А вот чего Иисус не объясняет: что такое «прорасти». Пойти в Храм? Застелить кровать?

Поговорить с внучкой? Эмигрировать? Накормить голодного? Может быть и то, и другое, а может что-то ещё и кое-что из этого. Непредсказуемо именно потому, что слово — Божие. Это не «щёлкни кобылу в нос, она махнёт хвостом». Именно поэтому святость — это ещё и терпеть непознаваемость спасения, разнообразие воли Божией, безмерную сложность вытаскивания человечества из бесчеловечности в вечность. «Станут последние первыми», — пошутил однажды Иисус, но не сказал, что новоиспечённые последние не пойдут в рай. Просто с первыми часто больше хлопот, именно потому, что они все такие набожные и говорливые, вроде бы святые, а в глубине хуже — и агрессивнее, и конформистее — среднего обывателя. Только в раю мы будем вполне говорить Богом, понимать Богом, это, а не погода или кампания, и будет райское блаженство — райское, потому что живое, живое — потому что вечное, вечное — потому что только безусловный, неистощимый Бог есть условие бесконечной человечности.

47. ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ — ДЫРА ВО ВРЕМЕНИ

«На всякий же праздник отпускал он им одного узника, о котором просили» (Мк 15:6).

«Праздник» — от корня «праздный», «порозжий», «пустой». День, пустой — свободный — от работы.

Вообще в жизни человека, в материальной жизни, очень много если не праздников, то разнообразных знаков свободы. Фотография любимого человека. Плакат на рабочем месте. Пирсинг. Фиолетовые волосы. Свитер, зауженные брюки или мини-юбка. Знаки меняются, потребность в том, чтобы среди серости обыденности, нужды, суеты была форточка в свободу — остаётся.

Такое форточки-дырочки есть и у неверующих, разумеется, но вполне они обретают наполнение для тех, кому жизнь вечная не фантазия, а мать родная. Главное — удержаться от идолопоклонства и обрядоверия, чтобы дырочка оставалась дырочкой, а не закупоривалась со временем. Простейший пример — крестик. Нательный крестик. Он же легко превращается в идола, не в напоминание о Голгофе и Воскресении, а в сигнал окружающим и самому себе: «Я хороший, я правильный, я следую традициям». Вообще крест — знак не специфически христианский, дохристианский, это одна из простейших для изображения геометрических фигур, у многих древних язычников начертить пальцем или ладонью крест было знаком, защищающим от зла. Поэтому благословение в виде креста или крест на груди довольно быстро распространились. Осталась самая малость: чтобы крест был не решёткой, через которую злу не прорваться, а чтобы он оставался напоминанием о свободе, кушленной смертью Господа Иисуса Христа. Крест и крестное знамение — не о бессилии зла и тьмы, а о неуничтожимой свободе добра и света.

Свобода должна быть свободной. Вот почему столько было (и есть) споров вокруг икон. Совершенно справедливы опасения, что иконы могут стать чем-то, порабащившим человека. Становились! Не Богу молились, а распределителю в виде иконы. Между прочим, если уничтожить иконы — будут молиться

Богу как распределителю. Дело не в том, что иконой заменяют Бога, а в том, что Бога приспособливают под свои нужды. Свобода же — не в победе над нуждой, а в том, чтобы нуждаться в Боге больше, чем в жизни.

Икона не порабощает человека. Человек порабощает себя рабству, а икона может оказаться средством такого порабощения. А может — бутылка водки. А может — конфета. А может — любовь. Почти всё может быть извращено. «Почти» — потому что бутылку водки и извращать не надо, она по сути извратизм. Человек порабощает себе икону — если он идолопоклонник. Разумно ли отказываться от икон? Чтобы не вводить себя в искушение? Жили же первые поколения христиан без икон, без изображений, и были уж верно не хуже нас? Верно. Сегодня протестанты не хуже православных или католиков, хотя обходятся без икон. Но и не лучше — во всяком случае, если и лучше, то не поэтому.

В английском языке слово «иконоборец» обозначает человека, который мыслит свободно, отнюдь не протестанта (кстати, именно Англиканская церковь не отвергла икон, она вообще сохранила многие католические формы). Свободно мыслить — удивительное дело. Свободная мысль может прийти как раз к тому, что идолопоклонство одно, а иконопочитание совсем другое, и что идолопоклонство грех, а иконопочитание — если не добродетель, то всё же свободное явление свободы в мире, освобождение искусства, а не порабощение человека.

При этом надо помнить, что водораздел сегодня проходит довольно витиевато. Во многих протестантских храмах висят репродукции православных икон, особенно Владимирской и Рублёва. В католических — само собой, но в католических храмах множество икон, написанных в Средние века вполне в традициях византийской иконописи, тогда это был единый поток искусства. Однако, католики не целуют иконы, как это принято у православных. У католиков вообще реже целуют святыни, это чаще делают священники, хранящие древний обычай. Современные люди в принципе, охраняя свою личную свободу, осторожнее во всех телесных соприкосновениях. Однако, поцелуй — он ведь тоже явление свободы в мире разобщённости, и как раз римо-католики возродили обычай во

время литургии либо обмениваться «поцелуем мира», либо пожимать друг другу руки. Интересно, эскимосы трутся носами на литургии?

Одним из самых шокирующих христианских обычаев для современных атеистов является почитание мощей. Обычай, возникший — как и иконописание — лишь через несколько веков после Воскресения Христова. Обычай, кажется, довольно редкий в истории религий, обычно останков умерших сторонятся. В христианстве же утвердился обычай обязательно иметь хотя бы маленькую часть кости от останков какого-нибудь святого или святой на престоле во время литургии. У православных такую частицу мощей вшивают в специальный платок («антиминс»), который расстилают на алтаре. Иногда алтарь устраивают на могиле святого — весь римский собор св. Петра стоит над древним некрополем.

Кажется, когда современные атеисты морщатся и кривятся, описывая этот обычай как «варварский», они всё-таки немного лукавят. Гамлет на сцене с черепом — культурно, а тот же череп на алтаре — некультурно? Как сказал апостол, для чистого всё чисто. Прясть волос любимой девушки — романтично? Первые состриженные ноготочки ребёнка мать хранит — трогательно? Так и то кальций, и то кальций, и это кальций, в чём проблема? Учитывая, что история духовной жизни людей начиналась с панического страха перед покойниками, с попытками от них обособиться, — обычай почитания мощей, останков не только совершенно логичен для верующих в воскресение, но и вполне, как сегодня принято говорить, экологичен. Сломан барьер между мёртвыми и живыми, у Бога все живы. Сейчас из праха покойников искусственные драгоценности делают и никто не ужасается, только денег жалко. А торфяной горшочек для саженьца из праха папочки — всем нравится. Чем же люди хуже деревьев? Что-то тут у атеистов невротическое... Не у всех, конечно, не у всех. У тех, которые в горшочек не влезают.

Главным же окном свободы для христианина является время — время праздника. Хорошо, когда это время ещё и с пространством соединяется, когда есть место, куда можно поспрашивать. Но совсем недавно были времена, когда священники и верующие молились в крошечных, замаскированных от посторонних взглядов, кладовках. Тут уж только время

остаётся. Сегодня во многих странах мира даже и дома запрещают христианам молиться. А в других странах молись — не хочу, а как-то недосуг.

Формально христианские праздники повторяют по структуре праздники иудаизма. Раз в неделю день молитвы, праздники на каждое время года, часто и по названию совпадающие с предписанными Библией. Дело не в иудаизме — его праздники тоже отзвуки, отзвуки древних земледельческих праздников. Прежде всего, об этом напоминают лунный календарь, который по сей день — в основе определения даты Пасхи. Седьмой день для Бога — это ведь остаток глубокой древности (как и 60 секунд и минут). Понятно и то, что под каждым религиозным торжеством лежит какой-нибудь древний праздник посева или жатвы. Ничего зазорного в этом нет. Вот если бы военные какие-то победы и одоления, это было бы нехорошо. Крестьянские праздники — это ведь тоже о свободе, о свободе от самого древнего и беспощадного царя: голода.

При всём внешнем сходстве — вплоть до того, что в основе христианских гимнов вполне иудейские псалмы — есть и огромное различие. Христианские праздники — это свобода не в Земле Обетованной, а в Христе. Христос — страна христиан. Пасха теперь — воспоминание не о прорыве к Земле Обетованной, а о прорыве Неба к людям. Не мы приблизились к вожделенному царству человеческому — Царство Божие к нам приблизилось. Седьмой день теперь — не чтение Пятикнижия, не о заповедях и Исходе, а о смерти и воскресении Иисуса, не маца, а Евхаристия. Очень близко — но и различие очевидно. Праздники вроде бы те же — но они уже и не о свободе от голода, не о свободе от рабства. Христианские праздники вообще оторвались от тех, кто празднует — это праздники Другого и других, это о Христе и Его святых.

Двенадцать самых больших праздников (Пасха в их счёт не входит, она — выше всего) — тех, которые считается грехом пропустить — это всё праздники, посвящённые событиям из жизни Иисуса. Они начинаются с дня рождения Его Матери — «Рождество Богородицы» — но ведь это день рождения именно Его Матери, не какой-либо другой. Как и праздник Воздвижения Креста — посвящённый находке в Иерусалиме креста, на котором был распят Господь — это же не о дереве,

не об орудии пытки (да и крест, возможно, был всё-таки не тот), это опять — о Христе. Только это и важно, а не то, действительно ли Марию девочкой ввели вдруг, нарушая все законы, в запретное для всех помещение Храма Соломонова. Это («Введение во Храм») воспоминание не о нарушении правил, а всё о той же свободе, свободе, которая всегда — нарушение законов земных и небесных, хотя — и вот здесь возникает Дух Святой — далеко не всякое, мягко говоря, нарушение законов есть свобода.

Древний обычай на праздник Пасхи освобождать одного приговорённого к смерти напоминает не только о том, что Сына Божия — не освободили, что Богу не дали той свободы, Которую Он даёт людям. Он напоминает о том, что веровать в Христа означает веровать в свободу, которая одна для всех. Принимать свободу для всех без страха погибнуть и в надежде любить и быть любимым всеми. Открывать во времени свободу для вечности, прощения, для Бога — и для себя в Боге. Открывать вместе, открыть постоянно, потому что форточки обладают неприятной способностью захлопываться от сквозняков — и свобода схлопывается, если не устраивать праздников Духу Божию, проветривая дух человеческий.

48. ВЕРА И НЕВЕРИЕ: ВМЕСТЕ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ

«А Он заповедал им, говоря: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой» (Мк. 8, 15).

Вера появляется из неверия как дети из матери. Верующими не рождаются, рождаются неверующими. Потом могут происходить разнообразные изменения, однако в одной точке вера и неверия соединяются: в борьбе с суевериями.

Суеверие — не просто ложная вера. Суеверие — неточная вера, напрасная вера. Суеверие паразитирует на истинной вере. В этом смысле, суеверие как закваска, дрожжи — только анти-закваска, анти-дрожжи (именно это имел в виду Господь). Просто дрожжи — с которыми Иисус сравнил верующих в Себя — это небольшое количество микроорганизмов, которые живут, выделяют кислород и благодаря этому сухая мука становится хлебом. Анти-дрожжи суеверности поглощают кислород веры, так что сама вера омертвляется. Как раковые клетки паразитируют на живом организме, убивая его.

К счастью, большинство суеверий — это уже мёртвые вирусы, неспособные убивать. Им даже уже и носитель не нужен, они на неверующих даже лучше себя чувствуют. Таковы суеверия, известные как «приметы». Пережитки древней «симпатической магии», веры в то, что сходство всегда не случайно. Упала ложка — жди женщину в гости, нож — мужчина (суеверие явно возникло до изобретения вилок). Таких суеверий и атеисты не стесняются, стараются не здороваться через порог. Христианину же подобает активно здороваться через порог и заказывать себе в поезде 13 место в 13 вагоне, чтобы не недоумённый взгляд кассирши сказать: «А вы знаете, что в 13 стихе 13 главы первого послания к коринфянам сказано о любви?»

К несчастью, предостаточно вполне живых суеверий. Это огромный пласт «народного благочестия» самого разного рода, от почитания святых источников и деревьев — пережитки язычества — до веры в то, что посвящение страны Богородице поможет стране. Суеверия могут паразитировать на ложных святынях или на том, что с точки зрения христианина

вообще не святыня (как те же источники), но может паразитировать и на подлинных святых. Борьба с иконопочитанием началась с борьбы с суеверного отношения к иконам, когда краску с икон соскабливали и подсыпали в чашу с причастием или просто в питьё. Освящение воды — акт веры, акт глубокой веры. Но суеверное отношение к святой воде — акт суеверия. Где проходит граница? Отчасти — в количестве, когда святой водой заправляют поливальные машины и опрыскивают город. Или когда воздвигают исполинскую статую Христа. Да-да, туристам развлечение, а христианину сущее мучение. Иногда размер имеет значение. Большая вера — это большая вера, а слишком большая вера — суеверие. Как определить, где начинается «лишнее»? Как всегда — постом, молитвой, размышлением, общением с Богом и людьми.

Не только гипертрофированный размер — симптом суеверия. Точнее, чрезмерность размера определяется не математически — чрезмерно всё, что в ущерб свободе. Показывать надо веру, а не чудеса. Уверять, что святая вода непременно поможет, что паломничество туда-то непременно исцелит то-то, а в другом направлении — другую болезнь, — очевидное суеверие. Это уже даже не напрасная или ложная вера, это вообще не вера, а знание. К тому же знание ошибочное, ложное.

Суеверие как ложное знание (а именно таковы архаические суеверия) заметно отличается от суеверия как веры в чудо. Суевер первого типа — своеобразный учёный, претендующий на некое знание. Суевер второго типа отлично знает, что ложка с женщиной никак не связаны, но верует в возможность превращения ложки в женщину. Или наоборот. Древние суеверия вовсе не нуждались в Боге как источнике сверхъестественного, для них вообще не был «сверх». Суеверия «новые» — побочный продукт знания о том, что далеко не всё «естественно», что бывает нечто невозможное — и вот за этим невозможным новые суеверы и охотятся. Им позарез нужны именно чудеса. Даже результат им, возможно, не так уж и нужен, как само явление чуда. Реальность вызывает у таких суеверов страх и отращивание.

Вот два примера из разных — и вовсе не религиозных — сфер. Сколько в мире людей, желающих что-нибудь запретить! Им ведь знамение нужно: запретили — помогло! Запретим

коррупцию — люди станут лучше жить! Запретим глупость и грех — люди поумнеют и станет добродетельнее! Это вера — именно вера — в запрет, в сверхъестественную силу насилия, ограничения, принуждения. Если брать религиозный пример: давайте запретим кощунства, или сатанизм, или «тоталитарные секты». Вера в «табу», в ограду — худшее суеверие. Паразитирует это суеверие на истине Закона. Только выворачивает наизнанку. Вместо «не убий» — «убью, если ты убьёшь». Вместо «не укради» — «накажу, если украдёшь». Более того, суеверие запрещённости пытается не просто запретить, но уничтожить саму возможность зла. Это как если бы в «Отче наш» была фраза «и уничтожь все искушения, тем самым избавив нас от зла».

Второй феномен на первый взгляд противоположен: не запретить, а разрешить, да так разрешить, чтобы мало не казалось — предписать! Ещё лучше — добровольно пусть все на себя примут какое-нибудь обязательство. Таков самый невинный патриотизм. Не ура-патриотизм, не горе-патриотизм, а обычная «гордость за свою страну». Не горе-патриоты всех стран призывают иметь национальные (государственные) флаги, иметь национальный гимн, склонять головы или прижимать руку к сердцу, когда гимн исполняют.

Оба сценария — грех суеверия, рождающийся из нарушения заповеди о недопустимости идолопоклонства. В случае с флагами и гимнами это более прозрачно, хотя те христианские конфессии, которые отказываются «присягать флагу», мотивируют это заповедью «не клянись», против патриотизма ничего против не имеют.

Идолопоклонство — на современном языке это «объективация». Идолопоклонство есть не только и не столько попытка превращения мёртвого в живого, идолопоклонство есть и попытка превращения живого в мёртвое. «Сатанизм» — это ведь живые люди. Почему вдруг они ударились в такое странное занятие как служение чёрных месс — вопрос к историкам. Ударились и ударились. Кошек не мучают? Младенцев не убивают? Не мучают и не убивают (если говорить о нормальных сатанистах). Ну так зачем демонизировать сатанизм? Пока сатанист не совершает уголовных преступлений — пусть живёт.

Демонизация поклоняющегося демонам — это ведь омертвление демонопоклонника. Он якобы уже и не человек,

а бесноватый, игрушка сатаны, марионетка ада. Ой да ладно! У ада бывают марионетки и игрушки, бывают и бесноватые, но они точно в сатанисты не записываются. Бывают сумасшедшие, которые объявляют себя сатанистами — но они вряд ли нужны и выгодны сатане. Они больны. Сатанизм же осуществляется обычно через приличных людей, умных, а иногда и набожных. Достоевский Великого инквизитора ведь не из пальца высосал.

Превращение живого в предмет, в мёртвого идола с негативным знаком, требование разбить этого идола. Такое «иконоборчество» — в британском смысле слова, то есть «вольномыслие», только вольномыслие деланое, реактивное, игровое — вовсе не есть правдолюбие. Оно — попытка компенсировать какую-то свою слабость. Как человек, склонный к рассматриванию порнографии, как раз часто обличает порнографию и распутство. Свою слабость объясняют силой другого. Вот запретят порнографию — я не буду её смотреть, и другие не будут. Это — не знание, а вера, и вера пустая, то есть, суеверие. Это «закваска Иродова», дрожжи анти-жизни. Надежда на «знамение» силы, на то, что камни превратятся в хлеба, если приказ о превращении будет отдан полномочным лицом и уверенным тоном. Надо только создать такое лицо и выработать такой тон, и люди станут хорошими, потому что цензура или другие виды государственной заботы оградят их от зла и оделят добром.

Это высмеяно Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе». Великому инквизитору не нужен Иисус на кресте, не нужен всемогущий Бог, становящийся бессильный Младенцем, ему нужен некто, кто превращает камни в хлеба, жаждет править миром, кто жаждет такой безопасности, чтобы ангелы не давали ему даже споткнуться.

Желание запрета — это суеверие политическое, это обожествление насилия. Закваска фарисейская — это желание идеала, суеверие религиозное. Пусть идеал из идеального станет реальным! Пусть облик Христа явится в спиле дерева, в форме пятна на стекле! Пусть Бог станет дважды и трижды Богом!

Вся культура патриотизма, патриотизм как явление, сформировавшееся в борьбе с разнообразными видами

угнетения — прежде всего, феодальным, патриотизм как объединение людей против дискриминации и неравенства перед законом, — есть культура со своими идеалами, обрядами, своего рода светская религия. Это не кощунство, потому что обряды самой религии есть заимствование у светской жизни, перенос на отношения с Богом того, что рождается в отношениях между людьми. В патриотизме происходит возврат уже обогащённой руды владельцу: не просто семья, а многомиллионная страна оказывается сообществом бессмертным, структурой, означающей больше простой суммы её элементов. Но это неверно! Любое человеческое сообщество — даже человечество — меньше одного-единственного пьяного агрессивного насильника. Или даже и трезвого. Вот — идолопоклонство, преклонение перед мёртвой абстракцией. Идолопоклонство, которое постоянно продуцирует суеверия — убеждённости в том, что своему народу, своей стране, своему государству свойственно аккумулировать некую энергию, иметь самостоятельное бытие, которое благотельно и ради которого многим можно пожертвовать. Тут не запрет, тут добровольная жертва — хотя бы в виде исполнения государственного гимна, хотя бы в виде гордости от того, что «совершили наши предки». Чудеса они совершили! Камни стали хлебами, пустыня зацвела, люди расправили плечи, дети лучше родителей и т.п. и т.д. Слава Огогондии! Чудо! Знамение!

Конечно, в Евангелии тоже говорится «просите и дано будет вам» (хотя там и говорится и «раздай», «погуби душу свою»). Но просить не запретов, просить не богатства. Единственный пример, который приводит Иисус — гору передвинуть. Может, Иисус говорил это, глядя на гору с возвышающимся на ней Храмом Иродовым (ведь «Храм Соломонов» был разрушен, а то, что видел Иисус — строилось Иродом). Может, глядя на Голгофу. Все эти горы остались на месте. Единственная гора, которую можно и нужно сдвинуть — человек. Но человек тогда может быть сдвинут, когда убраны горы суеверий — религиозных, культурных, политических, когда убрана суеверность как ориентированность на внешнее, на силу закона, страны, чувства, плаката, организации и т.п.

Суеверие омертвляет всё. Оно омертвляет Библию – и самое страшное суеверие не гадать на Библии, а твёрдо, уверенно

вещать от имени Библии. Закваска фарисейская и одновременно Иродова! У каждого солдата в ранце фельдмаршальский жезл, у каждого фарисея под талесом царская мантия. Суеверие омертвляет Самого Бога, превращая Его в коробку для своих страхов и желаний. Суеверие, наконец, убивает суевера. Человек самого себя оценивает не по тому, человек он или нет, а по тому, соответствует ли он чему-то, что выбрал нормой. Сколько читает, сколько благотворит, скольких врагов разъяснил, сколько разъяснений произнёс.

Зачем изобретать искусственный интеллект – люди успешно превращают свой природный, Богом данный интеллект в совершенно искусственный, пластиковый. Но было бы суеверием считать суеверие непобедимой силой. Суеверие – это непобедимая слабость. Так и не надо её побеждать, просто не разделять, не поддерживать, и что бы ни просыпалось – знать, что это лишь к примирению с людьми и Богом, к просыпанию в душе неудержимого стремления к истине и готовности расстаться со всем, чтобы прийти к Творцу всего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Что такое «духовный рост»	3
2. Вера и верования, фарисеи и фарисейство, закон и крючкотворчество, Библия и буквоедство	7
3. Путь: мистика, духовность, чудеса	10
4. Бог — отец Виноградной Косточки	13
5. К Творцу надо подходить творчески	16
6. Четыре этажа творения	19
7. Смысл жизни Адама и Евы	23
8. Грехопадение	27
9. От справедливости до милосердия — один Христос	31
10. История спасения от убийства до рабства, от Авеля от Авраама	35
11. История спасения от рабства до обеда. Исход	40
12. История спасения от обеда до любви. Заповеди	46
13. История спасения от любви до смерти. Цари	50
14. Болен ли Иов? Здоров ли Бог?	56
15. Богослужение: еда и песни	59
16. История спасения: пророки — пленники родного дома	64
17. Как передать, не передавая: догмы, каноны, символы веры, вселенские соборы	71
19. Христос	84
20. Рождение и творение. Непорочное зачатие и бессеменное зачатие. Матерь Божия. Боговоплощение	87
21. Вся надежда на покаяние	93
22. Молитва	95
23. Риски доброты	100
24. Любовь — переполненная пустота	104
25. Аскетика: искусственный ад	109
26. Аскетика: искусственный рай	114
27. Производительность труда и производительность греха	118
28. Несение креста	123
29. Воскресение без Духа — благодать на ветер	127

30.	Троичность, богочеловечность	133
31.	Дух Божий за пределами Церкви	139
32.	От мега-святынь к нано-святым	144
33.	Церковь из одуванчиков	149
34.	Община, приход, экуменизм	155
35.	Иудаизм, католичество, православие, протестантизм	160
36.	Между церковью и сектой	168
37.	Крещение и Причащение	173
38.	Таинства силы: миропомазание, венчание, рукоположение	178
39.	Таинства слабости: покаяние, соборование	184
40.	Каноны, иерархия, анафема	189
41.	Внутри церковных стен: от кельи до космоса	195
42.	Церковь и свобода: секуляризм, гуманизм, биоэтика от пробирки до эвтаназии	203
43.	Церковь и равенство: политика, выборы, демократия	210
44.	Церковь и братство: творчество в мире войны	215
45.	Вера в ад и вера в Бога	221
46.	Бессмертное общение и общительное бессмертие	226
47.	Вечная жизнь — дыра во времени	233
48.	Вера и неверие: вместе против суеверий	238